

■ Антон Горский ■

РУССКОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

*О чем молчат школьные учебники
истории? Что скрывают
Фоменко и Носовский?*

■ Антон Горский ■

РУССКОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Астрель
МОСКВА

УДК 94(47) "04/14"
ББК 63/3(2)4
Г67

Компьютерный дизайн: *Ю.М. Марданова*

Горский, А.А.

Г67 Русское Средневековье / Антон Горский. — М.: Астрель: Олимп, 2010. — 222, [4] с.: 32 л. ил.

ISBN 978-5-271-23786-7 (ООО «Издательство Астрель»)

ISBN 978-5-7390-2373-5 (ООО «КРПА Олимп»)

Как долго продолжалось татаро-монгольское иго? Кто был автором «Слова о полку Игореве»? Кто назвал Александра Невским, а Ярослава Мудрым?.. Известный историк Антон Горский отвечает на эти и многие другие вопросы.

Автор восстанавливает историческую справедливость и развенчивает некоторые из мифов так называемой альтернативной истории. Взгляды автора нередко при этом отличаются от официально признанных.

Так о чем молчат школьные учебники истории? Что скрывают Фоменко и Носовский?.. Вы узнаете много нового и интересного, прочитав эту книгу.

УДК 94(47) "04/14"
ББК 63/3(2)4

Предисловие

В 2004 году автор этих строк опубликовал книгу «Русь: От славянского Расселения до Московского царства», которая состояла из двух десятков очерков, рассматривавших спорные и узловые проблемы истории русского Средневековья. Эта работа была рассчитана на специалистов и издана тиражом 1000 экземпляров. Недавно издательство «Олимп» предложило подготовить на основе некоторых ее глав книгу, рассчитанную на широкий круг читателей. Результатом стало появление предлагаемого издания. В процессе написания получилось, что некоторые разделы вышли далеко за рамки простой переработки в научно-популярном ключе очерков книги 2004 года, включили в себя переложение более поздних статей автора, в том числе еще не опубликованные.

Название книги подчеркивает направленность ее составных частей: речь пойдет о тех традиционных представлениях о Средневековой Руси, которые не выдерживают проверки внимательным анализом исторических источников. Автор этих строк предпочитает хронологически неопределенному термину «Древняя Русь» понятие «Средневековая Русь», вводящее историю страны в общеевропейскую периодизацию. Средними веками в истории Европы принято называть период с V по XV столетие н.э. Соответственно русское Средневековье — это период от возникновения русской государственности до XVI века.

Глава 1. О так называемых племенах восточных славян

Каждому, кто интересовался ранней историей нашего Отечества, хорошо знакома картина расселения восточных славян, рисуемая «Повестью временных лет» — киевской летописью начала XII столетия. Эта картина многократно воспроизведена к тому же на исторических картах, в том числе в атласах, предназначенных для учащихся средней школы. Таким образом, если не с самим летописным текстом, то как минимум с воспроизведением содержащейся в нем информации на карте должно быть знакомо вообще практически все население страны.

Согласно «Повести временных лет» на Среднем Днепре, в районе будущего Киева, поселились *поляне*. К северо-западу от них, на правобережье правого притока Днепра — реки Припяти — жили *древляне*. Севернее древлян, между Припятью и Западной Двиной, обитали *дреговичи*. Верховья Западной Двины, Днепра и Волги занимали *кривичи*; их двинская часть именовалась *полочане*. На севере Восточной Европы, у озера Ильмень, поселились *словене* (наименование этой общности совпадало с общеславян-

ским названием*). На левобережье Днепра, по рекам Десна, Сейм и Сула, обитала общность под названием *север* (более поздняя форма названия — *северяне*). На Западном Буге жили *бужане* (позже ставшие именоваться *волынянами*). На реке Сож (левом притоке Днепра, севернее Десны) расселились *радимичи*. Район Верхней Оки занимали *вятичи*. Наконец, в Поднестровье (и вплоть до низовьев Дуная), на крайнем юго-западе Восточной Европы, жили *уличи и тиверцы*. «Повесть временных лет» относит складывание этой картины расселения славян по Восточной Европе к эпохе до середины IX столетия. Рассказ о ней помещен во вводной части летописи, где нет дат: первая датированная статья помечена 852 годом.

Что представляли собой перечисленные славянские общности? Такой вопрос может показаться излишним и даже странным. Наверняка любой человек, сколько-нибудь знакомый с исторической литературой, ответит: ну разумеется, они были племенами! Ведь коль скоро это еще не государства, значит — племена. И в самом деле, в исторической науке данные догосударственные образования славян постоянно именуются «племенами». Этот термин присутствует иногда даже в заголовках исследовательских трудов: так, книга видного советского археолога П.Н.Третьякова (изданная в 1941 и вторично в 1953 годах) называлась «Востоčnoславянские племена». Нередко, правда, историки предпочитают называть восточнославянские общности, перечисленные «Повестью временных лет», не племенами, а «союзами племен», утверждая, что они включали в себя более мелкие образования, которые и были собственно «племенами». Но сути дела это не меня-

* В раннее Средневековье этноним «славяне» звучал именно так — *словене*.

ет: все равно основой общественной структуры признается племя.

Но откуда собственно ведет начало столь непоколебимое убеждение, что восточные славяне делились именно на племена? В исторической литературе названные в летописи общности именуется племенами с такой уверенностью, что у читателя-неспециалиста может сложиться впечатление, что они называются «племенами» в самих исторических источниках, в той же «Повести временных лет» или в иных памятниках древнерусской письменности. Это тем более должно казаться вероятным, поскольку слово «племя» — древнее и общеславянское.

Однако на самом деле восточнославянские догосударственные общности *ни в одном историческом источнике не называются племенами*. Слово «племя» употреблялось в раннее Средневековье в иных значениях — «потомство», «семья», иногда «народ», но *никогда* не прилагалось к перечисленным «Повестью временных лет» восточнославянским образованиям. То есть в применении к ним «племя» — это чисто условный научный термин.

Но, может быть, хотя слово «племя» и не встречается в источниках по отношению к полянам, древлянам и подобным им общностям, оно применимо к ним именно в смысле научного понятия?

В науке «племенами» принято называть общности, основанные на кровнородственных связях, а именно — объединения родственных *родов*. Представление о таком устройстве, которое принято называть «родоплеменным», было выработано в науке в XIX столетии. Сначала оно сложилось в результате изучения общественного устройства народов, сохранивших до Нового времени архаический общественный строй — в первую очередь индейцев Северной Америки. Затем сходные явления были просле-

жены по историческим источникам у многих европейских народов — древних греков, римлян, германцев — в эпохи до образования у них государств. Постепенно стало ясно, что родоплеменное устройство было стадией в развитии всех народов. В приложении к истории славян это означало, что и они никак не могли миновать данный этап общественной эволюции. Ну а если поставить вопрос — когда у славян существовали племена? — ответ напрашивался сам собой: естественно, до образования государств! И коль скоро перечисленные «Повестью временных лет» общности не являлись государственными образованиями, стало быть, они суть племена. Это, казалось бы, очевидно, ничего иного просто быть не может.

На деле все оказывается не так элементарно. Чтобы разобраться, необходимо взглянуть на карту расселения раннесредневековых славян в целом, включая западных и южных, причем взглянуть с точки зрения их этнонимов — так называемых племенных названий.

Источники VII—XII веков — византийские, западноевропейские, древнерусские, чешские, польские — донесли названия около сотни славянских догосударственных общностей. Традиционно считается, что они подразделяются с точки зрения особенностей словообразования на две группы — на названия «топонимические» и «патронимические». Первую составляют наименования с суффиксом *-ане/яне* (поляне, древляне, мораване и т.п.); они происходят от местности обитания той или иной общности: поляне — жители «поля», т.е. открытого пространства, древляне (от «дерево») — жители лесов, мораване — живущие по реке Мораве и т.д. Вторая группа — названия с суффиксом *-ичи* (кривичи, радимичи, вятичи, лютичи и т.п.); эти этнонимы восходит к личным именам, именам предков («патронимам»).

Однако такие представления, мягко говоря, не вполне точны. Рассмотрение всех догосударственных славянских этнонимов показывает, что названия на *-ичи* далеко не всегда (а точнее, крайне редко) могут быть возведены к личным именам. Более того, они зачастую связаны с местностью обитания, т.е. относятся как раз к «топонимическим» названиям: например, «дреговичи» — обитатели «дрегвы», т.е. болотистой местности; «струменичи» (южнославянская общность в Македонии) — от реки Струмы (Стримона); «берзичи» (также в Македонии, у Охридского озера) — «живущие на берегу». С точки же зрения численного соотношения этнонимов явно преобладающими оказываются названия, связанные с местностью обитания (либо с гидронимами — названиями рек и озер, либо с теми или иными особенностями ландшафта), — около 80% среди этнонимов, происхождение которых можно определить. При этом преобладание названий этого типа прослеживается во всех регионах славянского расселения в раннее Средневековье — и в Восточной Европе, и в Центральной, и на Балканском полуострове, т.е. и у восточных, и у западных, и у южных славян. «Топонимические» этнонимы превалируют в источниках и VII, и IX, и X столетий.

Вывод о преобладании среди славянских этнонимов раннего Средневековья названий, связанных с местностью обитания, влечет, между тем, за собой умозаключения, полностью подрывающие представление о славянских догосударственных общностях этой эпохи как о «племенах».

В VI—VIII веках происходит так называемое Расселение славян, явившее собой завершающий этап так называемого Великого переселения народов — грандиозного миграционного движения, охватившего европейский кон-

тинент в середине I тысячелетия н.э. и полностью перекроившего этническую и политическую карту континента. Расселение славян осуществлялось по трем основным направлениям: 1) на Юг, за Дунай, на Балканский полуостров, на территорию Восточной Римской (Византийской) империи; 2) на Запад в Среднее и Верхнее Подунавье и междуречье Одера и Эльбы (на территории, с которых ушли на Запад германские племена, у которых миграции начались раньше, чем у славян); 3) на Восток и Север по Восточно-Европейской равнине (на земли балтских и угрофинских племен). В результате славянами был заселен весь Балканский полуостров, лесная зона Восточной Европы до Финского залива на севере, Немана и среднего течения Западной Двины на западе, верховьев Волги, Дона и Оки на востоке, нижнее и среднее течение Дуная, междуречье Одера и Эльбы, южное побережье Балтийского моря от Ютландского полуострова до междуречья Одера и Вислы. Так вот, большинство этнонимов раннесредневековых славян встречаются на *вновь заселенных территориях*. К территориям, на которых славяне предположительно жили до Расселения*, относится лишь около 20% названий. Основная же их масса фиксируется в районе рек Одера и Эльбы, в Среднем Подунавье, на Балканском полуострове, в лесной зоне Восточной Европы — т.е. там, где славяне появились в результате миграций, т.е. не ранее VI—VII веков. Большинство этих этнонимов, напомню, связано с особенностями местности обитания. Но на вновь заселенной территории эта местность обитания — *новая* для той или иной группировки. Следовательно, название общности появлялось только после заселения, со старого места

* Среди исследователей нет единого мнения, где обитали славяне до VI столетия, но большинство сходится на том, что накануне Расселения они занимали территорию между Средней Вислой и Средним Днепром.

проживания оно принесено быть не могло. Таким образом, надо признать, что названия большинства восточнославянских общностей раннего Средневековья — *новые, появившиеся только после Расселения VI—VIII веков.*

Между тем самоназвание — один из важнейших индикаторов этнической общности. Это главный показатель самоидентификации этноса — группы людей, осознающих общность происхождения. У славян же после Расселения происходило, получается, в массовом порядке появление новых самоназваний. Это может свидетельствовать только об одном: славянские образования, которые складывались после миграций, не были в большинстве случаев поначалу связаны представлениями об общем происхождении. Очевидно, в ходе Расселения происходила ломка племенной структуры, и осколки прежних племен, объединяясь в ходе миграций или уже на месте нового поселения, создавали новые общности, имевшие уже чисто территориальную основу.

В пользу такой трактовки событий говорит и терминология, применяемая по отношению к славянским догосударственным общностям в византийских источниках (т.е. в памятниках, созданных в наиболее развитом европейском государстве той эпохи). Если, говоря о славянах эпохи миграций, VI—VII веков, византийские авторы употребляют понятия «этнос» и «генос», указывающие на этническую близость, то для конкретных славянских общностей, занимающих определенную территорию, с VII столетия используется другой термин — «славинии» (от слова «славяне»), с указанием названия того или иного образования. Причем это касалось не только славян южных, соседей и частично подданных Византии, но также и западных и восточных славян. Так, император Константин VII Багрянородный, составляя в середине X столетия трактат «Об уп-

равлении империей», писал в главе, посвященной Руси как соседу Византии, о восточнославянских общностях, зависимых от киевских князей. При этом он определял их не как «народы» («этнотопосы»), а как «славинии древлян, дреговичей, кривичей, северян и прочих славян».

Констатация неплеменного характера славянских догосударственных общностей раннего Средневековья, разумеется, никоим образом не противоречит положению о родоплеменном строе как закономерной стадии в развитии всех народов. Славяне, несомненно, эту стадию прошли. Но существовали у славян племена не накануне образования государств, как традиционно считается, а гораздо ранее, в эпоху до начала Расселения — до VI столетия. Проблема в том, что об этом периоде славянской истории мы практически не имеем данных. Само имя «славяне» появляется в исторических источниках только в VI столетии. Исследователи до сих пор не пришли к единому мнению даже о регионе обитания славян в более ранние эпохи, о времени их выделения как этноса с особым языком из индоевропейской языковой семьи. Что уж говорить об общественном устройстве...

Тем не менее некоторые суждения на этот счет могут быть высказаны, и опять-таки благодаря наблюдениям над славянскими этнонимами.

Почти все названия славянских общностей раннего Средневековья имели суффиксы: *-ане/яне* или *-ичи*. Но есть исключения. Во-первых, в VI — начале VII века в византийских источниках, помимо названия «славяне», фигурирует еще одно, которым именуется народ, говорящий на том же, что и славяне, языке, — *анты*. Антами именовались обитатели территории на юге Восточной Европы, между Днестром и Днепром. Никаких иных этнонимов, кроме «славян» и «антов», для славяноязычно-

го населения источники этого времени не знают, названия отдельных славянских группировок («славиний») появляются в византийских (и западноевропейских) источниках только с VII столетия. Таким образом, анты — это явно не территориальная группировка, сопоставимая с последующими «славиниями», а племя, история которого восходит к периоду до славянского Расселения. Об этом говорит, с одной стороны, упоминание антов у готского историка VI века Иордана в рассказе о событиях конца IV столетия, с другой — исчезновение названия «анты» к началу VII века — очевидно, это племя, как и другие ему подобные, распалось по мере миграций отколовшихся от него группировок в разных направлениях*.

Во-вторых, в раннее Средневековье фиксируется еще несколько бессуффиксных славянских этнонимов. Это *хорваты*, *сербы* и *дулебы*. Причем каждое из них отмечено в разных частях расселения славянства. Хорватов видим на Балканах (где народ с таким названием живет доныне), в Чехии, на Эльбе и в Восточном Прикарпатье (восточнокарпатские хорваты вошли в состав Руси), сербов — на Балканах (где опять-таки этот этноним дожил до наших дней) и в междуречье Эльбы и Заале, дулебов — на Западном Буге (согласно «Повести временных лет» там, где позже обитали волыняне), в Чехии, в Паннонии (территория современной Венгрии). Очевидно, в данных случаях перед нами наименования «старых» племен, рас-

* Долгое время существовало мнение, что анты были предками восточных славян, в то время как от тех, кого византийские источники VI в. именуют собственно «славянами», произошли славяне западные и южные. Но исследования археологов такое представление полностью опровергли: выяснилось, что, с одной стороны, среди предков восточных славян были далеко не только анты, а с другой — что анты внесли свой вклад в формирование не только восточных, но и южных славян (причем очень значительный), а отчасти и западных.

павшихся в ходе Расселения, названия, сохраненные их осколками, разбросанными в разных частях славянского мира. Но такого рода случаи были исключением, происходившим, по-видимому, тогда, когда среди переселенцев явно доминировала группировка, сохранявшая память о прежнем «племени». Правилom же было возникновение после заселения территории нового названия.

Таким образом, в период Расселения VI—VIII веков у славян происходил слом старой, племенной структуры общества*. В результате сформировались новые общности, носившие уже территориально-политический характер (их можно, отталкиваясь от византийской терминологии, условно именовать «славиниями»). Этот вывод важен постольку, поскольку традиционное представление о племенном устройстве славян, в том числе восточных, накануне образования государств ведет к неоправданной архаизации их общественного развития, подталкивает к представлению о некоей общественной «неразвитости», «дикости»**. На деле славянские государства складывались не на племенной основе, а на основе переходной структуры, которая уже не являлась племенной, но еще не была государственной. Время, которое отпустила этой структуре история, было (для большинства славиний) небольшим. Так, по совокупности данных письменных источников и археологии, формирование известной по «По-

* Этот вывод распространяется и на территорию возможного «старого» славянского заселения — между Вислой и Средним Днестром, поскольку здесь также преобладают названия по местности обитания и с суффиксами; миграции происходили и в этом регионе.

** Этому отчасти способствовал автор «Повести временных лет», поместивший во вводной части своего произведения описание «зверинского образа» жизни древлян, северян, радимичей и вятичей. Но его целью было противопоставление их полянам — предкам киевлян, имевшим «обычай кротоков и тих».

вести временных лет» структуры восточной ветви славян можно датировать VIII — первой половиной IX века, а уже к концу X столетия все ее составляющие — славинии Восточной Европы — вошли в состав государства Русь.

Следует отметить, что славяне не были единственным этносом, у кого между классическим племенным строем и государством прослеживается промежуточное звено политического развития. Аналогично развивалась история германцев, ранее славян включившихся в процесс Великого переселения народов. Если сопоставить этнонимы, перечисленные в «Германии» Тацита — посвященном германцам трактате римского историка I века н.э., и те, которые фигурируют у них в IV—VI веках, накануне и во время формирования государств, общего почти не найти. У континентальных германцев совпадут практически только два названия — фризы и свевы (у славян, напомню, к «дорасселенческому» периоду можно гипотетически возвести три этнонима — сербы, хорваты и дулебы), при этом второе обозначает лишь осколок прежнего большого племени. Германские государства также складывались не на фундаменте классического племенного строя, а на основе структуры, носившей характер переходной от племенного устройства к государственному.

В связи с выводом о неплеменном характере славянского общества накануне образования государств по-новому видится и проблема так называемой «родоплеменной знати» у славян. Еще недавно в историографии не вызывало сомнений, что такой слой, состоявший в первую очередь из старейшин родов и племен, у славян раннего Средневековья, в том числе восточных, не только существовал, но играл ведущую роль в обществе. Сплошь и рядом можно было встретить утверждения, что в первую очередь именно из родоплеменной знати формиро-

вался в славянских государствах, в том числе на Руси, «класс феодалов». В конце XX столетия, однако, утвердилось представление, что ведущую роль на Руси в эпоху государствообразования играла другая категория знати — служилые люди князя, носившие наименование *дружина*. Но представление о наличии в раннесредневековом славянском обществе наряду с дружинной знатью также родоплеменной продолжает бытовать.

Сложность состоит в том, что исторические источники не содержат сведений, из которых можно было бы вывести не только тезис о ведущей роли родовых и племенных старейшин в славянском обществе, но и самый факт их существования... Причем таких сведений нет не только для IX—X веков, для эпохи складывания Руси и других славянских государств: ясные известия о родоплеменной знати отсутствуют даже для периода славянского Расселения, для VI—VIII столетий!

Дело в том, что наличие у славян родоплеменной знати как видной общественной силы ученые постулировали по аналогии: такого рода категория на определенном этапе развития известна у всех народов. А поскольку признавалось, что у славян накануне образования государств существовал племенной строй, постольку несомненным представлялось и наличие в этих якобы «племенах» (делящихся на роды) племенных и родовых старейшин. Их как бы не могло не быть; и если источники их не упоминают, тем, что называется, хуже для источников...

Однако если признать, что племенное устройство у славян рухнуло в эпоху Расселения, что известные нам раннесредневековые общности сложились на обломках родоплеменного строя, то молчание источников о родоплеменной знати перестает быть загадочным и представлять проблему. Родовые и племенные старейшины у сла-

вян несомненно существовали и играли важную роль в обществе, но тогда, когда господствовала племенная структура — до начала масштабных миграций, до Расселения VI—VIII веков. В ходе же Расселения, по мере того как племена распадались, а из их обломков на местах нового поселения формировались новые общности, уже не на племенной, а на территориальной основе, на первый план выдвигалась новая знать — княжеские дружины, а старая племенная знать теряла свои позиции. Если она и сохранялась в новых, территориально-политических общностях («славиниях»), то играла настолько второстепенную роль, что источники ее практически «не замечают».

Формирование у славян государств отталкивалось от постплеменной территориальной структуры, от структуры «славиний». Причем имели место два основных типа государствообразования.

1. Подчинение одной славинией других. По этому типу шло складывание государства в IX веке в Великой Моравии и в IX—X веках — на Руси, в Польше и Чехии. В Моравии ядром образующегося государства была славиния мораван, в Польше — гнезненских полян, в Чехии — чехов, на Руси — полян киевских.

2. Формирование государства в рамках одной крупной славинии. Этот путь характерен для северо-запада Балканского полуострова (Сербия IX—XI веков, Хорватия IX—X веков), Карантании (государство, созданное предками современных словенцев, VIII век) и ободритов — славинии, обитавшей на правом берегу Нижней Эльбы (X—XI века).

Из всего сказанного можно кратко сделать следующий вывод.

В ходе Расселения VI—VIII столетий у славян произошло крушение племенного строя. Славянские догосудар-

ственные общности, известные начиная с VII века, в том числе восточнославянские группировки, о расселении которых повествует «Повесть временных лет», племенами (равно как и союзами племен) не являлись. Это были общности территориально-политического характера. Именно на их основе формировались славянские государства.

Источники: Повесть временных лет. Ч. 1, 2. М.—Л., 1950; изд. 2-е. СПб., 1996.; Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 1 (I—VI вв.). М., 1991; Т. 2 (VI—IX вв.). М., 1995; Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989.

Литература: Седов В.В. Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982; он же. Славяне в древности. М., 1994; он же. Славяне в раннем Средневековье. М., 1995; он же. Славяне: историко-археологическое исследование. М., 2004; Литаврин Г.Г. Славинии VII—IX вв. — социально-политические организации славян // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М., 1984; Буданова В.П., Горский А.А., Ермолова И.Е. Великое переселение народов: этнополитические и социальные аспекты. М., 1999; Горский А.А. Русь: От славянского Расселения до Московского царства. М., 2004. Ч. 1, очерки 1, 2.

Приложение. «Повесть временных лет» о расселении восточных славян

Древнерусский текст

Тако же и ти словене пришедше и седоша по Днепру и нарекошася поляне, а друзии древляне, зане седоша в лесахъ; а друзии седоша межю Припетью и Двиною и наре-

кошася дреговичи; инии седоша на Двине и нарекошася полочане, речьки ради, иже втечеть въ Двину, имянемъ Полота, отъ сея прозвашася полочане. Словени же седоша около езера Илмеря, и прозвашася своимъ имянемъ, и сделаша градъ и нарекоша и Новъгородъ. А друзии седоша по Десне, и по Семи и по Суле, и нарекошася северь...

И по сихъ брати (по смерти Кия, Щека и Хорива — легендарных основателей Киева. — А. Г.) держати почаша родъ ихъ княженъ в поляхъ, а в деревляхъ свое, а дреговичи свое, а словени свое в Новогороде, а другое на Полоте, иже полочане. Отъ нихъ же кривичи, иже седять на верхъ Волги, и на верхъ Двины и на верхъ Днепра, ихъ же градъ есть Смоленскъ; туде бо седять кривичи. Таже северь отъ нихъ...

Се бо токмо словенескъ языкъ в Руси: поляне, деревляне, нугородьци, полочане, дреговичи, северь, бужане, зане седоша по Бугу, послеже же вельняне...

Поляномъ же живущимъ особе, якоже рекохомъ, сущимъ от рода словеньска, и нарекошася поляне, а деревляне от словенъ же, и нарекошася древляне; радимичи бо и вятичи отъ ляховъ. Бяста бо 2 брата в лясехъ, Радимъ, а другий Вятко, и пришедъша седоста Радимъ на Съжю, и прозвашася радимичи, а Вятко седе съ родомъ своимъ по Оце, отъ него же прозвашася вятичи. И живяху в мире поляне, и деревляне, и северь, и радимичи, вятичи и хрвате. Дулеби живяху по Бугу, где ныне вельняне, а улучи и тиверыци седяху по Днестру, приседяху къ Дунаеви. Бе множество ихъ; седяху бо по Днестру оли до моря, и суть гради ихъ и до сего дне, да то ся зваху отъ грекъ Великая Скуфь...

Перевод

Так же и эти славяне пришли и сели по Днепру и назвались полянами, а другие — древлянами, потому что сели в

лесах, а другие сели между Припятью и Двиною и назвались дреговичами, иные сели по Двине и назвались полочанами, по речке, впадающей в Двину, именуемой Полота, от нее и назвались полочане. Те же славяне, которые сели около озера Ильменя, назывались своим именем — славянами, и построили город, и назвали его Новгородом. А другие сели по Десне, и по Сейму, и по Суле, и назвались северянами...

И после этих братьев стал род их держать княжение у полян, а у древлян было свое княжение, а у дреговичей свое, а у славян в Новгороде свое, а другое на реке Полоте, где полочане. От этих последних произошли кривичи, сидящие в верховьях Волги, и в верховьях Двины, и в верховьях Днепра, их же город — Смоленск; именно там сидят кривичи. От них же происходят северяне...

Вот только кто говорит по-славянски на Руси: поляне, древляне, новгородцы, полочане, дреговичи, северяне, бужане, прозванные так потому, что сидели по Бугу, а затем ставшие называться волынянами...

Поляне же, жившие сами по себе, как мы уже говорили, были из славянского рода и только после назвались полянами, и древляне произошли от тех же славян и также не сразу назвались древляне; радимичи же и вятичи — от рода ляхов. Были ведь два брата у ляхов — Радим, а другой — Вятко; и пришли и сели: Радим на Соже, и от него прозвались радимичи, а Вятко сел с родом своим по Оке, от него получили свое название вятичи. И жили между собою в мире поляне, древляне, северяне, радимичи, вятичи и хорваты. Дулебы же жили по Бугу, где ныне волыняне, а уличи и тиверцы сидели по Днестру и возле Дуная. Было их множество: сидели они по Днестру до самого моря, и сохранились города их и доныне; и греки называли их «Великая Скифь»...

(Повесть временных лет. СПб., 1996. С. 8—10, 144, 146)

Глава 2. Причуды «варяжской проблемы»

В истории русского Средневековья особое место занимают две проблемы. Особое в том смысле, что они оказывают сильнейшее эмоциональное воздействие на широкие круги людей, интересующихся историей Отечества. Одна из них — проблема подлинности «Слова о полку Игореве», к которой мы обратимся позже, в главе 7 книги. Другая — так называемая варяжская, или норманнская, проблема.

В массовом историческом сознании господствует представление, что по поводу образования государства на Руси в науке идет многолетняя, а точнее уже многовековая дискуссия между «норманистами» и «антинорманистами». Первые считают, что Древнерусское государство образовали скандинавы (в раннее Средневековье называемые в Западной Европе по-латыни норманнами — *nortmanni*, т.е. северными людьми), а вторые с ними не согласны. Началась дискуссия в середине XVIII столетия, когда русский ученый-энциклопедист М.В. Ломоносов оспорил точку зрения на возникновение Древнерусского государства, высказанную немецкими историками, работавшими в России, — Г.З. Байером и Г.Ф. Миллером. В дореволюционной историографии перевес был у норма-

нистов, в советское же время господствовал антинорманизм, в то время как норманизм расцвел в XX веке в зарубежной, западной исторической литературе. Так или примерно так видят суть дела и студенты, приходящие в вуз со школьной скамьи, и взрослые люди, не занимающиеся историей профессионально, но интересующиеся ею.

Как говаривал в 1970-е годы по другим поводам один из профессоров исторического факультета Московского университета, все это «в общем правильно, но неточно, поэтому совершенно неверно». Приведу пример. В исторической науке советского периода одним из главных борцов против «норманизма» был Борис Александрович Рыбаков, видный археолог и историк. В его трудах можно встретить немало выпадов против этого течения как лженаучного направления в буржуазной историографии. Однако если бы труды Рыбакова смог прочитать кто-то из историков XIX столетия, то, исходя из того, как в них представлен конкретный исторический материал, он сделал бы однозначный вывод: автор — банальный норманист.

Почему? Дело в том, что никакой единой дискуссии между норманистами и антинорманистами с XVIII века до наших дней не идет. В любой дискуссии главное — ее основной вопрос. А с этой точки зрения по проблеме роли норманнов в истории Руси можно говорить не об одной, а о двух дискуссиях, и дискуссиях совершенно разных.

Первая началась действительно в 1749 году с полемики Ломоносова и Миллера. Миллер (ученый, позднее много сделавший для развития российской исторической науки — он первым начал изучение истории Сибири, издал «Историю Российскую» В.Н. Татищева, при жизни автора не публиковавшуюся) выступил с диссертацией «О происхождении имени и народа российского». До него

статью, касавшуюся проблемы образования Древнерусского государства, опубликовал в 1735 году в Санкт-Петербурге на латыни другой историк немецкого происхождения, работавший в России, — Байер; еще одна его статья на эту тему была опубликована там же посмертно, в 1741 году. В те времена еще не была развита такая историческая дисциплина, как *источниковедение*, дисциплина, призванная исследовать исторические памятники на предмет степени достоверности изложенных в них сведений. К историческим источникам подходили, как это принято сейчас называть, потребительски, с полным доверием, особенно если они древние.

И Байер, и Миллер достаточно педантично, в духе немецкой науки, проштудировали известные в то время источники. Обнаружив в древней русской летописи — «Повести временных лет», — что основатель династии русских князей Рюрик и его окружение были *варягами*, приглашенными в 862 году на княжение «из-за моря» (несомненно, Балтийского) славянами и финноязычными племенами севера Восточной Европы, они встали перед проблемой, с каким известным по западноевропейским источникам народом этих варягов отождествить. Решение было вполне естественным: варяги — это скандинавы, называемые в Западной Европе раннего Средневековья норманнами. Почему такое отождествление напрашивалось? Потому, что как раз в IX столетии у скандинавов развернулось так называемое движение викингов. Так принято называть миграционный процесс, охвативший предков датчан, шведов и норвежцев с конца VIII столетия и продолжавшийся до середины XI века. Его выражением стали набеги дружин норманнов на территории континентальной Европы (Франции, Германии, Италии, Испании) и Британские острова. Участники таких набе-

гов и назывались викингами. Часто вслед за военными нападениями следовало оседание групп норманнов на той или иной территории — в качестве или завоевателей, или вассалов местных правителей. Варяги, таким образом, были истолкованы как те же викинги, но действовавшие в Восточной Европе. В пользу этого говорило и скандинавское, по мнению Байера и Миллера, звучание имен первых русских князей — основателя династии Рюрика, его преемника Олега, сына Рюрика Игоря, жены Игоря княгини Ольги. Наконец, в «Повести временных лет» прямо было сказано, что варяги, пришедшие с Рюриком, звались *русью*, так, как другие варяги зовутся *свеями* (шведами), другие *урманами* (норманнами, в данном случае в узком смысле — норвежцами), другие *готами* (жители острова Готланд в Балтийском море), другие *ангынами* (англичанами)*. Поскольку в тогдашней историографии появление правящей династии отождествлялось с возникновением государства, постольку Байер и Миллер вполне логично приходили к выводу, что Древнерусское государство основано было норманнами.

Но дело происходило в стенах Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге. Эта территория на памяти большинства участников событий конца 1740-х годов была отвоевана Петром I у шведов — т.е. потомков раннесредневековых норманнов. Более того, совсем уж недавно, в 1741—1743 годах, Швеция вела новую войну с Россией, в начале которой ею вынашивались планы возвращения утерянных прибалтийских земель. И вот в та-

* «И идоша за море къ варягомъ, к руси. Сице бо ся зваху тѣ варязи русь, яко се друзии зъвуться свеи, друзии же урмани, ангыляне, друзии гѣте, тако и си». В Англии во время составления «Повести временных лет» (начало XII века) у власти была династия норманнского происхождения (с 1066 года), и еще ранее, с IX века, норманны заселяли целые области в Британии.

кой ситуации историки — иностранцы по происхождению утверждают, что русскую государственность создали предки этих самых шведов!* Такой подход не мог не вызвать протеста, и его выражением стала позиция Ломоносова. Ученый-энциклопедист, до этого специально историей не занимавшийся (свои исторические труды он напишет позднее), раскритиковал работу Миллера как унижающую историю России. При этом он не сомневался, что приход в Восточную Европу Рюрика был актом образования государства. Но происхождение первого русского князя и его людей Ломоносов истолковал иначе, чем Байер и Миллер: он утверждал, что варяги были не норманнами, а западными славянами, жителями южного побережья Балтийского моря.

Начавшаяся в середине XVIII века дискуссия** перетекла в XIX столетие. Сторонники отождествления варягов с норманнами (к ним принадлежали крупнейшие представители российской историографии — Н.М. Карамзин, М.П. Погодин, С.М. Соловьев, В.О. Ключевский) пытались подкрепить свое мнение новыми аргументами, их оппоненты, «антинорманисты», множили версии о «нескандинавском» происхождении варягов: предлагались отождествления их с западными славянами (наиболее распространенная версия), финнами, венграми, хазарами, готами... Но по-прежнему все спорящие не сомневались: именно варяги, пришедшие в Восточную

* Поскольку на западе Европы действовали, согласно источникам, викинги из Дании и Норвегии, то «на долю» Европы Восточной оставались swei (шведы), наиболее к ней территориально близкие, и варяги, следовательно, в трактовке Байера — Миллера оказывались именно шведскими викингами в первую очередь.

** Ее первый раунд окончился своеобразно: в результате дискуссии в Академии наук работа Миллера была признана ошибочной и ее тираж подвергся уничтожению.

Европу в 862, по летописи, году и основали государство на Руси.

К началу XX века дискуссия практически затихла. Причиной этого было в первую очередь накопление научных знаний, особенно в области археологии и лингвистики — науки о языке. К тому времени начались археологические исследования русских древностей, и они показали, что на территории Руси в конце IX—X веке присутствовали тяжеловооруженные воины скандинавского происхождения. Это коррелировало с известиями письменных источников, летописей, согласно которым иноземными воинами — дружинниками русских князей были *варяги*. С другой стороны, лингвистические изыскания установили скандинавскую природу имен первых русских князей (Рюрика, Олега, Игоря, Ольги) и многих лиц из их окружения первой половины X века (упоминаемых в летописи и в договорах Олега и Игоря с Византией). Из этого естественно следовал вывод, что носители этих имен имели скандинавское, а не какое-то иное происхождение. Ведь если, скажем, считать, что варяги были славянами с южного побережья Балтики (напомню, самая популярная версия среди «антинорманистов»), то как объяснить тот факт, что имена представителей общественной верхушки южнобалтийских славян (славиний ободритов и лютичей), упоминаемые в западноевропейских источниках, звучат по-славянски (Драговит, Вышан, Дражко, Гостомысл, Мстивой и т.п.), а имена действующих в Восточной Европе варягов — по-скандинавски? Разве что через фантастическое предположение, что южнобалтийские славяне на родине носили славянские имена, а придя к своим восточноевропейским собратьям, зачем-то решили «прикрыться» скандинавскими псевдонимами...

Казалось бы, дискуссия была исчерпана: «норманизм» победил.

Действительно, в XX столетии авторов, утверждавших, что варяги не являлись норманнами, было немного. Причем в большинстве своем это были представители русской эмиграции. В советской историографии сторонники «ненорманства» варягов исчислялись буквально единицами (это А.Г. Кузьмин и с оговорками В.Б. Вилинбахов). Так откуда же взялось традиционное представление о господстве «антинорманизма» в исторической науке советского периода?

Дело в том, что так называемой антинорманизм советской историографии — это принципиально иное явление, чем «старый», дореволюционный «антинорманизм». Ранее обе спорящие стороны — и «норманисты», и «антинорманисты» — сходились в том, что приход Рюрика и его варяжской дружины явился актом создания государства Русь. Полемика шла по поводу происхождения варягов. Теперь же основной вопрос дискуссии был поставлен иначе: вместо «Кто были варяги?» — «Создали ли варяги Древнерусское государство?» Тождество варягов и норманнов стало признаваться практически всеми исследователями, но тезис об образовании ими государства стал отвергаться. Формирование государства начали рассматривать как длительный процесс, для которого требовалось вызревание предпосылок в местном обществе; государственность невозможно принести извне, это не под силу никаким пришельцам; соответственно появление Рюрика стало трактоваться как не более чем эпизод в длительной истории формирования государственности у восточных славян, эпизод, приведший к появлению правящей на Руси княжеской династии. Такой подход, при котором появлению князей варяжского происхождения не придавалось реша-

ющего значения в истории становления Древнерусского государства, виден еще у В.О. Ключевского. Но, конечно, господствующим он стал в результате утверждения в отечественной историографии марксистского подхода к истории, при котором приоритет отдавался социально-экономическому развитию общества, что не оставляло возможности для «экспорта государственности». «Государство появляется там и тогда, где и когда появляются общественные классы» — этот тезис Ленина очень трудно совместить с представлением о привнесении государственности князем-пришельцем. Советские историки были «антинорманистами» именно в таком смысле: признавая, что варяги были норманнами, они отказывали им в решающей роли в образовании Древнерусского государства, противостоя тем самым как «старым» «антинорманистам», так и «старым» «норманистам»*.

Представление о незначительности роли варягов в государствообразовании на Руси утвердилось к концу 1930-х годов. Параллельно с общим тезисом о складывании государства как длительном процессе, для которого необходимы внутренние предпосылки, сложилась (в духе тех лет) тенденция к идеологизации проблемы. «Норманизм» стал рассматриваться как направление буржуазной науки, суть которого — доказать неспособность славян к созданию своей государственности. Здесь сыграло роль использование легенды о призвании Рюрика в гитлеровской пропаганде: получили известность высказывания Гитлера и Гимmlера о неспособности славянской «расы» к самостоятельной политической жизни, о всегдашнем ре-

* Именно поэтому упомянутый выше Б.А. Рыбаков в дореволюционной историографии выглядел бы «норманистом»: ведь он признавал, что варяги — это норманны. «Антинорманизм» же Рыбакова состоял в отрицании тезиса об образовании варягами Древнерусского государства.

шающем влиянии на них германцев*, из-за чего славяне вынуждены были «приглашать Рюриков». После победы над фашистской Германией этот фактор отпал, но начавшаяся «холодная война» подставила на его место новый: «норманизм» стал рассматриваться как применяемое в западной буржуазной историографии средство искажения, принижения истории страны, первой сделавшей шаг к новой, коммунистической общественной формации.

В конце XX — начале XXI столетия можно было ожидать снятия идеологических наслоений с «варяжского вопроса», перехода к объективному рассмотрению роли норманнов в процессах, шедших в раннее Средневековье в Восточной Европе. Но вместо этого наблюдается иное — активизация «крайних» точек зрения.

С одной стороны, появляются работы, в которых под формированием Древнерусского государства понимается исключительно деятельность норманнов в Восточной Европе, а участие славян в этом процессе практически игнорируется. Работы такого рода выходят как в зарубежной историографии (К. Хеллер, Дж. Шепард, Г. Шрамм, не говоря уже о дилетантах типа Р. Пайпса), так и в отечественной (Р.Г. Скрынников, с оговорками — В.Я. Петрухин). Такой подход являет собой по сути пренебрежение научными результатами, достигнутыми современной славистикой, из которых следует, что на всей славянской территории после славянского Расселения VI—VIII веков складываются устойчивые политические (а не племенные в классическом смысле) образования («славинии»), на основе которых и шли процессы формирования государств (см. об этом главу 1 настоящей книги).

* Скандинавы, напомним, являются северной ветвью народов германской языковой группы.

С другой стороны, возрождается точка зрения, свойственная «старому антинорманизму», — что варяги не были скандинавами. Если в 1970—1980-е годы ее отстаивал практически один А.Г. Кузьмин, то ныне на подобных позициях стоит целая группа авторов (А.Н. Сахаров, В.В. Фомин и др.). Этот феномен может вызвать удивление, поскольку в течение XX столетия был накоплен значительный материал (в первую очередь археологический), оставляющий ныне намного меньше сомнений в тождестве варягов и норманнов, чем на рубеже XIX—XX вв. (а точнее, не оставляющий никаких сомнений*). На территории Руси зафиксированы многочисленные погребения конца IX—X века, захороненные в которых люди были выходцами из Скандинавии (об этом говорит сходство погребального обряда и инвентаря с теми, которые известны из раскопок в самих скандинавских странах). Они обнаружены и на севере Руси (район Новгорода — Ладоги), и на Среднем Днепре (район Смоленска), и в Среднем Поднепровье (район Киева и Чернигова) — т.е. там, где располагались главные центры формирующегося государства. По своему социальному статусу эти люди были в основном знатными воинами, дружинниками. Чтобы отрицать в такой ситуации «норманство» летописных варягов (а летописи этим термином — «варяги» — именуют как раз дружинников иноземного происхождения), надо допускать невероятное: что о воинах — выходцах из Скандинавии, от которых остались археологические свидетельства их пребывания в Восточной Европе, письменные источники умолчали, и наоборот — те иноземные дружинники (не-скандинавы), которые в летописях

* Не случайно среди противников отождествления варягов с норманнами нет ни одного археолога, равно как и ни одного языковеда.

упоминаются под именем «варягов», почему-то не оставили следов в материалах археологии...*

Столь явное несоответствие тезисов нынешних адептов «старого антинорманизма» современному уровню научных знаний естественно ведет к попыткам объяснить феномен возрождения отрицания тождества варягов с норманнами причинами, лежащими вне науки**. Однако вряд ли такое объяснение исчерпывающее. Представляется, что отчасти этот возврат к «старому антинорманизму» провоцируется своего рода «победной эйфорией» представителей противоположной крайности, объявляющих (уже в духе «старого норманизма») норманнов единственной государствообразующей силой в Восточной Европе. По сути же сторонники обеих крайних точек зрения — и те, кто отрицает, что варяги были норманнами, и те, у кого государство Русь является исключительно результатом деятельности скандинавов — подменяют реальную проблему роли неславянских элементов в генезисе древнерусской государственности прокламированием давно опровергнутых развитием науки положений. При внешней противоположности суждений и те и другие сходятся в основополагающем — государственность к восточным славянам была привнесена извне.

Что же говорят о роли варягов в возникновении государства Русь исторические источники?

Согласно древнейшим русским летописным памятникам — так называемому Начальному своду конца XI века (текст его донесен Новгородской первой летописью) и «По-

* Не случайно у археологов суждения противников тождества варягов с норманнами вызывают лишь саркастический смех: как иначе могут реагировать на них люди, каждый полевой сезон обнаруживающие все новые захоронения со скандинавскими чертами?

** См.: *Котляр Н.Ф.* В тоске по утраченному времени // Средневековая Русь. Вып. 7. М., 2007.

вести временных лет» (начало XII в.) — около середины IX столетия* в наиболее развитых «славиниях» Восточной Европы — у словен в Новгороде и у полян в Киеве — к власти пришли князья варяжского происхождения: в Новгороде Рюрик, в Киеве — Аскольд и Дир. Рюрик был призван на княжение словенами, кривичами и финноязычной общностью (по Начальному своду — мерей, по «Повести временных лет» — чудью) после того, как эти народы изгнали варягов, бравших ранее с них дань. Затем (по «Повести временных лет» — в 882 году) преемник Рюрика Олег (по версии Начального свода — сын Рюрика Игорь, при котором Олег был воеводой) захватил Киев и объединил северное и южное политические образования под единой властью, сделав Киев своей столицей.

Летописные рассказы отстоят от описываемых событий более чем на два столетия, многие их известия явно основаны на легендах, устных преданиях. Встает естественный вопрос, насколько достоверна донесенная летописными памятниками информация о событиях, происходивших в IX веке. Проверить это могут помочь, во-первых, сведения иностранных источников, во-вторых, данные археологии.

Как уже говорилось, с конца VIII века у скандинавских народов начинается так называемое движение викингов — военные набеги норманнских дружин на соседние территории континентальной Европы, иногда приводившие к оседанию *викингов* (как называли участников та-

* Летописные даты за IX столетие условны: они реконструировались летописцами с опорой на отрывочные данные, в первую очередь из византийских источников. Если «Повесть временных лет» дает ставшую хрестоматийной дату «призвания» Рюрика — 6370 год от сотворения мира (т.е. 862 год от Рождества Христова), то в более раннем Начальном своде все события от «призвания» до утверждения Игоря и Олега в Киеве описаны под 6362 (854) годом.

ких предприятий) на тех или иных территориях (например, в Нормандии на севере Франции и на юге Италии). С IX века археологически прослеживается присутствие выходцев из Скандинавии на севере Восточной Европы, в X столетии — и на юге, в Среднем Поднепровье. Самое раннее письменное известие, упоминающее политическое образование под названием *Русь*, оказывается определенным образом связано со скандинавами. Послы правителя «народа Рос», прибывшие, согласно известию так называемых Бертинских анналов, ко двору франкского императора Людовика Благочестивого в 839 году, оказались, как выяснилось после проведенной проверки, «свеонами» (шведами). В письме франкского императора Людовика II византийскому императору Василию 871 году правитель Руси именуется «каганом норманнов», что говорит о его скандинавском происхождении. Таким образом, нет достаточных оснований сомневаться в летописных известиях, согласно которым около середины IX века в двух самых развитых восточнославянских славениях — у полян в Киеве и у словен в Новгороде — к власти пришли правители норманнского происхождения.

В середине IX века среди предводителей викингов известен из западных источников тезка Рюрика — датский *конунг* (князь) Рёрик. Версия о его тождестве с летописным Рюриком, разделяемая многими исследователями (хотя некоторыми и решительно отвергаемая), остается наиболее вероятной. Она позволяет удовлетворительно объяснить, почему словене, кривичи и чудь (или меря), изгнав варягов, обращаются в поисках князя не к кому-нибудь, а к варягам же. Варягами, взимавшими дань с народов севера Восточной Европы, были несомненно территориально наиболее близкие к этому региону шведские викинги; в силу этого естественно было призвать на

княжение предводителя «других» викингов — датских, который смог бы обеспечить защиту от возможных новых попыток шведских норманнов поставить под контроль север Восточной Европы. Приглашение князя со стороны, т.е. человека нейтрального и не задействованного в местных конфликтах, распрях между участниками объединения — словенами, кривичами и их финноязычными соседями, было вполне естественным (и распространенным в Средневековье) выходом. Оно говорит как раз о достаточной развитости местного общества, о способности его представителей принимать «политические решения», а вовсе не о неспособности к государственности: объединение, сумевшее изгнать шведских викингов и прийти к согласию о приглашении правителя, явно стояло на достаточно высокой ступени политического развития. Среди словен, по-видимому, были выходцы из славинии ободритов, обитавших на южном побережье Балтики по соседству с датчанами; они и могли стать инициаторами приглашения Рёрика*.

Таким образом, значительная роль норманнов в событийном ряду периода образования Древнерусского государства сомнений не вызывает: скандинавское происхождение имела древнерусская княжеская династия, а также значительная часть окружавшей первых русских князей знати (дружинное окружение первых киевских князей, видимо, в значительной мере состояло из потомков дружинников Рюрика, перешедших с Олегом в Киев). Но есть ли основания говорить о норманнском влиянии на темпы и характер формирования русской государственности? Здесь в первую очередь следует сопоставить государ-

* Не исключено, что название центра словен — Новгород, т.е. «Новый город», было связано с наименованием одного из главных центров ободритов — Старград.

ствообразование на Руси и у западных славян и посмотреть, не было ли в формировании Древнерусского государства специфических черт, которые могут быть связаны с воздействием варягов*.

Что касается темпов складывания государства, то ранее Руси, в первой половине IX в., возникло первое западнославянское государство — Великая Моравия, погибшее в результате нашествия венгров в начале X столетия. Западнославянские государства, сохранившие независимость, — Чехия и Польша — складывались одновременно с Русью, в течение IX—X веков. Говорить об «ускорении» норманнами процесса государствообразования на Руси, следовательно, исходя из сравнения со славянскими соседями, оснований нет. Сходны были и характерные черты в формировании Древнерусского и западнославянских государств. И на Руси, и в Моравии, и в Чехии, и в Польше ядром государственной территории становилась одна из славиний (на Руси — поляне, в Моравии — мораване, в Чехии — чехи, в Польше — гнезненские поляне), а соседние постепенно вовлекались в зависимость от нее. Во всех названных странах основной государствообразующей силой была княжеская дружина. Везде (кроме Моравии) наблюдается смена старых укрепленных поселений (градов) новыми, служившими опорой государственной власти. Таким образом, нет следов воздействия норманнов и на характер государствообразования. Причина здесь в том, что скандинавы находились на том же уровне политического и социального развития, что и славяне (у них также государства формировались в IX—X

* Как ни странно, такое сопоставление практически не производилось, хотя были попытки сопоставить особенности государствообразования на Руси и в Скандинавии.

столетиях), и сравнительно легко включались в процессы, шедшие на восточнославянских землях*.

Все же существует одна черта в складывании Древнерусского государства, которую можно в определенной степени связать с ролью варягов. Это объединение всех восточных славян в одном государстве. Этот факт обычно воспринимается как само собой разумеющийся. Между тем он уникален: объединения в одном государстве не произошло ни у западных, ни у южных славян — у тех и других сложилось по несколько государственных образований. Формирование на восточнославянской территории одного государства, вероятно, в значительной мере связано с наличием сильного политического ядра — дружины первых русских князей, первоначально норманнской по происхождению. Она обеспечивала киевским князьям заметное военное превосходство над князьями других славиний. Не будь этого фактора, скорее всего у восточных славян к X столетию сложилось бы несколько государственных образований: как минимум два (у полян со столицей в Киеве и у словен и их соседей со столицей в Новгороде), а может быть и более**. Следует в связи с этим иметь в виду, что дружину Рюрика (если верно его отождествление с датским Рёриком) составляли люди, хорошо знакомые с самой развитой в то время западноевро-

* В принципе государственность может быть привнесена извне, но при одном условии: иноземцы должны стоять на существенно более высоком уровне развития, чем местное население. Между тем в Швеции, откуда выводят истоки древнерусской государственности сторонники крайней точки зрения, отрицающие ее славянские корни, государство складывается только в конце X — начале XI века, т.е. *позже*, чем на Руси...

** Во всяком случае летописный рассказ об убийстве древлянами киевского князя Игоря и о мести древлянам его вдовы Ольги рисует древлянское общество достаточно развитым; киевские князья имеют над древлянами только одно преимущество — у них более сильные дружины.

пейской государственностью — франкской. Дело в том, что Рёрик много лет (почти четыре десятилетия, с конца 830-х до 870-х годов) держал в качестве ленника франкских императоров и королей, потомков Карла Великого, земли во Фрисландии (территория современной Голландии). Он и его окружение (значительная часть которого была уроженцами уже не Дании, а Франкской империи), в отличие от большинства других норманнов той эпохи, должны были обладать навыками государственного управления; возможно, это сказалось при освоении преемниками Рюрика огромной территории Восточной Европы. Но это влияние на складывание древнерусской государственности вернее считать не скандинавским, а франкским, лишь только «пропущенным» через людей скандинавского происхождения.

Рюрик стоял во главе полиэтничного по сути объединения на севере Восточной Европы, в которое кроме славян — ильменских словен и кривичей — входили финноязычные племена чуди (предки эстонцев), веси (в Юго-Восточном Приладожье), возможно и мери (обитавшей в Волго-Клязьминском междуречье). В результате же обоснования преемников Рюрика на Юге, в глубине славянских земель, возглавленное ими государство стало славянским, а скандинавская по происхождению часть элитного слоя быстро ассимилировалась в славянской среде. Уже представитель третьего поколения князей — сын Игоря Святослав носил славянское имя: а ведь надо иметь в виду, что именоведы правящих династий носили сакральный характер, и обычно в случаях, когда династия была пришедшей, долгое время сопротивлялись ассимиляции. Например, в правившей с конца VII века в Болгарском царстве тюркской династии славянские имена появляются только в середине IX столетия. В середине X века император Византии Константин Багрянородный, описывая в своем

трактате «Об управлении империей» объезд дружинниками киевского князя подвластных «славиний» (древлян, северян, дреговичей, кривичей) с целью сбора дани, называется это мероприятие славянским словом «полюдье». В скандинавском языке существовал свой термин для обозначения такого рода объезда — «вейцла», однако употреблен Константином именно славянский термин, при том, что царственный автор получал информацию явно не от восточнославянских плательщиков дани, а от получателей ее — представителей киевских князей, прибывавших в Константинополь с дипломатическими и торговыми целями. В том же рассказе присутствует в греческом переводе славянский глагол «кормитися» — дружинники, выходящие из Киева, в течение зимы «кормятся», по словам автора, на территориях подчиненных славиний. Очевидно, основная масса элитного слоя Руси к середине X столетия уже пользовалась славянским языком*.

* * *

В рамках дискуссий по «варяжскому вопросу» имеет место фактически отдельная дискуссия о происхождении названия *русь*, названия, ставшего обозначением государства и народа восточных славян. В XVIII—XIX веках все историки, как «норманисты», так и «антинорманисты», не сомневались в достоверности сообщения «Повести временных лет», что *русью* звались варяги, пришедшие с Рюриком. Соответственно «норманисты» считали, что это слово имеет скандинавское происхождение, а их оппонен-

* Другое дело, что в течение всего X века шла «подпитка» дружин киевских князей за счет вновь приходящих из Скандинавии (преимущественно из Швеции, судя по археологическим данным) викингов. Они нанимались киевскими князьями для военных походов, в первую очередь на Византию; часть из уцелевших после этого наемников возвращалась на родину, а часть оставалась на Руси, пополняя общественную верхушку.

ты искали корни названия у других народов, как правило, тех же, с которыми они отождествляли варягов. Но в начале XX столетия выдающийся исследователь русского летописания А.А. Шахматов показал, что отождествление варягов с Русью в «Повести временных лет» являет собой вставку в более ранний текст — текст так называемого Начального свода конца XI столетия (дошедшего в составе Новгородской первой летописи). Приведем для наглядности оба текста, как в оригинале, так и в переводе на современный русский язык.

Начальный свод (Новгородская первая летопись):

И вѣсташа словене, и кривици, и меря, и чюдь на варягы, и изгнаша я за море; и начаша владети сами собе и города ставити. И вѣсташа сами на ся воевать, и бысть межи ими рать велика и усобица, и вѣсташа град на град, и не беша в них правды. И реша к себе: «Князя поищем, иже бы владел нами и рядил ны по праву». Идоша за море к варягом и ркоша: «Земля наша велика и обилна, а наряда у нас нету; да поидете к намъ княжить и владеть нами».

И восстали словене, и кривичи, и меря, и чудь против варягов, и изгнали их за море; и начали сами собой владеть и города строить. И стали сами между собой воевать, и была между ними большая война и усобица, и встал город на город, и не было у них правды. И сказали себе: «Поищем себе князя, который бы владел нами и управлял нами по праву». Пошли за море к варягам и сказали: «Земля наша велика и обильна, а порядка у нас нет. Приходите к нам княжить и владеть нами».

«Повесть временных лет»:

Изгнаша варяги за море, и не даша имъ дани, и почаша сами в собе володети, и не бе в нихъ правды, и вѣста

родъ на родъ, и быша в нихъ усобице, и воевати почаша сами на ся. И реша сами в себе: «Поищемъ собе князя, иже бы володелъ нами и судилъ по праву» И идоша за море къ варягомъ, *к руси. Сице бо ся зваху тѣ варязи русь, яко се друзии зъвуться свие, друзии же урмане, англыане, друзии гѣте, тако и си.* Реша руси чюдъ и словени, и кривичи и вси: «Земля наша велика и обилна, а наряда в ней нетъ. Да поидете княжить и володети нами».

Изгнали варягов за море, и не дали им дани, и начали сами собою владеть, и не было среди них правды, и встал род на род, и была у них усобица, и стали воевать друг с другом. И сказали себе: «Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву». И пошли за море к варягам, к руси. Те варяги назывались русью, как другие (варяги) называются шведы, а иные норманны (в данном случае — норвежцы. — *А. Г.*) и англы, а еще иные готландцы, — вот так и эти. Сказали руси чудь, словене, кривичи и все: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами».

Текст, выделенный курсивом, является отступлением, разрывающим фразу Начального свода: «Идоша за море к варягомъ и ркоша». Вставной характер его в «Повести временных лет» очевиден. Соответственно встает вопрос, достоверно ли эта вставка, достоверно ли отождествление варягов Рюрика с *русью*, сделанное в начале XII века автором «Повести временных лет». В советский период большинство исследователей отвечало на этот вопрос отрицательно (при том, напомним, что практически все признавали тождество варягов и норманнов).

Проливают ли свет на вопрос о происхождении названия *русь* другие источники?

Если обратиться к иностранным источникам IX—X веков (арабским, византийским, западноевропейским), в них можно обнаружить известия, в которых понятие «русь» прилагается к группам людей, скорее всего, имеющим скандинавское происхождение. Однако речь идет всегда о выходцах из Скандинавии, действующих в Восточной Европе. А коли так, нельзя исключить, что они восприняли здесь местное наименование, возникшее до их появления. Таким образом, зарубежные источники не дают решающих аргументов для решения вопроса о происхождении названия *русь*.

Исследователи, занимавшиеся этой проблемой, обычно старались опереться на данные лингвистики. Многие убеждены в справедливости указания «Повести временных лет» на тождество руси и варягов, и соответственно ищут прототип названия *русь* в скандинавских языках. Наиболее популярна версия, что оно восходит к древнескандинавскому глаголу «грести», от которого могло быть образовано слово *rods-menn*, обозначавшее воинов на гребных судах. Правда, во-первых, ни в одном скандинавском источнике такой термин не фиксируется (т.е. он является собой чисто умозрительную конструкцию). Во-вторых, из *rods* по законам языка слово *русь* не выводится. Поэтому сторонники скандинавского происхождения названия исходят из того, что между *rods-menn* и *русь* было слово-посредник — финское *Ruotsi*, которое в некоторых языках финской группы обозначает русских, а в некоторых — шведов. Правда, из *Ruotsi* *русь* тоже выводится с большими затруднениями, а по мнению некоторых ученых, не выводится никак...

Другие исследователи ищут корни названия *русь* на юге Восточной Европы. Существуют мнения о его иранс-

кой или индоарийской основе* — от прилагательного со значением «белый», «светлый». Возможность существования в Среднем Поднепровье такого «цветового» этнонима подкрепляет наличие здесь славинии под названием *северь*** : ее название восходит к иранскому корню со значением «черный». Существует и точка зрения о славянском происхождении слова *русь*: от глагольной основы со значением «плыть, течь» (откуда слово «русло»).

Таким образом, вопрос о происхождении названия государства и народа восточных славян остается спорным. При этом обращает на себя внимание, что уже в начале X столетия, т.е. вскоре после прихода князя Олега в Киев, все подвластное киевским князьям население, независимо от своего этнического происхождения, называлось «русью». В договорах Олега и Игоря с Византией (соответственно 911 и 944 годов) не упоминаются ни славяне, ни варяги — только *русь* (ед.ч. *русин*)***. Между тем в других случаях, когда два этноса сосуществовали в пределах одного государства, различия в их этнонимах сохранялись веками: так было во Франкском государстве, где населе-

* В древности и в раннее Средневековье языки иранской и индоарийской групп (обе относятся, как и славянская и германская языковые группы, к индоевропейской языковой семье) были распространены шире, чем теперь, их представители обитали в том числе и на юге Восточной Европы. Так, к иранцам принадлежали кочевники, господствовавшие в степях Северного Причерноморья до Великого переселения народов — скифы, сарматы, аланы (потомками последних являются современные осетины).

** Напомню, что именно так, а не «северяне», звучало первоначально название этой общности.

*** Часто встречающегося в популярной литературе термина «русы» или «руссы» не существовало (ни с одним «с», ни с двумя). Было собирательное существительное *русь*, обозначавшее не только народ в целом, но и отдельные группы людей, к нему принадлежащих, и существительное единственного числа *русин*, которым именовали отдельного представителя «руси».

ние в V—VII веках делилось на франков и так называемых галло-римлян, в Дунайской Болгарии в конце VII—IX веке, где сосуществовали славяне и тюрки-болгары, в Англии в конце XI—XII веке, где обитали англо-саксы и норманны. Быстрое объединение всех подданных киевских князей под названием *русь* делает вероятным предположение, что существовали два сходных по звучанию названия: южное, которое служило одним из названий территории и, возможно, населения Среднего Поднепровья, и северное, служившее одним из обозначений варяжских дружин. Сходство терминов могло привести к их слиянию, способствуя восприятию северными пришельцами земли на юге Восточной Европы как своей, а местным населением — дружинников норманнского происхождения как отчасти «своих».

* * *

Если по примеру главы 1 попытаться подвести краткий итог сказанному, он будет выглядеть следующим образом.

Единой дискуссии «норманистов» и «антинорманистов» не было. Говорить можно о двух дискуссиях. Первая шла в XVIII—XIX веках по вопросу: «Кем были варяги — норманнами или нет?» Вторая проходила в XX столетии по вопросу: «Создали ли варяги Древнерусское государство?» С точки зрения современных научных знаний ответ на первый вопрос однозначен — варяги были норманнами; ответ на второй вопрос будет отрицательным. Реальная научная полемика может идти только о степени участия выходцев из Скандинавии в процессе образования государства у восточных славян и о характере их роли.

Источники: Повесть временных лет. Ч. 1—2. М. — Л., 1950 (2-е изд. — СПб., 1996); Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М. — Л., 1950 (то же в: Полное собрание русских летописей. Т. 3. М., 2001); Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 1999.

Литература: Шаскольский И.П. Норманская теория в современной буржуазной науке. М. — Л., 1965; Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982; Ловмянский Г. Русь и норманны. М., 1985; Славяне и скандинавы. Л., 1986; Скрынников Р.Г. История российская. IX—XVII вв. М., 1997; Франклин С., Шепард Дж. Начало Руси: 750—1200. СПб., 2000; Сборник Русского исторического общества. Т. 8 (156). М., 2003; Горский А.А. Русь: От славянского Расселения до Московского царства. М., 2004. Часть 1. Очерк 3; Фомин В.В. Варяги и варяжская Русь: К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М., 2005; Максимович К.А. Происхождение этнонима «Русь» в свете исторической лингвистики и древнейших письменных источников // KANISKION: Юбилейный сборник в честь 60-летия профессора И.С. Чичурова. М., 2006.

Глава 3. Древнерусские «княжества»

Когда в тех или иных трудах по истории — научных, научно-популярных или учебных — речь идет о политическом развитии средневековой Руси, самыми употребительными терминами являются два — это «государство» и «княжество». Оба слова — русские, не заимствования из иностранных языков, и у читателя-неспециалиста может создаться впечатление, что они были в употреблении и в эпоху Средневековья. Это тем более должно казаться вероятным, поскольку оба термина происходят от слов явно древнего происхождения — *государь* и *князь*.

Но на самом деле термин «государство», в современном русском языке обозначающий самостоятельные политические образования, появляется лишь в XV столетии, а закрепляется в близком к современному значении только в XVI веке. Для раннего Средневековья, таким образом, «государство» — это не более чем условный научный термин. Что касается слова «княжество», то оно в современной политической терминологии практически отсутствует (так называют разве что государство Монако, поскольку его правитель носит титул *принсе*, который в Новое время принято переводить как «князь»). Это должно вро-

де бы значить, что использование термина «княжество» историками указывает на его бытование в Средневековье: иначе почему его стали применять?

Действительно, историки очень часто пользуются в отношении средневековой Руси понятием «княжество». Причем так определяют самые разные политические образования. Иногда «княжествами» называют даже догосударственные славянские общности (скажем, пишут о «княжестве полян» или «княжестве древлян»). «Княжествами» нередко именуют составные части Древнерусского государства XI века. И особенно последовательно применяется этот термин к политическим образованиям XII и последующих столетий, эпохи так называемой раздробленности: сплошь и рядом на страницах исторических трудов и (особенно) учебников встречаются «Владимиرو-Суздальское княжество», «Черниговское княжество», «Галицко-Волынское княжество» и т.п. Короче говоря, «княжествами» именуют любые территориальные образования, возглавляемые князьями.

Термин «княжество» производит действительно впечатление безупречно древнего: ведь он, повторюсь, образован от слова «князь». Как же еще называться территории, находящейся под властью князя, если не княжеством?

Но если обратиться к историческим источникам, то оказывается, что слово «княжество» впервые фиксируется ненамного раньше, чем слово «государство», — лишь в конце XIV столетия. Причем фиксируется оно первоначально на крайнем юго-западе русских территорий, на землях, вошедших к тому времени в состав Литовского и Польского государств. В частности, в XV веке «великим княжеством» (точнее — «великим князством») именуется Литовское государство, включившее в себя много рус-

ских территорий. И только с конца XV столетия слово «княжество» появляется в Московской Руси. Причем что любопытно: обозначают им составные части уже единого Московского государства — т.е. территориальные единицы, которые в нашей исторической литературе как раз обычно «княжествами» не именуют...

Итак, оказывается, в домонгольской Руси никаких «княжеств» не было. Если бы мы могли встретить, скажем, жителя Чернигова XII столетия и сказали бы ему, что он живет в «Черниговском княжестве», соотечественник нас не понял бы. В ту эпоху существовало, правда, другое понятие, образованное от слова «князь», — «княжение»; но оно обозначало не территорию, подвластную тому или иному князю, а саму княжескую власть или княжеский «стол» (престол). Как же реально назывались в древности политические образования?

Догосударственные общности славян в Византийской империи именовали, как говорилось выше, в главе I, «славиниями», т.е. термином, образованным от этнонима «славяне». Но у самих славян общего *terminus technicus* для этих образований не было. Принадлежащие славянским догосударственным образованиям территории определялись названиями, образованными от этнонимов. Так, слово «вятичи» означало и народ, и занимаемую им территорию, т.е. этноним и хороним (наименование территории) здесь совпадали по звучанию. В других случаях название территории несколько отличалось от этнонима, но все равно было связано с ним: например, территория древлян именовалась «Деревы».

Иное дело — эпоха так называемого Древнерусского государства. В этот период, в конце X — начале XII века, существовало два понятия, обозначавших политические образования. Это *земли* и *волости*.

Очень часто в исторической литературе термины «земля» и «волость» употребляются как синонимичные, обозначающие якобы одно и то же. Например, составные части Руси XI столетия могут именоваться (если не применяется самый популярный и, как сказано выше, анахронистичный по отношению к этой эпохе термин «княжество») и «землями», и «волостями». Встречается иногда даже своеобразный гибрид — «земли-волости» (или «волости-земли»), в реальности, естественно, не существовавший. На самом деле между понятиями «земля» и «волость» существовало достаточно строгое (по меркам Средневековья, для которого вообще-то не свойственна терминологическая строгость) соподчинение.

«Землями» на Руси называли независимые государства. В источниках встречаем «Греческую землю» (Византию), «Болгарскую землю» (Дунайскую Болгарию), «Угорскую землю» (Венгрию), «Лядскую землю» (Польшу) и т.д. Соответственно и на Руси в XI — начале XII века была только одна земля — «Русская земля»; так называлось государство, страна в целом. Термин «Русская земля» применялся для ее обозначения наравне с названием «Русь», обозначавшим и народ, и страну*.

«Волостями» же именовались в источниках XI — начала XII века составные части государства «Русь»/«Русская земля». Что собой представляли эти волости? Сам по себе термин «волость» дожил до начала XX века. В дореволюционной России им обозначалась мелкая терри-

* Излишне говорить, что применяемые ныне в литературе названия «Древняя Русь» и «Древнерусское государство» являются условными терминами: ясно, что современники не именовали свою страну «древней». Но не было в ту эпоху и такого широко употребляемого ныне понятия, как «Киевская Русь» (хотя оно и не выдает свою искусственность так, как названия с эпитетом «древний»): этот термин появился под пером историков в конце XIX столетия.

ториально-административная единица в сельской местности, охватывающая несколько сельских поселений. Иногда историки распространяют такое значение понятия «волость» и на древние времена, на домонгольский период, но для этого нет оснований в источниках. Волость XI столетия — это совсем иное. Она являлась крупной территориальной единицей, с центром в городе, причем городе, где имелся княжеский стол. То есть волостью управлял князь, представитель русской княжеской династии (так называемых Рюриковичей*), выполнявший в ней функции наместника верховного правителя — князя киевского**. Главной его функцией был сбор дани с территории волости; часть ее (обычно две трети) князь должен был отправлять в Киев.

В историографии существует целое направление, представители которого считают, что «волости» являли собой некие «города-государства», «государства-общины», где всеми делами управлял народ, а князья были всего лишь приглашаемыми чиновниками. Сведения источников о «волостях» XI — начала XII века полностью противоречат такому представлению. «Волость» в них выступает именно и только как княжеское владение. Мы не встретим в этот период определений волостей по

* Оговорка «так называемых» при употреблении термина «Рюриковичи» связана с тем, что хотя историческая традиция средневековой Руси признавала Рюрика родоначальником династии, русские князья в отношениях между собой «Рюриковичами» себя не называли; когда необходимо было сослаться на общего предка, вспоминали Владимира Святого или Ярослава Владимировича («Мудрым» не называю его не случайно — см. об этом главу 8).

** В литературе киевский князь обычно именуется «великим князем». Но на самом деле такого официального титула у него не было, определение «великий» применялось лишь изредка для подчеркивания престижа конкретного князя. В особом титуле не было нужды, поскольку власть на Руси являлась монополией рода Рюриковичей: тот, кто считался «старейшим» в роде и занимал киевский стол, тот и был верховным правителем.

городам, на найдем «Новгородской волости», «Переяславской волости», «Смоленской волости» и т.п. Волости определяются исключительно по князьям-владельцам. Название города (причем в форме существительного, а не прилагательного) только может служить уточняющим дополнением к указанию на князя. Например: «Иди в волость отца своего Ростову, а то (Муром. — А. Г.) есть волость отца моего», — обращался черниговский князь Олег Святославич к сыну Владимира Мономаха Изяславу в 1096 году.

В XII столетии Русь вступает в этап политического развития, который в дореволюционной историографии было принято именовать «удельным периодом», а в советской — «периодом феодальной раздробленности». Сущностью этого периода признается разделение единого государства на ряд фактически самостоятельных политических образований. Датировали это разделение ученые по-разному — от второй половины XI века (время после смерти Ярослава Владимировича, с 1054 года) до середины XII столетия. Но наиболее распространено представление об окончательном распаде государства после 1132 года — года смерти киевского князя Мстислава Владимировича, сына Владимира Мономаха. И для этого есть основания. Действительно, в двадцатилетний период киевского княжения Мономаха и его сына (с 1113 по 1132 год) власть Киева над Русью была (после некоторого ослабления в предшествующий период, при киевском княжении Святополка Изяславича, с 1093 по 1113 год) довольно прочной. В большинстве волостей (в Новгороде, Смоленске, Переяславле, Владимире-Волынском, Турове, Ростове) сидели сыновья и внуки Мономаха. Правители волостей со столицами в Чернигове, Перемышле и Теребовле подчинялись воле киевских князей, а князей

Полоцка после проявления ими непокорства Мстислав лишил их столов и отправил в ссылку в Византию. После же смерти Мстислава Владимировича начался период усобиц, и процесс обособления княжеств пошел полным ходом.

Термины «удельный период» и «феодалная раздробленность», разумеется, условны. Слово «удел», правда, производит (как и слово «княжество») впечатление древнего; но появляется оно только в XIV веке, причем обозначает не то, что обычно называют в литературе «удельными княжествами»: не относительно самостоятельные политические образования, а территории, которыми наделяются отдельные представители той или иной княжеской семьи по воле ее главы. Таким образом, в XII—XIII столетиях никаких «уделов» и, соответственно, «удельных князей» на Руси не знали. Что же изменилось в XII столетии в развитии страны, если исходить из существовавших в ту эпоху представлений о политических образованиях, каковыми были, как сказано выше, «земли» и «волости»?

Наиболее заметным изменением являлось то, что термин «земля» с территориальным определением стал применяться не только к Руси в целом («Русская земля»), но и к отдельным регионам Руси: крупные «волости» начинают называться «землями».

На территории Руси в XII столетии сложилось двенадцать земель — Киевская, Переяславская, Черниговская, Волынская, Галицкая*, Смоленская, Суздальская (она же

* Часто встречающегося в литературе (и на исторических картах) понятия «Галицко-Волынская земля» в XII веке просто не существовало: было две земли — Галицкая и Волынская — с разными княжескими династиями; их объединение совершилось намного позднее, только в середине XIII столетия.

иногда называлась Ростовской)*, Новгородская, Полоцкая, Рязанская, Муромская и Пинская. Земли формировались на основе крупных волостей предшествующего (XI — начала XII века) периода. Вопреки распространенному мнению, они не повторяли границ догосударственных общностей IX—X веков — славиний; дело в том, что за время существования единого государства (конец X — начало XII века) пределы волостей менялись по разным причинам — по воле киевских князей, в результате усадеб, разделов территорий и т.д., в результате чего ко времени обретения волостями статуса «земель» их границы были уже очень далеки от рубежей догосударственной эпохи**.

В большинстве земель закрепились определенные ветви княжеского рода Рюриковичей. Если в XI столетии князья, как правило, несколько раз в течение жизни меняли (как правило, по воле верховного правителя — киевского князя) волость, в которой княжили, то к середине XII века происходит «оседание» сформировавшихся к этому времени династий в тех или иных волостях. Ранее

* Понятия «Владими́ро-Сузда́льское кня́жество», закрепившегося в литературе, в исторической реальности не было. В XI в. столицей северо-восточной волости Руси был Ростов. Затем, в начале XII столетия, первый самостоятельный ее князь, Юрий Владимирович Долгорукий, сделал своим стольным городом Суздаль, поэтому за его и его потомков владениями закрепилось название «Суздальская земля» (реже они именовались — по старой столице, оставшейся центром местной епархии — «Ростовской землей»). Сын Юрия Андрей Боголюбский перенес столицу еще раз — во Владимир-на-Клязьме, но название «Владимирская земля» после этого не появилось.

** Так, Черниговская земля включила в себя большую (но не всю) часть бывшей территории северян, часть территории радимичей и часть территории вятичей; на бывшей территории кривичей сложились две земли — Смоленская и Полоцкая, при этом первая включила в себя также часть радимичской и вятичской территории, а вторая — часть территории дреговичей.

всех обособилась в династическом отношении Полоцкая волость: еще в конце X века она была передана Владимиром Святославичем своему сыну Изяславу и закрепилась за его потомками (лишение полоцких князей их столов Мстиславом Владимировичем оказалось недолгим — после его смерти полоцкие князья возвратились из изгнания и вернули себе владения). Галицкая земля сложилась после объединения волостей с центрами в Перемышле и Теребовле, закрепившихся в конце XI — начале XII века за сыновьями внука Ярослава Владимировича Ростислава. С вокняжением в Ростове в начале XII в. сына Владимира Мономаха Юрия (Долгорукого) берет начало обособление Суздальской земли, где стали княжить его потомки. В 1127 году произошло разделение владений потомков сына Ярослава, Святослава Ярославича, на Черниговскую землю, доставшуюся потомству Олега и Давыда Святославичей, и Муромскую; последняя позже разделилась на две земли — Муромскую и Рязанскую — под управлением разных ветвей потомков младшего Святославича — Ярослава. Смоленская земля закрепилась за потомками Ростислава Мстиславича, внука Владимира Мономаха, вокняжившегося в Смоленске в 1120-е годы. В Волынской земле середины XII в. стали править потомки другого внука Мономаха — Изяслава Мстиславича. Во второй половине XII века за потомками Святополка Изяславича закрепляется волость со столицей в Турове, в XIII веке именуемая «Пинской землей» по своей новой столице.

Иной статус, с династической точки зрения, был у Киевской и Новгородской земель. Киевский стол номинально продолжал считаться «старейшим», а Киев — столицей всей Руси. Распространенное мнение, что Киев утратил свое значение после разгрома его войсками Андрея Боголюбского в 1169 году, ошибочно — статус обще-

русской столицы сохранялся за Киевом вплоть до Батыева нашествия и даже некоторое время после него (о чем подробнее пойдет речь в главе 6). В результате князья сильнейших ветвей и, соответственно, сильнейших земель считали себя вправе претендовать на киевское княжение и вели за него ожесточенную борьбу. При этом Киевская земля стала объектом своего рода коллективного владения: представители сильнейших ветвей имели также право претендовать на «часть» (владение частью территории) в ее пределах.

Что касается Новгородской земли, то тут в XII веке усилившееся местное боярство стало оказывать решающее влияние на выбор князей, и ни одной из княжеских ветвей не удалось закрепиться в Новгороде. Сюда приглашали на княжение князей из разных земель — Суздальской, Смоленской, Черниговской, Волынской. В Новгородской земле сложилась специфическая для тогдашней Руси форма государственности, при которой реальная власть принадлежала не приглашаемым князьям, а местной верхушке, наиболее видными должностными лицами которой были посадник, тысяцкий и глава церковной организации — новгородский архиепископ.

Не стала владением определенной ветви также Переяславская земля. Здесь в XII столетии правили потомки Мономаха, но представлявшие разные ветви. Накануне Батыева нашествия Переяславская земля, к тому времени утратившая свое бывшее значение, находилась под контролем князей суздальской ветви Мономаховичей.

Изменилось в XII столетии и представление о пределах понятия «Русь», или «Русская земля». С одной стороны, так продолжали именоваться все территории, населенные «русью» — т.е. восточными славянами, с другой — появилось узкое понятие «Русь»/«Русская земля». Оно

охватывало только Южную Русь — Киевскую землю, Переяславскую и часть Черниговской*.

Итак, крупные волости превратились в земли. А что же произошло с понятием «волость»?

«Волостями» теперь стали называться части территорий земель, находившиеся во владении того или иного князя. Таким образом, на другом, региональном уровне была воспроизведена структура прежнего единого государства: «земля», внутри нее — «волости». Волость и в XII — начале XIII века по-прежнему выступает в источниках как княжеское владение; очень редко волости определяются по главным городам (и как правило, в случаях, когда по тем или иным конкретным причинам их нельзя было определить по князю). Это владение представителя той или иной княжеской ветви в пределах земли: глава ветви сидит в главном городе земли, его младшие родственники в более мелких городских центрах — столицах волостей.

В период с середины XIII века, после установления зависимости русских земель от Орды, продолжали использоваться для обозначения политических образований термины «земля» и «волость». Но слово «волость» с XIV столетия начинает преимущественно использоваться в ином значении: небольшая территориально-административная единица, объединяющая несколько сельских поселений и города (любого, не то что стольного — с княжеским «столом») на своей территории не имеющая. А в Северо-Восточной Руси, Суздальской земле, где в XIV веке начинается процесс территориального объеди-

* Остается дискуссионным вопрос, к какому времени восходит узкое значение понятия «Русь». Ряд историков полагает, что оно охватывает древнее ядро государства и восходит, таким образом, к IX столетию или даже более ранним временам.

нения, появляется новое понятие — «великое княжение». Так назывались владения главного князя этой земли — великого князя владимирского. В конце XIV века великое княжение стало наследственным достоянием московских князей, что стало решающим для формирования ядра нового единого государства. Его формирование в основном завершилось к концу XV столетия, когда во владениях московских князей оказалась вся Северо-Восточная и (с присоединением Новгородской земли) Северо-Западная Русь. Правитель государства стал титуловаться с этого времени не просто великим князем, но и «государем всея Руси». От этого титула пошло понятие «государство». Страна стала именоваться «Русским» или «Российским»* «государством».

Резюмируя изложенное в данной главе, можно сказать следующее.

Те политические образования, которые в исторической литературе принято называть «княжествами», в действительности именовались «землями», «волостями» и «княжениями». Причем эти понятия прошли длительную эволюцию. В XI — начале XII века *землей* называлось государство Русь в целом, а волостями — его составные части, управляемые князьями — наместниками киевского князя. В XII—XIII веках землями именуются фактически независимые государственные образования, сложившиеся на основе крупных волостей предшествующего пери-

* Слово «Россия» восходит к греческому, византийскому названию Руси — Ῥωσία. Так называли в Византии Русь-государство с X столетия. На самой же Руси такая форма названия начинает применяться только в XV веке, после падения Константинополя под ударами турок (1453 год), когда Московское государство начинает осознавать себя наследником Византийской империи.

ода. В XIV столетии в Северо-Восточной Руси возникает понятие *великое княжение*. На основе «великого княжения» происходит объединение территорий под властью московских князей. С конца XV века сформировавшееся на северо-восточных и северо-западных русских землях политическое образование начинает именоваться *государством* с определением «Русское», или «Российское».

Источники: Повесть временных лет. Ч. 1—2. М. — Л., 1950 (2-е изд. — СПб., 1996); Полное собрание русских летописей. Т. 1. М., 1997 (Лаврентьевская летопись); Т. 2. М., 2001 (Ипатьевская летопись); Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М. — Л., 1950 (то же в: Полное собрание русских летописей. Т. 3. М., 2001); Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М. — Л., 1949; Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М. — Л., 1950.

Литература: Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951; Горский А.А. Русь: От славянского Расселения до Московского царства. М., 2004. Часть 2, очерк 1; Часть 3, очерк 1; Горский А.А., Кучкин В.А., Лукин П.В., Стефанович П.С. Древняя Русь: очерки политического и социального строя. М., 2008.

Глава 4. «Феодализм»: «классическая» модель и действительность

Когда в учебной литературе по отечественной истории заходит речь об общественном строе раннесредневековой Руси, Руси домонгольского периода, его характеристики концентрируются вокруг понятия «феодализм». Одни авторы исходят из того, что феодализм на Руси в эту эпоху уже господствовал. Другие полагают, что он тогда еще не сложился, а сформировался только в ордынскую эпоху. Эти положения являют собой отголосок одной из самых ожесточенных дискуссий в отечественной исторической науке.

Понятие «феодализм» появилось в XVIII столетии. Возникло оно во французской историографии и прилагалось первоначально к средневековой истории Западной Европы. Происходит слово «феодализм» от латинского *feodum*: так в западноевропейских странах называли одну из форм крупного землевладения. Во французском языке слово «феод» звучало как «фьеф», в немецком ему соответствовало понятие «лен». Главным признаком «феодализма» в XVIII столетии историки признавали так называемую вассально-ленную систему. Так именовали форму отношений внутри господствующего в обществе слоя, при

которой вышестоящий его представитель («сеньор») жаловал землю и предоставлял покровительство нижестоящему («вассалу») в обмен на верную службу. Именно такая пожалованная (в наследственное владение) земля и называлась феодалом/фьефом, или леном.

Уже во второй половине XVIII столетия, т.е. вскоре после появления понятия «феодализм» в западной исторической науке, оно стало прилагаться к русской истории. Коль скоро основным признаком феодального порядка в тогдашней историографии выступала вассально-ленная система, именно это явление было усмотрено на Руси. При этом с феодалом (леном) одни авторы отождествляли русское «поместье» (форму условного, с обязательством службы, землевладения, возникшую в конце XV века), другие же — княжеские «уделы».

В отечественной историографии XIX столетия более обращалось внимание на специфику развития Руси, и термин «феодализм» к русской истории прилагался редко. Между тем в середине — второй половине XIX столетия в историографии западного Средневековья утвердилось представление о второй сущностной черте феодального строя (помимо вассально-ленной системы). Такой чертой, экономической основой феодализма была признана крупная земельная собственность, в терминологии исследователей, изучавших эпоху Средних веков, — «сеньория». В тот же период, в середине XIX столетия, в сочинениях К. Маркса и Ф. Энгельса было сформулировано широкое понятие феодализма — он стал рассматриваться как одна из социально-экономических формаций, т.е. как вся совокупность общественных отношений на определенном этапе развития человечества.

Но такое явление, как крупная земельная собственность, в русском средневековом обществе несомненно су-

ществовало. И вполне закономерно в начале XX столетия появилась концепция о наличии феодального строя на Руси. Ее автор, Н.П. Павлов-Сильванский, отстаивал мнение о наличии на Руси в XIII—XVI веках основных черт феодализма, признаваемых тогдашней наукой, — сеньории («боярщины», как он ее называл, т.е. земельной собственности бояр) и вассально-ленной системы.

В историографии советской эпохи было воспринято и распространено на отечественную историю марксистское представление о феодализме как общественно-экономической формации. Как главная его черта рассматривалось, в соответствии с представлениями, выработанными на западноевропейском материале, наличие крупной земельной собственности (о вассально-ленной системе стали говорить во вторую очередь, поскольку упор в ту эпоху делался на социально-экономическое развитие). Основные дебаты развернулись вокруг вопроса о времени становления феодализма на Руси. При этом конкретно-исторические представления о генезисе, возникновении феодализма были заимствованы у течения в науке о западном Средневековье — одного из направлений так называемой вотчинной теории: переход к феодализму в сфере социально-экономических отношений отождествлялся со сменой крестьянской общины как собственника земли сеньорией (в русском переводе — «вотчиной»^{*}).

В 1930-е годы имели место две дискуссии об общественном строе Киевской Руси. Б.Д. Греков в 1932 году

^{*} Такой перевод, впрочем, неточен, поскольку в домонгольский период «вотчиной» или «отчиной» называлось не частное крупное земельное владение, а любое владение, полученное от отца, в том числе княжеская волость (т.е. территория, которой князь управлял как глава государства, а не как частный землевладелец). Значение «частное земельное владение представителя знати» закрепляется за словом «вотчина» только в XIV—XV веках.

выступил с гипотезой об утверждении феодализма на Руси в IX—X веках. Другие исследователи (в том числе С.В. Юшков, С.В. Бахрушин), соглашаясь с Грековым в том, что на Руси шел генезис феодализма, полагали, что о его складывании можно говорить не ранее XI—XII вв. В конце 1930-х годов, под влиянием идей «Краткого курса истории ВКП(б)» было выдвинуто (неспециалистами по средневековой истории) предположение о рабовладельческом характере Киевской Руси*. Однако исследователи раннего Средневековья (причем как Греков, так и его недавние оппоненты) эту версию отвергли.

В результате к середине XX столетия в отечественной историографии возобладала точка зрения о феодализме на Руси начиная с домонгольского периода**. По схеме Грекова, уже в IX—X веках существовало крупное частное землевладение — феодальные вотчины, соответствующие западноевропейским сеньориям. Грековская концепция надолго вошла в учебники, но... очень недолго продержалась в науке. Причиной было ее очевидное несоответствие сведениям источников.

Дело в том, что для IX века нет никаких сведений о наличии на Руси крупного частного землевладения. Для середины — второй половины X века имеются только единичные известия о «селах», принадлежащих киевским князьям. Для XI столетия есть данные, позволяющие го-

* Согласно «Краткому курсу» все народы должны пройти пять формационных стадий: первобытное общество, рабовладение, феодализм, капитализм, коммунизм. Отсюда убежденность, что Русь не могла миновать рабовладельческую стадию.

** Предпочтение, отданное ей тогдашними властью предрержащими (зорко следившими за концептуальными спорами в исторической науке), возможно, было связано с тем, что при принятии версии о Киевской Руси как рабовладельческом обществе пришлось бы признать слишком заметное отставание ее в социально-экономическом развитии от стран Западной Европы, где уже господствовал феодализм.

ворить о развитии княжеского землевладения, и лишь единичные сведения о появлении земельных владений у бояр и церкви. Для XII века таких сведений больше, но ненамного.

Между тем не вызывало сомнений, что если не в IX, то в X столетии уже налично существование Руси как государства. А государство, согласно господствовавшему (марксистскому) взгляду, возникает там и тогда, где и когда возникают общественные классы (что в принципе верно: говорить ли о «классах», общественных «слоях», элите и т.п., в любом случае очевидно, что государство появляется при наличии в обществе существенного социального расслоения). Итак, государство есть, а феодализма в его привычном понимании (т.е. сеньориального строя) нет... Это противоречие требовало объяснения. В рамках «классической» (западноевропейской) модели феодализма такого объяснения не находилось.

В «постгрековский» период появилось два ответа на указанное противоречие. Первый можно резюмировать таким образом: *у нас тоже был феодализм, но «другой», не такой, как в Западной Европе, «неклассический»*. Второй ответ: *раз древнерусские реалии не соответствуют «классической» модели феодализма, значит, у нас был не феодализм*.

Первый ответ прозвучал раньше второго, еще в начале 1950-х годов, одновременно с выходом последнего издания книги Грекова «Киевская Русь». Его сформулировал Л.В. Черепнин. Он в 1953 г. выдвинул тезис о господстве на Руси в X—XI веках не частновотчинной собственности, а «верховой собственности государства» (термин был взят у Маркса, который прилагал его к восточным средневековым обществам). Проявлением ее Черепнин считал взимание государственных податей, среди которых, по источникам, главное место занимала

подать поземельная — *дань*. В своей итоговой работе по общественному строю средневековой Руси 1972 году Черепнин исходил из того, что частная и государственная формы собственности возникают одновременно, но на «раннефеодальном» этапе преобладает верховная государственная собственность. Тезис о господстве в Киевской Руси «государственно-феодальных» отношений был с теми или иными модификациями принят многими исследователями (в том числе В.Л. Яниным, М.Б. Свердловым, Б.А. Рыбаковым).

Второй ответ был дан в 1960—1970-е годы, причем прозвучал в двух вариациях. Во-первых, была реанимирована гипотеза о рабовладельческой природе Киевской Руси; она, впрочем, не получила ничьей (исключая, естественно, автора) поддержки и осталась маргинальной. Большее распространение получила точка зрения И.Я. Фроянова, согласно которой на Руси вплоть до монгольского нашествия был бесклассовый строй, существовали самоуправляющиеся города-государства общинного типа.

И сторонники концепции «государственного феодализма», и адепты «общинной» концепции исходили из того, что обнаруживаемые на Руси социально-экономические реалии не соответствуют критериям «настоящего» феодализма; только первые трактовали их как «другой» феодализм, а вторые — как «нефеодализм». При этом все исходили из посылки, что «правильным» феодализмом, его «классической моделью» является строй, при котором безраздельно господствует сеньориальное, вотчинное землевладение, существует развитая вассально-ленная система. Такой строй, по казавшемуся незыблемым представлению, имел место в средневековой Западной Европе; здесь господствовал принцип — «Нет земли без сеньора». Однако во второй половине XX столетия, по мере изуче-

ния общественного строя разных стран средневековой Европы эта модель начала постепенно рушиться.

Вначале стало выясняться, что в таких регионах, как западнославянские страны, Венгрия, Скандинавия, Англия до нормандского завоевания, в раннее Средневековье обнаруживаются черты общественного строя, очень сходные с теми, что наблюдаются на русском материале: слабое развитие частного землевладения, зависимость основной массы населения только от глав публичной власти, выражаемая в системе государственных податей. Таким образом, оказывалось, что едва ли не большая часть европейского континента под «классическую модель» феодализма в раннее Средневековье не подпадает...

Далее выяснилось, что не все так ладно и с Западной Европой в узком смысле этого понятия (без Северной и Центральной). Здесь развитая вотчинная система также складывалась спустя значительное время после образования раннесредневековых государств. Помню изумление, которое я испытал, слушая на втором курсе исторического факультета МГУ в 1977 году лекции профессора А.Р. Корсунского. Он рассказывал о Франкском государстве, возникшем в конце V века, о формировании там феодального землевладения. И я с недоумением отметил, что система сеньориального землевладения начинает складываться, судя по изложению лектора, в лучшем случае с VII столетия, т.е. через два века после появления государства! «Но это ведь точно как у нас, — подумал ваш покорный слуга, — на Руси в IX веке формируется государство, и только в XI—XII — система частного землевладения»... Я подошел к А.Р. Корсунскому после лекции и поделился с ним своими недоумениями. Корсунский ответил, что нет, крупное частное землевладение складывается не позже, чем появляется государство (не аргументировав, впро-

чем, этот тезис), но в то же время сказал, что один исследователь, а именно Н.Ф. Колесницкий, выступал с гипотезой, будто первой формой феодальной собственности в Западной Европе была государственная.

Действительно, в 1963 году специалист по средневековой Германии Н.Ф. Колесницкий обнародовал гипотезу, что первоначальной формой феодальной эксплуатации в Западной Европе были государственные подати, а подчинение крестьян частным земельным собственникам явилось уже дальнейшей стадией процесса формирования феодальных отношений; автор предложил отделить понятие «феодализм» от понятия «частновотчинная зависимость». Этот призыв не встретил тогда понимания: на прошедшей публичной дискуссии автора довольно жестко критиковали. Приведу для примера выдержки из изложения выступлений двух видных специалистов по западному Средневековью: М.А. Барга и того же А.Р. Корсунского (в цитатах курсив мой. — А. Г.).

М.А. Барг: «В... докладе... переоценивается роль государства, которое будто бы утверждает феодальную форму эксплуатации *раньше, чем она успела оформиться в производственных отношениях*».

А.Р. Корсунский: «Неясна классовая сущность государства, которое, по мнению докладчика, осуществляет феодальную эксплуатацию еще *до того, как возникли феодальные отношения в экономике*».

Таким образом, критика тезиса Н.Ф. Колесницкого велась с позиций тождества понятий «феодализм» и «вотчинная система»; все, что вне вотчины-сеньории, не признавалось производственными, экономическими отношениями. Критики исходили из сформировавшегося в XIX веке представления о феодализме как строе, при котором безраздельно господствует крупное частное землевладение.

Но исследовательская мысль уже не могла ютиться в рамках таких догматических представлений. В конце 1970-х годов видный специалист по средневековой Франции Ю.Л. Бессмертный сопоставил Русь XIV—XVI веков с Францией (т.е. признанным регионом «классического» феодализма!) IX—XV веков, Англией и Германией X—XV веков и пришел к заключениям о «переплетении» и «глубоком взаимопроникновении» сеньориальных и государственных элементов в отношениях знати и рядового населения как на востоке, так и на западе Европы.

Таким образом, в историографии шло постепенное разрушение представлений о «маргинальности» общественного строя русского Средневековья; картина западноевропейского социального устройства все более сближалась с древнерусскими реалиями.

Ударом по «классической модели» феодализма в западной историографии стала вышедшая в 1994 году книга английской исследовательницы С. Рейнольдс «Фьефы и вассалы». В ней доказывалось, что сеньория-феод как привилегированная собственность, обусловленная службой, стала реальностью только к XII веку; при этом закрепила новое положение дел в сфере отношений собственности государственная власть. До XII же столетия преобладали отношения не вассалитета, а подданства. В отечественной историографии видный медиевист А.Я. Гуревич выступил недавно с тезисом, что общественные отношения в средневековой Западной Европе не исчерпывались «феодальной ипостасью» (под которой им понимался сеньориальный строй) — наряду с ней существовал широкий слой «рядовых свободных» (полноправных государственных подданных). Таким образом, исследователи западного Средневековья по сути дела обнаруживают черты, которые давно зафиксированы на Руси, и историками-русистами

всегда рассматривались как отечественные отклонения от «правильного» феодализма...

Пора констатировать, что «классическая модель» феодализма — сеньориальный строй с развитой вассально-ленной системой — являет собой практически фикцию. Безраздельного господства сеньориального (вотчинного) землевладения не было нигде и никогда. Соответственно при изучении общественного строя средневековой Руси нельзя отталкиваться от каких-либо заданных схем: необходимо рассмотреть зафиксированные в источниках реалии, исходя из понятий изучаемой эпохи, и только после этого пытаться подобрать научные дефиниции, определения для описания социального устройства в целом.

* * *

Для IX—X веков, эпохи складывания Древнерусского государства, сведений об общественном строе крайне мало. Отечественные повествовательные источники — летописи и другие — появляются только в XI веке; поэтому синхронные данные о социальном устройстве IX—X столетий приходится извлекать из известий иностранных авторов, а также материалов археологии.

К реалиям IX века (второй его половины) относится только известие арабского географа Ибн Русте о сборе правителем «славян» дани «платьями» (очевидно, мехами). Причем локализация этих славян неясна; некоторые исследователи полагают, что речь идет не о восточных славянах, а о западных, о Великой Моравии. К середине X столетия относится картина, рисуемая в сочинении византийского императора Константина VII Багрянородного «Об управлении империей». Автор рассказывает о сборе киевскими князьями и их дружинниками дани с зависимых «славиний» (древлян, северян, кривичей, дре-

говичей), причем приводится в греческой транскрипции древнерусский термин, обозначающий объезд подчиненных территорий с этой целью, — «полюдье»: «Зимний же и суровый образ жизни тех самых росов* таков. Когда наступает ноябрь месяц, тотчас их архонты выходят со всеми росами из Киава и отправляются в полюдия, что именуется «кружением», а именно — в славинии вервианов, другувитов, кривичей, севериев и прочих славян, которые являются пактиотами** росов. Кормясь там в течение всей зимы, они снова, начиная с апреля, когда растает лед на реке Днепр, возвращаются в Киав».

Данные археологии фиксируют в центральных пунктах Руси — вдоль так называемого пути «из варяг в греки», из Балтийского моря в Черное по рекам Восточной Европы — богатые погребения. Из их инвентаря ясно, что захороненные при жизни были привилегированными воинами.

Таким образом, источники говорят о сборе дани правителями формирующегося государства с подчиненных территорий, а в качестве элитного слоя выступает княжеская дружина.

Сведения древнерусского Начального летописания, т.е. Начального свода конца XI века и «Повести временных лет» начала XII в., подтверждают эту картину. Они говорят о наложении киевскими князьями в конце IX — X веков дани на славянские общности, при этом указывая ее фиксированные размеры и определенные единицы обложения. В тех случаях, когда указан «потребитель» дани, таковым называется княжеская дружина. Дань со-

* В византийских источниках преобладало воспроизведение этнонима *русь* с долгим -о- — Ῥως.

** Греческий термин «пактиоты» указывает на отношения данничества и военного союза.

биралась как с подчиненных, но еще непосредственно не включенных в состав государства «славиний», так и с территорий, находящихся непосредственно под властью киевской княжеской династии. Помимо дани, летописные известия фиксируют еще один вид государственных податей — виры (судебные штрафы), которые также идут на содержание дружинного слоя. Начиная с рассказа о временах княгини Ольги (середина X века), летописание упоминает села и охотничьи угодья — личные владения киевских князей.

Знать Руси в летописных известиях представлена князьями и окружающей их дружиной. Представители верхнего слоя дружины именуются *боярами*, нижнего — *отроками* или *гридями*.

Таким образом, имеющиеся сведения об общественном строе Руси IX—X веков позволяют говорить, что общественная элита состояла из князей и военно-дружинной знати. Она существовала за счет получения от населения прибавочного продукта в виде дани — поземельной подати — и судебных штрафов. Что касается частного крупного землевладения, то можно говорить лишь о первых шагах его формирования — при этом только с середины X в. и только в отношении киевских князей.

* * *

В XI — начале XII века, в период существования единого государства Русь/Русская земля, система поземельных и судебных податей продолжала развиваться. Для суждений о ней имеются два источника, один из которых относится к началу указанного периода, а другой — к концу. В первом — церковном уставе Владимира Святославича (начало XI столетия) — говорится о «десятине», десятой части от государственных доходов, пожалованной

церкви; в качестве центров территориального деления указаны города и погосты*. Второй — уставная грамота Смоленской епископии князя Ростислава Мстиславича (1136 год) — содержит роспись податей с территории Смоленской «волости». Здесь называются такие виды государственных повинностей, как *дань*, *полюдье* (в данном случае уже не форма сбора дани, как в X столетии, а особая подать, существующая в отдельных местах), *виры* и *продажи* (судебные штрафы), *погородье* (налог на городских жителей). Пунктами, по которым расписаны повинности внутри волости, являются города и погосты.

Сведения указанных источников, а также летописей и древнерусского правового кодекса — «Русской Правды» позволяют заключить, что сбор государственных податей осуществлялся в пределах «волости». «Волость» в XI — начале XII века, как говорилось в главе 3, — это княжеское владение со стольным городом, территориальная единица в пределах государства — «Русской земли», управляемая князем из рода Рюриковичей под верховной властью киевского князя. Организовывали сбор податей князь или их наместники — «посадники». Сборщики податей именовались «данниками» или «вирниками» — в зависимости от того, какие подати собирались — поземельные или судебные (на практике данниками и вирниками были, скорее всего, одни и те же люди). Обычно сбор осуществлялся путем объезда территории, тянувшей к одному погосту — центру территориально-административной единицы, являвшейся составной частью волости.

К середине XI века уже в развитом виде выступает собственное княжеское землевладение, что нашло отраже-

* Погостами назывались крупные неукрепленные поселения, которые служили опорой княжеской власти внутри волостей; они служили пунктами сбора податей.

ние в так называемой Правде Ярославичей (второй части Русской Правды Краткой редакции) — правовом кодексе, созданном в третьей четверти столетия. Имеются единичные сведения (с середины XI века) и о боярском и церковном землевладении. Пространная редакция Русской Правды (начало XII в.) фиксирует существование зависимых людей и управителей хозяйства у бояр, из чего ясно, что боярское землевладение стало к этому времени заметным явлением. Частные земельные владения обобщенно именовались «жизнью», конкретные же земельные комплексы — селами.

1130 годом датируется первая дошедшая до нас жалованная грамота — пожалование киевского князя Мстислава Владимировича и его сына новгородского князя Всеволода Мстиславича новгородскому Юрьеву монастырю на Буице. Этот погост передавался монастырю с данями, вирами и продажами — т.е. суть пожалования заключалась в том, что подати, ранее бывшие государственными, начинает взимать в свою пользу монастырь.

В качестве общественной элиты, как и ранее, выступала «дружина». Надо сказать, что институт дружины, служилых людей князя, долгое время (до 1980-х годов) находился на периферии внимания исследователей. Вначале этому способствовало представление о его варяжском происхождении, о привнесении дружинных отношений на Русь варяжскими князьями: из-за этого дореволюционные ученые приложили немало усилий к поиску исконно славянской знати — так называемых земских бояр (источникам неизвестных). Затем, в советскую эпоху, дружина представлялась чисто военно-политическим институтом, и «феодализацию» стремились связывать с некоей другой, «местной» или «родоплеменной» знатью (опять-таки не просматривающейся по источникам); дружинникам в лучшем случае тоже отводилась возможность

«превращаться в феодалов», в худшем — они оказывались «орудием в руках» превращавшейся в феодалов родоплеменной знати.

Появление дружин у славян следует связывать с эпохой Расселения VI—VIII веков (т.е. со временем задолго до появления скандинавских викингов в Восточной Европе, что делает бессмысленными суждения о привнесении института дружины сюда скандинавами): уже тогда служилая знать вышла на ведущие позиции в догосударственных общностях — славиниях. В X в. дружина киевских князей (резко выделявшаяся своей силой в сравнении с аналогичными институтами окружающих славиний благодаря притоку норманнского элемента) выступает в качестве слоя, внутри которого распределяется продукт, поступающий князю в виде дани. В XI веке отчетливо прослеживается деление дружины на две части — «старейшую» (она же «первая», «большая», «лучшая») и «молодшую». Члены «старейшей дружины» именовались *боярами*, «молодшей» — *отроками*. Со второй половины XI столетия «молодая дружина» дифференцируется: часть ее превращается в княжеских военных слуг, обозначаемых старым термином «отроки», часть — в *детских*, более привилегированный слой. Из дружинников формировался государственный аппарат. Именно они отправляют должностных *посадников* — княжеских наместников в городах, где не было княжеских столов, *тысяцких* — княжеских управителей в стольных городах (своего рода заместителей при князьях), *воевод* — предводителей воинских отрядов, *мечников* — судебных чиновников, *данников*, *вирников* — сборщиков государственных податей (даней и вир — судебных пошлин). Доход дружинники теперь получали не только от распределения князем в их среде дани, но и от своих должностей (так, посаднику оставалась треть собранной с подвластной территории дани; вирник полу-

чал долю из собранных им судебных пошлин). Из верхушки дружины формировался *совет* при князе. С XI столетия у дружинников начинают появляться (путем княжеских пожалований) собственные земельные владения (они именовались *селами*).

В целом институт дружины в Киевской Руси предстает как возглавляемая князем корпорация, в которую была объединена вся светская часть господствующего слоя: вхождение в него в раннее Средневековье было возможно только через вступление в дружинную организацию. Какой-либо неслужилой знати источники не знают. Существующее в историографии мнение о существовании на Руси неких «общинных лидеров», делящих власть с князьями, не подтверждается: лица, «предлагаемые» в этом качестве, на поверку оказываются княжескими людьми. Знать Новгорода (позже приобретшая определенную независимость от князей) в XI веке еще носит служилый характер; новгородские бояре, чье происхождение можно проследить, ведут род от княжеских дружинников. Пространная редакция Русской Правды вводит охрану повышенным штрафом за убийство лиц двух категорий — «княжих мужей» (представителей верхушки дружины) и «княжих тиунов» (управителей княжеским хозяйством).

Таким образом, в качестве элитного слоя, в среде которого распределялись государственные доходы — от земельных податей и судебных штрафов, — выступала в XI — начале XII века дружинная корпорация.

Основная масса рядового населения была представлена *людьми* — так назывались лично свободные жители сельских и городских поселений, платившие государственные подати. Остается дискуссионным вопрос о том, кем были древнерусские *смерды*. Многие ученые считали, что так именовалась основная масса древнерусских

земледельцев. По мнению других, смерды были особой категорией населения; относительно того, что она из себя представляла, также высказывались различные суждения: от холопов (рабов), посаженных на землю, до зависимых от князя земледельцев, платящих дань и одновременно несущих военную службу.

Существовали также группы людей, объединенных по профессиональному признаку и обслуживающих нужды князя и знати (*бортники, бобровники, сокольники* и т.д.), — так называемая служебная организация. Таким образом, государственная власть не просто «наслаивалась» на общество, взимая подати с рядового населения, но сама формировала зависимые от себя сферы социально-экономических отношений.

Со второй половины XI века формируется категория закупов — людей, поступающих в зависимость за долги. Продолжали существовать и категории лиц, находившихся в полной собственности господ: они именовались *челядью и холопами*.

Таким образом, господствующее положение в общественных отношениях в период существования единого государства Русь занимала система государственных доходов, которая служила для обеспечения господствующего слоя — дружинной корпорации, являвшей собой одновременно государственный аппарат. Эта система усложнилась и дифференцировалась в сравнении с X столетием. В то же время сложилась и система частного землевладения — княжеского, боярского, церковного, пока еще в качестве небольшого сектора.

* * *

К середине XII столетия, когда Русь вступила в период политической раздробленности, крупные волости пре-

вращались в фактически самостоятельные государства — «земли», а внутри земель складывались системы волостей, происходило соответственно и усложнение системы государственных податей; тем не менее податной единицей продолжал оставаться погост — округ в составе волости. Сведения о частном землевладении в этот период становятся более частыми, чем в предшествующий период; упоминаются как села бояр, так и «дружины» в целом, т.е. возможно и представителей ее низших слоев. Сохранился ряд жалованных грамот монастырям и летописных известий о пожалованиях сел духовным корпорациям.

Знать сохраняла в XII веке служилый характер. Определенное исключение составила Новгородская земля: здесь в XII столетии сложилась боярская корпорация, в значительной мере независимая от княжеской власти. Еще во второй половине XII столетия корпорации знати в русских землях продолжали традиционно определяться понятием «дружина». Верхушку ее («старейшую дружину») составляли бояре, средний слой — детские, низший — отроки. Но со второй половины XII века появляется другой термин — «княжий двор». Он постепенно, в течение XIII столетия, вытесняет понятие «дружина», которое перестает употребляться в качестве обобщающего названия служилых людей. Понятие «двор» употреблялось в двух значениях: 1) вся совокупность служилых людей князя, включая бояр; 2) только та их часть, которая постоянно находилась при князе. Члены двора в узком смысле этого понятия назывались *дворянами* или *слугами*. Смена дружины двором была обусловлена в первую очередь тем, что из-за развития боярского землевладения ослабла связь бояр с конкретными князьями: бояре теперь преимущественно служили тому князю, который правил в «их» городе (близ которого располагались их села), а не

переходили вместе с князем из волости в волость, как прежде. Это ослабление послужебной связи бояр с князьями привело к отмиранию представления о «дружине» как целостной организации княжеских служилых людей.

Таким образом, в период с середины XII по первую половину XIII века в общественных отношениях на русских землях продолжали существовать две системы, сложившиеся в период существования единого государства: система государственных податей и система частного землевладения. Они были неразрывно связаны между собой, поскольку и в той и в другой были задействованы одни и те же люди. Общественная элита сохраняла преимущественно служилый характер. Частное землевладение росло, но по-прежнему играло в обществе второстепенную роль.

* * *

Развитие общественных отношений в период после Батыева нашествия лучше всего прослеживается на материалах Северо-Восточной Руси, а внутри на нее — на источниках по истории Московского княжества, поскольку именно здесь сохранился достаточно объемный актовый материал — духовные (завещания), договорные и жалованные грамоты московских князей.

Центральную часть княжества составлял городской «уезд», территория которого делилась на «пути» и «станы». В станах жило население, относившееся к «служебной организации», — объединенное по профессиональному признаку и обслуживавшее нужды князя и его «двора». Пути же отдавались князем боярам в «кормление» — управление со сбором податей, при котором кормленщик часть собранных доходов оставлял себе.

Остальную часть княжества составляли «волости». Этим термином теперь обозначалось не княжеское вла-

дение со стольным городом в центре, а сельский округ, объединявший несколько сельских поселений и города (даже нестольного) на своей территории не имевший (во-лость в этом значении сменила погост). Волости отдавались в кормление боярам.

Сектор частной собственности был представлен селами — княжескими и боярскими. Князья могли отдавать свои села в кормление, но не боярам, а низшей категории двора — «слугам вольным».

Такая структура господствовала до середины XIV века. Она представляла собой по сути модификацию той, что существовала в домонгольский период. Частное землевладение было по-прежнему распространено мало. Консервация государственных форм эксплуатации была вызвана в первую очередь необходимостью выплаты дани в Орду, для чего использовались проверенные механизмы получения государственных доходов.

Со второй половины XIV века, в связи с ростом владений московских князей и разворачиванием процесса формирования единого государства со столицей в Москве, происходят изменения. Практикуются массовые раздачи земель в «вотчину» — наследственное владение — боярам, слугам вольным, монастырям. С конца XV века, после присоединения Новгородской земли, начинаются раздачи территорий в поместье — владение с условием службы, не передаваемое по наследству. В результате раздач в вотчины и поместья в центральной части Московского (Российского) государства к середине XVI столетия почти все земли оказались в частном владении.

Знать была в ордынскую эпоху представлена княжим двором. Высший слой в нем составляли бояре, низший — слуги вольные или дворяне (в XV веке появляется еще

один термин — «дети боярские»). С формированием единого Московского государства центральное положение занимает великокняжеский (Государев) двор, подчиненное — дворы удельных князей. Смена множества княжеских дворов иерархией во главе с Государевым двором была проявлением государственной централизации в сфере организации господствующего слоя.

Рядовое сельское население было известно под множеством названий: традиционное «люди», «сироты», наименования, связанные с длительностью проживания на той или иной земле («старожильцы», «новоприходцы»), с характером повинностей («серебряники», «половники») и т.д. С конца XIV века появляется, а в течение следующего столетия закрепляется общее наименование для земледельцев — «крестьяне» («христиане»). Крестьяне, жившие на государственных землях, именовались «черными» (т.е. платящими подати). В конце XV века закрепляется в масштабах всего Московского государства право крестьян любых категорий переходить из одного владения в другое только раз в году — за неделю до и неделю после Юрьева дня осеннего (позже, в конце XVI столетия, отмена этого права станет решающим шагом к формированию системы крепостного права).

* * *

Суммируя сказанное, можно сказать следующее. В IX—X веках на Руси формируется общество, в котором в роли элиты выступал военно-служилый слой во главе с князьями. Его представители получали доход тремя способами: 1) через распределение в их среде государственных доходов; 2) благодаря отпращиванию должностей в государственном аппарате; 3) от собственных земельных владений, жалуемых князьями за службу.

Соотношение этих трех видов получения дохода менялось в разные исторические периоды. На раннем этапе преобладал первый; второй появляется и развивается с формированием и усложнением государственного аппарата; третий, появившийся позже двух первых, получает значительное распространение в XIV—XV веках.

Отношения господства-подчинения между военной верхушкой и рядовым земледельческим населением были доминантными в русском средневековом обществе. Можно ли считать их «феодальными»? Исходя из представления о феодализме, сложившегося в течение XVIII—XIX веков, — как о сеньориальном строе с развитой вассально-ленной системой — однозначно нет: частная крупная земельная собственность вплоть до XIV столетия была на Руси распространена относительно мало, вассальные отношения носили преимущественно одноступенчатый характер (князь — служилый человек)*. Но, как говорилось выше, эта «классическая модель» в действительности не существовала. В других регионах средневековой Европы наблюдается вплоть до Нового времени как раз принципиально сходная с Русью картина: господствующее положение военно-служилого слоя, получающего доходы от рядового населения тремя указанными способами (с теми или иными региональными различиями в их соотношении).

Как определить такое общественное устройство?

Споры о «феодализме» до сих пор характеризовались тем, что отправной точкой в них служили не реалии общественного устройства, а научные термины, дефиниции.

* В Западной Европе (впрочем, далеко не везде) в определенный период существовала так называемая феодальная лестница, в которой было несколько ступенек: вассалы короля — герцоги и графы, их вассалы — бароны, вассалы баронов — рыцари.

Было некогда выработано представление о феодализме, и все XX столетие ушло на выяснение — отклонения от него надо считать феодализмом или нет? Куда плодотворнее противоположный путь — попытаться обобщить реалии, выявленные путем конкретных исследований, а затем договориться о дефинициях. Общим (и доминантным) для общественного строя стран Европы (включая как Запад ее, так и Восток) было господствующее положение военно-служилого слоя (организованного в те или иные виды корпораций — дружина, рыцарское сословие, княжеский (государев) двор и т.д.), представители которого получали доход с рядового населения — либо путем распределения государственных доходов в их среде правителем, либо через отправление государственных должностей, либо благодаря наличию собственного земельного владения, пожалованного вышестоящим представителем корпорации за службу. Рядовое население находилось в той или иной степени зависимости от знати (от уплаты государственных податей до разных форм зависимости личного характера).

Основой деления на социальные слои в Средневековье правильнее, таким образом, считать не чисто экономический фактор (собственники земли и лишенные собственности), а функционально-сословный: знать (военно-служилое сословие) противостоит рядовому населению. Часть последнего могла зависеть от отдельных представителей знати, часть — только от главы государства (за которым стояла корпорация знати, в среде которой он распределял тем или иным способом доходы, получаемые от рядового населения). Государственные и сеньориальные элементы общественных отношений существовали в неразрывной связи и могли выступать в разных пропорциях. Говоря предельно обобщенно, чем ближе к юго-западу Европы, тем

сеньориальные формы возникали раньше, развивались быстрее, распространялись шире; чем ближе к северо-востоку, тем они возникали позже (по отношению к государственно-корпоративным), развивались медленнее, распространялись в меньшей мере.

Как называть это общество — вопрос чисто терминологический. Если перестать настаивать на понимании «феодализма» как исключительно сеньориальной системы с разветвленными вассально-ленными отношениями (т.е. на представлении, сложившемся столетия назад), если относиться к нему как к условному термину, то вполне можно определять такое общество как «феодальное». Если термин «феодализм» признать все же, скажем так, «надоевшим» — нужно договориться о другом. Но главное — не терминологические споры, а реалии социального строя. Современное состояние их изучения позволяет говорить о принципиальном типологическом единстве общественного развития стран Европы в эпоху Средневековья*.

* * *

Подведем краткий итог:

Развитие общественного строя Руси в эпоху Средневековья шло по тому же пути, что и в других европейских странах. Поэтому нет оснований полагать, что на Западе Европы был «феодализм», а на Востоке — нет. Либо следует применять условный термин «феодализм» ко всем европейским средневековым обществам, включая русское, либо искать другой термин, но опять-таки общий для всех европейских стран.

* Типологическую специфику общественный строй России приобрел после формирования к концу XVI столетия системы крепостного права.

Источники: Повесть временных лет. Ч. 1—2. М. — Л., 1950 (2-е изд. — СПб., 1996); Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М. — Л., 1950 (то же в: Полное собрание русских летописей. Т. 3. М., 2001); Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М. — Л., 1950; Памятники русского права. Вып. 1—3. М., 1952—1955; Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси XIV — начала XVI в. Т. 1—3. М., 1952—1964; Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989.

Литература: Греков Б.Д. Киевская Русь. М., 1953; Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В. Пути развития феодализма. М., 1972; Фроянов И.Я. Киевская Русь: очерки социально-экономической истории. Л., 1974; он же. Киевская Русь: очерки социально-политической истории. Л., 1980; Свердлов М.Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983; он же. Общественный строй Древней Руси в русской исторической науке XVIII—XX веков. СПб., 1996; он же. Домонгольская Русь. СПб., 2003; Горский А.А. Древнерусская дружина. М., 1989; он же. Русь: От славянского Расселения до Московского царства. М., 2004. Часть 2, очерк 2; он же. О «феодализме»: «русском» и не только // Средние века. М., 2008. Вып. 69. № 4.

Глава 5. Киевская Русь — «империя Рюриковичей»!

В исторической литературе довольно распространено представление о Руси эпохи единого государства как об империи или во всяком случае как о государстве с имперскими чертами. Ее нередко сравнивают с Франкской империей Карла Великого, с Византийской империей. Очень популярно определение Киевской Руси как «империи Рюриковичей». Термин этот ввел в употребление К. Маркс в своих «Хронологических выписках» из русской истории. Однако популярность такой характеристики Киевской Руси объясняется вовсе не только этим обстоятельством: именование Руси X—XII веков «империей» можно встретить и у авторов, очень далеких от марксизма. Главным основанием для такого определения служит расхожий тезис о полиэтничном, многонациональном характере Древнерусского государства: в частности, в литературе получила распространение цифра 22 — столько неславянских народов якобы находилось в ее составе. Действительно, многонациональность принято считать чертой империй. Например, в Византии, помимо греков, обитали славяне, армяне, албанцы и другие народы, во Франкской империи, кроме франков и потомков населения

Римской империи, жили аламанны, лангобарды, тюринги, бавары, саксы, фризы, славяне.

Но насколько справедливо представление о Руси как полиэтничной державе?

Государство Русь складывалось в IX—X веках путем перехода под власть киевских князей восточнославянских догосударственных общностей («славиний»). При этом русские князья вступали в определенные взаимоотношения и с неславянскими народами, обитавшими на Восточноевропейской равнине по соседству со славянами, — финноязычными и балтоязычными племенами. Эти взаимоотношения развивались по двум возможным путям. Территории одних неславянских общностей — *мери* в Волго-Клязьминском междуречье, *веси* в районе Белоозера, *муромы* на Нижней Оке, *води* и *ижоры* у берегов Невы и Финского залива, *голяди* на реке Протве — вошли непосредственно в государственную территорию Руси, подверглись славянской колонизации, а сами эти племена постепенно были ассимилированы (т.е. славянизированы) и христианизированы. Другие же неславянские народы Восточной Европы — *чудь*, *ливы*, *латгалы*, *земгалы*, *курши*, *литва* в Восточной Прибалтике, *емь*, *корела* (Юго-Восточная Финляндия), *пермь*, *печера*, *югра* на северо-востоке Восточной Европы, *черемисы* и *мордва* в Среднем Поволжье — стали данниками русских князей, но остались вне государственной территории Руси; они составляли своего рода «пояс» народов-данников, окружавший территорию Древнерусского государства на северо-западе, севере и северо-востоке. Таким образом, говорить о полиэтничном характере Древнерусского государства если и можно, то с существенными оговорками: здесь были постепенно ассимилируемые славянами анклавы финно- и балтоязычного населения и суще-

ствовала внешняя сфера влияния. То есть было две группы народов, чья судьба существенно различалась. Включения в территорию государства крупных массивов неславянского населения, сохранявших после присоединения свой язык, веру и общественную структуру (что характерно для государств-империй), в домонгольский период не происходило: те неславянские племена, которые входили в состав государства Русь, принимали язык и веру его основного, восточнославянского населения.

Другое основание для положения об имперском характере Древнерусского государства — претензии киевских князей на императорские титулы. К таковым относятся *каган* — высший титул у тюрко-монгольских народов, и *цесарь* (сокращенная форма — *царь*) — титул, каким у славян обозначались императоры Византии и Священной Римской империи (восходит к имени Юлия Цезаря, ставшем одним из титулов в Римской, а затем Византийской империи); он соответствовал латинскому «император» и греческому «василевс».

Как говорилось выше (в главе 2), правитель среднеднепровской Руси в IX в. действительно именовался каганом (вероятнее всего, по образцу правителя Хазарии). Но в период начиная с вокняжения в Киеве Олега в конце IX века этот титул перестает проследиваться по источникам. Вновь именуются каганами в памятниках середины XI века Владимир Святославич и Ярослав Владимирович, а для второй половины этого столетия — в отдельных случаях Святослав Ярославич и один из его сыновей. Скорее всего, это вторичное появление титула «каган» по отношению к русским князьям было связано с обладанием ими Тмутороканью, которая располагалась на бывшей территории Хазарского каганата, в Восточном Приазовье, и имела хазарское население. «Имперские притязания» в

употреблении титула «каган» к русским князьям, таким образом, усмотреть сложно.

Что касается царского титула, то в домонгольский период встречается около десятка случаев его применения к русским князьям. Царями названы Ярослав Владимирович, святые Борис и Глеб, Мстислав Владимирович (сын Владимира Мономаха), его сын Изяслав и внук Роман Ростиславич; к Владимиру Мономаху, Изяславу Мстиславичу и его брату Ростиславу прилагался глагол «царствовать», в отношении правления Мстислава Владимировича и его внука Рюрика Ростиславича употреблялся термин «цесарствие», «цесарство». Но употребление этих терминов по отношению к перечисленным князьям носило окказиональный характер: они могли употребляться для прославления князя с использованием византийских образцов красноречия, для подчеркивания политического престижа умершего князя, в связи со случаями проявления главенства князя в церковных делах (что характерно было для императоров — «царей» Византии) и с культом князя-святого. Показательно, что в числе тех, к кому прилагался термин «царь», были святые Борис и Глеб Владимировичи, которые не были киевскими князьями, верховными правителями Руси. «Царь» в домонгольскую эпоху остался на Руси не более чем обозначением князя «высоким стилем», а не титулом. Претензий на равенство с императорами Византии в спорадическом применении к некоторым русским князьям термина «царь» не просматривается.

В связи с этим очень показательны события 1116 года. Тогда киевский князь Владимир Всеволодич Мономах пытался с помощью военной силы возвести на императорский престол в Византии своего зятя, самозванца Леона «Диогеновича» (выдававшего себя за сына одного из прежних императоров). «Диогенович» занял несколько горо-

дов на Дунае, но был убит подосланными императором Алексеем I Комнином агентами. Однако Владимир Мономах после гибели самозванца войну не прекратил, послал на Дунай войска во главе с одним из своих сыновей и лучшими воеводами. Он теперь думал о возведении на константинопольский престол, на престол «Греческого царства», как называли Византийскую империю на Руси, своего внука Василия Леоновича, сына самозванца и дочери киевского князя Марицы. Мономах, таким образом, хотел закрепить императорский трон за своими потомками. При этом ему, очевидно, не приходило в голову обеспечить своим потомкам «царское» достоинство более легким с политической точки зрения способом, чем война с могущественным государством, — объявить себя «царем», сделав тем самым «царством», т.е. империей, Русь. Это тем более примечательно в связи с двумя обстоятельствами. Во-первых, на Руси хорошо знали прецедент подобного рода действий: в начале X века болгарский князь Симеон, не сумев завоевать Константинополь (Царьград, как называли его на Руси и в Болгарии, т.е. «город царя» — императора), объявил себя «царем» Болгарии. Во-вторых, сам Владимир Мономах был по материнской линии потомком (внуком) византийского императора (Константина IX Мономаха) и дорожил этим родством. Тем не менее мысль об объявлении Руси царством ему, очевидно, не приходила: в картине мира русских людей того времени империя должна была быть одна, и ею была Византия.

Таким образом, серьезных оснований видеть в Киевской Руси государство имперского типа нет. Типологически она, следовательно, ближе не Византийской империи и не Франкской империи Карла Великого и его потомков, а моноэтничным европейским государствам Средневековья.

Когда же русская государственность приобрела имперские черты?

Образование в XIV—XV веках нового единого Русского государства (с конца XV столетия именуемого Россией) шло также почти исключительно на территории, заселенной восточнославянским и православным населением. Но с середины XVI столетия начинается новое явление: в состав Российского государства включаются территории с неславянским и неправославным населением, которое после вхождения в состав России ассимиляции и христианизации не подвергается, сохраняя свой язык, веру и часто общественную структуру. Первыми шагами на этом пути были присоединение Казанского и Астраханского ханств — наследников Орды — в 1550-е годы, далее последовало включение в состав России башкир, народов Западной Сибири, ногайских татар, калмыков и, в течение XVII столетия, многих других народов. Ко времени, когда государство стало называться «Российской империей» (1721 год), оно давно уже было многонациональным.

И практически одновременно с обретением Российским государством черты многонационального имело место присвоение ее правителем императорского титула — титула «царь».

В развитии представлений о «царе» важной вехой стала середина XIII столетия. После Батыева нашествия на Руси стали применять царский титул по отношению к правителям Монгольской империи: именно как «царь» был переведен титул «хан». Сначала так именовали великого монгольского хана, а после того как западный улус Монгольской империи — Орда — стал в 1260-е годы самостоятельным, царем стали называть хана Орды*. Русские

* Традиционное в литературе название «Золотая Орда» появляется в источниках только в XVI веке, когда этого государства уже не существовало. В эпоху ордынского владычества на Руси применялся термин «Орда» без какого-либо определения.

князья теперь не могли претендовать на царский титул и с чисто политической точки зрения — они перестали быть суверенными правителями, оказались в прямой зависимости от ордынского «царя».

Ситуация стала меняться в XV веке. Во-первых, ослабла и фактически распалась на несколько ханств Орда. Во-вторых, в 1453 году турками был взят Константинополь. Пала Византийская империя — христианское православное «царство». Если после падения Константинополя в 1204 году, когда он был захвачен западными крестоносцами (Византийская империя была затем восстановлена в 1261 году), на византийской территории возникли Никейская и Трапезундская империи, а также продолжали существовать такие независимые православные государства, как Болгария и Сербия, ряд крупных русских княжеств, то после 1453 года единственным православным государством, представлявшим реальную силу, было Московское великое княжество (Болгария и Сербия оказались захвачены турками в конце XIV — первой половине XV века). Оно имело, таким образом, все основания наследовать место Византии в мире, т.е. стать «царством». И уже великий князь московский Василий II Васильевич (ум. 1462 году) при жизни несколько раз именуется «царем». Применяется этот титул и к его сыну и преемнику Ивану III Васильевичу (великий князь в 1462—1505 годах), в том числе и в официальных документах (впервые — в договоре Новгорода с епископом Дерпта (Юрьева) 1474 года).

После ликвидации зависимости от Орды (о ее датировке см. главу 12) царский титул стал все чаще применяться к московским великим князьям, но официальное венчание московского правителя на царство произошло только в середине XVI века, т.е. обретение независимости

было далеко не последним шагом для формирования представлений о царском достоинстве московских князей. Было необходимо «идеологическое» обоснование этого достоинства. И ведущую роль в обосновании легитимности царского титула у московского великого князя сыграло утвердившееся к началу XVI века представление о том, что царским достоинством обладали еще правители Киевской Руси. При этом прослеживаемая в литературных памятниках еще с начала XV века тенденция к признанию «царем» крестителя Руси Владимира Святославича (женатого на сестре византийских императоров) сменилась иной концепцией. В сложившемся в начале XVI века. «Сказании о князьях Владимирских», во-первых, проводится мысль о происхождении Рюриковичей от «сродника» римского императора («царя») Августа, во-вторых, утверждается, что Владимир Мономах получил от византийского императора царские регалии и «наречеса... царь Великия Русия»; этими регалиями якобы венчаются его потомки — великие князья владимирские и московские (вплоть до тогдашнего правителя Василия III). Легенда о получении Владимиром Мономахом царских инсигний вошла затем в чин венчания русских царей. Складываются и закрепляются, следовательно, представления о «царском» происхождении московских князей и о наследовании царского достоинства и титула из Византии в глубокой древности. А это означало, что «русское царство» древнее «татарского царства» — Орды: русские князья оказываются потомками древнеримских императоров, еще в домонгольскую эпоху они обладали царским титулом и теперь как бы возвращают его себе после долгого владычества «нечестивого», неправославного царя. В апелляции к «царскому» происхождению и древности царского достоинства у русских князей видно стремление

доказать, что «российское царство» стоит выше татарских «царств» — ханств, являвшихся наследниками Орды (Крымского, Казанского, Астраханского, Сибирского, правителей которых на Руси продолжали именовать «царями»).

Итогом развития представлений о царском достоинстве московских великих князей стало венчание Ивана IV Васильевича на «царство Русское» в Успенском соборе Московского Кремля 16 января 1547 года, за пять лет до покорения Казанского ханства*. Обретение императорского титула и начало формирования многонационального характера Российского государства, таким образом, фактически совпали по времени, знаменуя превращение страны в империю**.

Таким образом, нет оснований считать Русь XI—XII веков государством имперского типа. Черты и статус империи Русское государство обретет только в XVI столетии.

Литература: Царь и царство в русском общественном сознании. М., 1999; Горский А.А. Всего еси исполнена земля Русская...: Личности и ментальность русского Средневековья. М., 2001; Горский А.А. Русь: От славянского Расселения до Московского царства. М., 2004. Часть 2, очерк 3.

* Любопытно, что в фольклоре, т.е. в народном представлении, Иван Грозный обрел царский титул именно после взятия Казани, т.е. после покорения «царства».

** Петр I, объявив себя в 1721 году «императором», а Россию — «империей», с точки зрения внутрирусской не вносил ничего нового: произошел просто перевод титула «царь» на западный манер. Эта акция преследовала внешнеполитическую цель: далеко не все европейские государства признавали тождество русского титула «царь» императорскому (который в Европе носил император Священной Римской империи, в то время фактически австрийский) — многие склонны были считать его равным всего лишь титулу «король».

Глава 6. XII век: от Киевской Руси — к Владимирской?

Если раскрыть едва ли не любой обобщающий труд по русской истории, можно встретить утверждение, что с середины — второй половины XII в. место Киева в роли главного центра Руси занимает Владимир-на Клязьме, столица Северо-Восточной Руси (так называемого Владимиро-Суздальского княжества, в реальности именовавшегося «Суздальской землей»). Кто выступает в качестве наиболее заметных фигур политической сцены в эпоху после Владимира Мономаха и его старшего сына Мстислава, т.е. середины XII — начала XIII столетия? Это князя Северо-Восточной Руси — Юрий Владимирович «Долгорукий» (он к тому же и основатель Москвы...), его сыновья Андрей «Боголюбский» и Всеволод «Большое Гнездо». Если и не говорится прямо о переходе статуса главного центра Руси от Киева к Владимиру, то уж во всяком случае расценивается как нечто несомненное, что Суздальская земля была в XII — начале XIII столетия сильнейшей из русских земель. Это ведет за собой другое немаловажное умозаключение: превосходство Северо-Восточной Руси над другими еще в домонгольский период предопределило ее роль как ядра нового единого Русско-

го (Московского) государства впоследствии, в ордынскую эпоху*. Такую трактовку истории Руси можно встретить практически у всех авторов и XIX, и XX столетий (отечественных и зарубежных), создававших обобщающие труды по русской истории; как следствие — она растиражирована в учебной литературе.

Некоторое сомнение в справедливости этого представления появляется при обращении к такому объективному, не зависящему ни от знания позднейшего развития событий, ни от субъективных пристрастий летописцев и историков показателю, как количество известных науке благодаря археологическим изысканиям укрепленных поселений середины XII — середины XIII в. Оказывается, что по количеству крупных (с укрепленной площадью более 1 га) укрепленных поселений Суздальская земля всего лишь на третьем месте — после Черниговской и Волынской земель, а по общему числу — и вовсе на седьмом (!), пропуская вперед еще и земли Смоленскую, Киевскую, Галицкую и Переяславскую.

Но может быть, тезис о первенстве Суздальской земли подтверждают сведения письменных источников о политической истории Руси XII — начала XIII века?

Первый самостоятельный князь Суздальской земли Юрий Владимирович («Долгорукий»), один из младших сыновей Владимира Мономаха, вступил в борьбу за гегемонию на Руси в 1147 году (том же, к которому относится

* Историки много спорили, почему именно Москва стала столицей нового единого государства. Но вопрос ставился при этом следующим образом: почему Москва, а не Тверь? Москва, а не Владимир? Москва, а не Нижний Новгород? и т.п. То есть возможная альтернатива Москве искалась исключительно в пределах Северо-Восточной Руси. Исследователи даже не допускали, что центром государства мог стать город в какой-либо иной земле, кроме Суздальской, — скажем, в Черниговской, Смоленской или Волынской. Не допускали именно в силу убеждения, что еще с XII века Суздальская земля безоговорочно первенствовала на Руси.

первое упоминание в источниках о Москве) и боролся с переменным успехом со своим племянником Изяславом Мстиславичем. Прочно утвердиться на киевском столе Юрию удалось только после смерти Изяслава (1154 год), в общей же сложности он занимал его всего около четырех лет, уйдя из жизни в 1157 году киевским князем.

Сын Юрия Андрей «Боголюбский» в первые десять лет своего княжения во Владимире (куда он перенес столицу Суздальской земли из Суздаля) не принимал активного участия в южнорусских делах. Он начинает претендовать на главенство среди русских князей в конце 1160-х годов. Почему не ранее? Не потому, что его земля была сначала слаба, а затем усилилась. Причина в совсем иной сфере — династической. Только после смерти в 1167 году киевского князя Ростислава Мстиславича (родоначальника смоленской ветви Мономаховичей) Андрей остался старшим в поколении внуков Мономаха. И это давало ему основания претендовать на первенство на Руси. В конце концов ему удалось одолеть своего соперника и двоюродного племянника — Мстислава Изяславича (1169 год, после взятия посланными Андреем войсками Киева). Причем сам Андрей при этом в Киеве не сел, оставив там на княжении своего брата Глеба. Это, действительно, породило ситуацию, при которой в перспективе статус общерусской столицы мог перейти от Киева к Владимиру, ибо именно последний был избран резиденцией князем, признававшимся на Руси сильнейшим. Но такое положение дел продержалось крайне недолго. Вскоре после смерти Глеба Юрьевича (1171 год) из повиновения Андрея вышли сыновья Ростислава; новый же поход на Киев, организованный владимирским князем (1173 год), окончился провалом. Затем (в 1174 году) Андрей погиб в результате заговора своих приближенных, и в самой Северо-Восточной Руси вспыхнула междоусобная война.

Вышедший победителем из этой междоусобицы потомков Юрия Долгорукого к 1177 году младший брат Андрея Боголюбского Всеволод Юрьевич до середины 1190-х годов не претендовал на доминирующую роль на Руси: в лучшем случае его можно считать в это время одним из трех сильнейших русских князей — наряду с киевскими князьями-соправителями Святославом Всеволодичем (из черниговских «Ольговичей») и Рюриком Ростиславичем (из смоленской ветви). В период после смерти Святослава (1194 год) Всеволода действительно можно считать самым авторитетным из русских князей; он признавался «старейшим в Володимере племени», т.е. среди потомков Мономаха (поскольку оставался тогда единственным живущим из его внуков). Но решающего влияния на развернувшуюся в первом десятилетии XIII века борьбу за Киев Всеволод не оказывал; при этом в первые годы этого столетия по крайней мере не слабее его был волынский князь Роман Мстиславич (в 1199 году овладевший Галичем). Всеволод Большое Гнездо стал, правда, первым из русских князей, кого последовательно титуловали «великим князем». Но эпитет «великий» в его отношении подразумевал верховенство не на всей Руси, а в пределах Суздальской земли. Главным на Руси продолжал считаться князь киевский, имевший право именоваться «князем всея Руси» (хотя официальным титулом это определение в то время не было).

После смерти Всеволода (1212 год) нет никаких указаний на претензии его сыновей на верховенство во всей Руси. В качестве сильнейшего русского князя в 1210—1220-е годы выступал Мстислав Мстиславич (из смоленской ветви): он княжил в Новгороде, потом в Галиче, при его решающем содействии на киевском столе в 1212 году оказался Мстислав Романович, а на владимирском в 1216 году — Константин Всеволодич (в последнем случае Мстислав с союзниками вторгся в Суздальскую землю, разбил в битве на реке

Липице владимирского князя Юрия Всеволодича и фактически решал судьбу главного княжения Северо-Восточной Руси). После смерти Мстислава (1228 год) наиболее влиятельными политическими фигурами на Руси, помимо сыновей Всеволода Большое Гнездо Юрия и Ярослава, являлись киевский князь Владимир Рюрикович (из смоленской ветви), черниговский князь Михаил Всеволодич и волынский князь Даниил Романович.

Если говорить о влиянии князей Суздальской земли на общерусские дела, то оказывается, как это ни парадоксально, что оно скорее убывает, а не возрастает: Юрий Долгорукий сам претендует на Киев, ходит на Юг походами; Андрей Боголюбский стремится уже только к тому, чтобы в Киеве сидел его ставленник, сам в походы на Юг не ходит, но организует их; Всеволод Большое Гнездо влияет на южнорусские дела только путем политического давления, походов на Киев не организует; его сыновья не располагают уже и средствами политического давления. Если исходить из степени влияния князей Северо-Востока на ситуацию на Юге Руси, вокруг киевского княжения, можно было бы подумать не об усилении, а об ослаблении Суздальской земли за время от середины XII до начала XIII столетия. Это, конечно, не так. Убывание суздальского влияния на Юге связано было с отмиранием по мере смены поколений князей и оформлением различных ветвей потомков Мономаха принципа старейшинства «в Володимере племени» (по которому суздальские князья почти все время имели преимущество) — он еще действовал при Всеволоде, но уже не работал при его сыновьях, хотя после смерти Рюрика Ростиславича в 1212 году они остались единственными правнуками Мономаха.

Таким образом, оснований говорить о политическом превосходстве Суздальской земли над всеми другими рус-

скими землями в домонгольский период нет. Откуда же взялось это столь стойкое убеждение?

Во-первых, большинство дошедших до нас летописей создано в Московском государстве в XV—XVI вв. Эти памятники основаны на летописании Северо-Восточной Руси предшествующего периода — XII—XIII веков. Естественно, что местные летописцы второй половины XII — начала XIII века уделяли наибольшее внимание событиям в своей земле и деяниям своих князей, не упуская возможностей представить их в выгодном свете. Этот «перекос» перешел в летописание «московской» эпохи, и исследователи оказались под его влиянием.

Во-вторых, в московской литературе XVI века был прямо сформулирован тезис о переходе столицы Руси из Киева во Владимир. В «Степенной книге царского родословия» (1560-е годы), памятнике, проводившем идею исконности самодержавной власти на Руси, прямо утверждалось, что при Андрее Боголюбском «самодержавство» перешло из Киева во Владимир, после чего киевские князья стали «подручниками» владимирских: «Начало Владимирскаго самодержавства. И уже тогда Киевстии велиции князи подручни бяху Владимирским самодержцем. Во град ибо Владимери тогда начальство утвержашеся пришествием чудотворнаго образа Богоматери (иконы Владимирской Божьей Матери. — А. Г.). С ним же приде из Вышеграда великий князь Андрей Георгиевич и державствова». Именно эта сложившаяся в середине XVI века концепция была некритически воспринята в историографии.

Каково же было реальное место Суздальской земли в системе русских государств XII—XIII столетий?

Суздальскую землю следует рассматривать как одну из четырех сильнейших на Руси в домонгольский период — наряду с Черниговской, Смоленской и Волынской зем-

лями. Именно их князья вели борьбу за овладение теми столами, которые не закрепились ни за какой княжеской ветвью, — киевским и новгородским. С рубежа XII—XIII веков таким столом стал еще и галицкий — после того, как прервалась династия, правившая в Галицкой земле. При этом в течение первой четверти XIII в. более других преуспевали в борьбе за эти три «общерусских» стола князья смоленской ветви. Только в 1230-е годы, когда на Юге Руси развернулась ожесточенная междоусобная война, за Киев и Галич, в которую были вовлечены князья черниговские, смоленские и волынские, укрепилось положение князей Суздальской земли: они стали постоянно княжить в Новгороде.

Вплоть до Батыева нашествия Киев оставался номинальной столицей всей Руси, «старейшим» столом*. Именно киевские князья имели право, как уже говорилось выше, именоваться «князьями всея Руси».

Ситуация изменилась только после монгольского нашествия, и то не сразу. Сначала завоеватели воспринимали в качестве столицы всей Руси Киев. В 1243 году Батый признал великого князя владимирского Ярослава Всеволодича «старейшем во всем русском языке» (т.е. народе), и это означало, что он передавал ему именно Киев. Ярослав, однако, в разоренном монголами 1240 году Киеве сам княжить не стал — он держал там наместника. После смерти Ярослава (1246 год) решение о том, кто будет считаться главным среди русских князей, принималось в Каракоруме — столице Монгольской империи. Здесь в 1249 году сын Ярослава Александр («Невский») получил «Киев и всю Русскую землю» — т.е. владение Киевом по-прежнему

* Распространенное представление об утрате Киевом своей роли после 1169 года, когда он был захвачен войсками, посланными Андреем Боголюбским, не имеет под собой ни малейших оснований.

му ассоциировалось с номинальной властью над всей Русью. Но Александр сам в Киеве также княжить не стал. В 1252 году он овладел столом во Владимире и княжил там до своей смерти (1263 год). Вот тогда и оказалась реализованной та возможность, что мелькнула на два года (1169—1171) при Андрее Боголюбском: князь, признаваемый главным на Руси, сделал своей резиденцией не Киев, а Владимир. Не Андрей Боголюбский, как утверждали московские книжники эпохи Ивана Грозного, а Александр Невский был деятелем, сделавшим решающий шаг для переноса общерусской столицы с Юга на Северо-Восток.

Преемники Александра на владимирском великокняжеском столе также формально одновременно являлись киевскими князьями. Но в конце XIII столетия, в результате междоусобной борьбы внутри Орды, в которую были вовлечены русские князья, Киев был передан монголами мелким южнорусским князьям. Тогда же (в 1299 году) Киев покинул глава русской церкви — митрополит всея Руси; с этого времени его резиденция была перенесена на Северо-Восток (сначала во Владимир, потом в Москву). С этого времени владимирское княжение непосредственно (без связи с киевским) обрело статус главного на Руси. Владимирский великий князь теперь стал именоваться «князем всея Руси» без одновременного владения Киевом. Разумеется, статус главного русского князя был в значительной мере номинальным: реально владимирский князь никак не влиял на события, скажем на Волыни. Но позднее, с усилением московских князей, сделавших к концу XIV века владимирское великое княжение (т.е. «княжение всея Руси») своим наследственным достоянием, статус главного русского князя стал реально действовать, давая основания претендовать на всю древнерусскую территорию.

Для Суздальской земли в период после Батыева нашествия характерно относительно «менее неблагоприятное»

(неточно будет называть его «более благоприятным», поскольку военное разорение и выкачивание из страны материальных средств в виде ордынской дани поставили все земли в сложные экономические и политические условия) развитие, чем для других регионов Руси. Это хорошо видно, если обратиться к судьбе укрепленных поселений — городов и крепостей — на ее территории. Как говорилось выше, по этому показателю в XII — первой половине XIII века Суздальская земля уступала многим другим. В середине — второй половине XIII столетия в русских землях наблюдается (это хорошо прослежено археологами) массовое разрушение укрепленных поселений (в основном в результате разорения монгольскими войсками). После гибели часть их восстанавливалась, а на других жизнь не возобновлялась. Так вот, в большинстве земель количество поселений, не восстановленных после разорения, намного превышало число тех, на которых жизнь возобновилась. Например, в Черниговской земле прекратило свое существование после разорения 198 укрепленных поселений, а восстановлено было только 60; в Смоленской соответственно 108 и 42, в Галицко-Волынской* 137 и 43. Но в Суздальской земле картина обратная: не были восстановлены 32 поселения, а возобновилась жизнь на большем числе городов и крепостей — на 40.

Какие факторы способствовали этому «менее неблагоприятному» развитию Суздальской земли, и что поме-

* С середины XIII века Волынская и Галицкая земли были объединены под властью одной княжеской ветви — волынской (князь Даниил Романович, которого традиционно принято называть в литературе «Даниил Галицкий», был князем волынским, овладевшим галицким столом). Поэтому с этого времени можно говорить о Галицко-Волынской земле, хотя в реальности такого двойного названия, конечно, не было: государство называлось «Волынской землей», т.е. в представлении современников переход Галицкой земли под власть волынских князей означал ее исчезновение и включение в состав земли Волынской.

шало какой-либо из других русских земель стать ядром нового единого государства?

Начну с истории других земель, которой в историографии очень не повезло. В любом обобщающем труде по истории средневековой Руси, в любом учебнике середина XIII столетия, время монгольского нашествия, является рубежом, после которого резко сужаются чисто географические рамки изложения. При освещении домонгольского периода более или менее равномерно говорится о всех русских землях: да, с некоторым преимуществом по отношению к крупнейшим, особенно Суздальской, якобы самой сильной, но все же и другие не обойдены вниманием. С середины же XIII столетия речь идет практически исключительно о Северо-Восточной Руси и о Новгородской земле, иногда еще уделяется немного внимания Галицко-Волынской Руси, но только до конца XIII века. О других землях в лучшем случае кратко говорится, что они попали в состав Великого княжества Литовского и Польши.

Такое положение дел имеет объективные причины. Во-первых, коль скоро новое единое русское государство — Российское — сложилось именно на Северо-Востоке и Северо-Западе древнерусской территории, историков интересовали именно процессы, происходившие на этих землях. Западные и южные русские земли, попавшие под власть Литвы и (Галицкая земля) Польши, тем самым как бы «выбыли» на время из русской истории, и их развитие представлялось менее интересным. Вторая причина — состояние источников. Дошедшие до нас летописи второй половины XIII—XIV века представляют почти исключительно летописание Северо-Восточной Руси и Новгорода. От южнорусского летописания сохранилась только так называемая Галицко-Волынская летопись, доведенная лишь до конца XIII столетия (поэтому и излагают обычно историю Галицко-Волынской земли только до этого времени —

далее подробного источника нет). Другие важнейшие источники — акты — сохранились тоже главным образом от Северо-Восточной Руси и Новгородской земли.

Но ведь нашествие Батыя не уничтожило русскую государственность в южных и западных русских землях: Литва и Польша овладели ими далеко не сразу после событий середины XIII столетия. Эти земли продолжали функционировать как русские государственные образования еще долго — от полустолетия (Полоцкая и Пинская земли) до полутора столетий (Смоленская земля). Их история в этот период, во-первых, имеет собственную ценность; во-вторых, ее изучение помогает понять, почему все-таки ядром нового русского единого государства смогла стать именно Суздальская земля, а не какая-то иная из сильнейших русских земель, которых, напомним, в домонгольский период было четыре — помимо Суздальской, таковыми являлись Черниговская, Смоленская и Волынская.

В Черниговской земле во второй половине XIII столетия усиливается политическая раздробленность, формируется большое количество княжеств, управляющихся разными ветвями местной династии — Ольговичей. На первые роли среди них выходит Брянское княжество, расположенное на Северо-Западе Черниговщины. Брянские князья в 1260—1290-е годы одновременно являлись князьями черниговскими. Брянск мог стать центром объединительных тенденций в Юго-Восточной Руси (заметим, ранее, чем на эту роль стали претендовать в Руси Северо-Восточной Тверь и Москва). Но в середине 1290-х годов в результате междоусобной борьбы внутри Орды, в которую были втянуты русские князья, Брянское княжество было передано ханом Тохтой князьям смоленской ветви — т.е. оказалось выведено из Черниговской земли и перешло в состав земли Смоленской. Интегрирующая роль Брянска таким образом была пресечена. В XIV веке титул чер-

ниговского князя, главного князя земли, становится в значительной мере номинальным. Еще в XIII веке начались набеги на Черниговскую землю Литвы (где в середине этого столетия сформировалось сильное государство), а в 60—70-е годы XIV столетия большая часть Черниговской земли была подчинена великим князем литовским Ольгердом (ранее, в начале 60-х годов, овладевшим и Киевом). Лишь северо-восточные, верхнеокские (так называемые верховские) ее княжества сохранили самостоятельность.

Ослабление Черниговской земли было связано, во-первых, с ее сильным разорением Ордой (с владениями которой она непосредственно соприкасалась), во-вторых, с длительной борьбой, которую перед самым Батыевым нашествием вел черниговский князь Михаил Всеволодич за Киев и Галич. В ходе этой борьбы часть черниговского боярства оседала в Киевском и Галицком княжествах, ослабляя тем самым собственную землю.

В Юго-Западной Руси в результате объединения к середине XIII столетия Волынской и Галицкой земель под властью волынских князей — Даниила Романовича и его брата Василька — сформировалось сильное государство, сумевшее избежать значительного территориального дробления. Признав в 1245 году власть Батыя, впоследствии Даниил вышел из повиновения и в 50-е годы XIII века успешно противостоял ордынскому натиску. В 1253 году, рассчитывая на помощь католической Европы против Орды, он принял от римского папы королевскую корону. Но в конце 1250-х годов галицкому князю все-таки пришлось под давлением превосходящих воинских сил признать зависимость от ордынского хана (преемника Батыя Берке).

Потомки Даниила Романовича княжили в Галицко-Волынской земле до 1340 года. В первой половине XIV века усилилось давление на Юго-Западную Русь со сто-

роны соседних государств — Литвы, Польши и Венгрии. В 1352 году, после продолжительной борьбы, Галицкая земля отошла к Польскому королевству, а Волынь — к Великому княжеству Литовскому.

Ослаблению Галицко-Волынской земли в XIV веке способствовало ее международное положение: она оказалась в окружении четырех сильных соседей — Орды, Литвы, Польши и Венгрии. Юго-Западная Русь, с одной стороны, служила барьером, ограждающим страны Центральной Европы от татар, с другой — ее князья как вассалы Орды были вынуждены участвовать в татарских походах на своих соседей. Отрицательную роль сыграло и пресечение династии Романовичей.

В Смоленской земле «удельные» княжества не закрепились за определенными княжескими линиями, как это было в Черниговской земле. Тем не менее политическое значение Смоленского княжества в середине XIII—XIV веке уменьшалось. Уже во второй половине XIII века смоленские князья признали политическое верховенство великих князей владимирских, а в 30-е годы XIV века стали вассалами великих князей литовских. В середине и второй половине этого столетия великие князья литовские и владимирские (из московского дома) вели борьбу за влияние на Смоленск. Смоленские князья вынуждены были лавировать между этими силами. В конце концов в 1395 году великий князь литовский Витовт захватил Смоленск. В 1401 году власть местных князей была здесь восстановлена, но ненадолго — уже через три года, в 1404 году, Витовт вновь занял Смоленск и на долгое время включил Смоленскую землю в состав Литовского государства.

Ослабление Смоленской земли мало было связано с «ордынским фактором»: она не граничила с владениями Орды и сравнительно мало пострадала от татарских походов (сам Смоленск ни разу не был взят татарами). По-ви-

димому, земля понесла тяжелые демографические потери еще до Батыева нашествия, в результате эпидемии начала 1230-х годов (летописи говорят о 32 тыс. умерших в одном Смоленске). Возможно, сыграл роль также уход части смоленского боярства на Юг Руси в ходе борьбы смоленских князей за Киев и Галич в первой трети XIII века.

Территория Переяславского княжества после Батыева нашествия перешла под непосредственное управление Орды, а в 60-е годы XIV века, как и Черниговская земля, была присоединена к Великому княжеству Литовскому.

Полоцкая земля уже накануне Батыева нашествия была значительно ослаблена в результате натиска Литвы и немецких крестоносцев, обосновавшихся с начала XIII столетия в Прибалтике. Окончательно она вошла в состав Великого княжества Литовского в конце XIII — начале XIV века. Тогда же попала под литовскую власть слабая Пинская земля.

Итак, с «отрицательными» факторами, не давшими возможности никакой из южных и западных русских земель стать центром объединения, более или менее ясно. Каковы же были факторы «положительного» порядка, способствовавшие тому, что такой центр появился в Северо-Восточной Руси?

Один из них уже назван выше: именно главные князья Суздальской земли — великие князья владимирские — были признаны монгольскими ханами, присвоившими себе верховную власть над Русью, «старейшими» на всей Руси. Этому могло способствовать то, что в Северо-Восточной Руси во время нашествия Батыя монгольские войска встретили наиболее упорное сопротивление, включая два открытых сражения (у Коломны и на реке Сить). В Южной Руси ничего похожего не было: ее князья вплоть до 1240 года, до похода Батыя на Киев, продолжали междоусобную войну, и сопротивление свелось исключительно

но к обороне городов (при этом сильнейшие южнорусские князья — Михаил Всеволодич Черниговский и Даниил Романович Волынский — бежали до подхода монгольских войск к их владениям). Возможно, сыграл своеобразную роль и династический фактор.

Ярослав Всеволодич, получивший в 1243 году от Батыя «старейшинство» на Руси, по родовому счету был старшим в роду Рюриковичей. Только он (и его младшие братья) принадлежал к X колену от легендарного основателя династии (к примеру, упомянутые Михаил Всеволодич и Даниил Романович относились соответственно к XI и XII коленам). На Руси этот фактор давно не играл роли: Рюриковичи уже к XII столетию распались на ряд ветвей и «старейшинством» считались только внутри них. Но у монгольских ханов, потомков Чингисхана, династия была на три века моложе, чем Рюриковичи. У них родовое старейшинство было важным фактором. К 1243 году «старейшим» («аккой») среди Чингизидов стал Батый. Возможно, общерусское «старейшинство» Ярослава сыграло роль в его выборе, кого признать главным князем на всей Руси.

Признание в Орде владимирских князей «старейшими» на Руси, разумеется, было далеко не единственной и не главной причиной выдвижения Суздальской земли на первую роль. Можно указать целый ряд факторов, способствовавших этому.

Во-первых, фактор чисто экономический: Суздальская земля, в отличие от остальных, была относительно «молодой», ее территория была заселена славянами только в X—XI вв., и здесь сохранялись большие возможности как для внутренней, так и для внешней (в северо-восточном направлении, в Заволжье) колонизации.

Во-вторых, правители Северо-Восточной Руси почти не участвовали в разорительной междоусобной войне, шед-

шей в Южной Руси в 30-е годы XIII века и серьезно ослабившей черниговских, смоленских и волынских князей.

В-третьих, к середине XIII века князьям суздальской ветви удалось установить контроль над новгородским княжением. Новгород оказывался более выгодным из «общерусских» (не закрепленных в домонгольскую эпоху за какой-либо княжеской ветвью) столов, чем Галич, лежавший на пограничье со степью, занятой теперь татарами, и тем более чем потерявший свое значение Киев*.

В-четвертых, следует сказать о литовском факторе. Возникшее в середине XIII века Литовское государство в течение полутора веков осуществляло натиск на соседние русские земли и включило в свой состав многие из них: Полоцкую, Пинскую (к началу XIV столетия), Волынскую (в середине XIV века), Киевскую, Черниговскую, Переяславскую (в третьей четверти XIV века), Смоленскую (в начале XV века). Но Северо-Восточная Русь, в отличие от Волыни, непосредственно граничившей с Литвой, и Смоленской и Черниговской земель, к границам которой литовские владения вышли после подчинения к началу XIV века Полоцкой земли, в силу своего географического положения до второй половины XIV столетия (когда уже укрепилось Московское княжество) непосредственно литовского натиска не испытывала; а вплоть до начала XV века между ней и Великим княжеством Литовским сохранялся своеобразный «буфер» в виде Смоленского княжества. Таким образом, «литовский фактор» воздейство-

* Встречающийся в литературе тезис о Новгородской земле как потенциальном центре объединения Руси оснований под собой не имеет: Новгород никогда не стремился к экспансии на другие русские земли. Новгородская земля, кроме того, не обладала полным суверенитетом, признавая верховенство великих князей владимирских. Политика новгородского боярства была направлена на достижение максимально большей фактической самостоятельности от князей и была по сути сепаратистской.

вал на Суздальскую землю слабее, чем на другие крупнейшие русские земли.

Наконец, в-пятых, важным фактором стало перенесение в конце XIII века в Северо-Восточную Русь места постоянного пребывания митрополита. Будучи само по себе следствием усиления Суздальской земли, пребывание здесь главы русской церкви еще более увеличивало ее престиж и делало оправданным претензии на то, чтобы именно в Северо-Восточной Руси находился и носитель высшей светской власти всех русских земель.

В результате именно на Северо-Востоке Руси в XIV столетии начинается процесс объединения русских земель в единое государство. В историографии распространено суждение, будто Северо-Восточная Русь была центром объединения еще в домонгольскую эпоху, в качестве князей, ведших якобы политику «централизации», называются Андрей Боголюбский и Всеволод Большое Гнездо. Для этого нет, однако, ни малейших оснований. Ни тот ни другой никаких русских «земель» к Суздальской не присоединяли и не пытались этого сделать. Когда мы говорим о постоянных междоусобных войнах в эпоху «раздробленности», это не значит, что целью их было захватывать что ни попадя. За единичными исключениями (имевшими конкретные причины), князья домонгольского периода не посягали на столицы «чужих» земель, в которых правили иные княжеские ветви*, более того — не стремились захватить и более мелкие столы в пределах таких земель — центры «волостей». Войны шли, во-первых,

* К примеру, когда новгородский князь из смоленской ветви Мстислав Мстиславич в 1216 году разбил владимирского князя Юрия Всеволодича и его брата Ярослава на их территории и решал судьбу владимирского стола, он не садится на него сам, а возводит на владимирское княжение брата Юрия и Ярослава — Константина Всеволодича, являвшегося союзником Мстислава.

за «общерусские», не принадлежащие определенной ветви столы (Киев, Новгород, Галич); во-вторых, за перераспределение волостей внутри земель (т.е. между князьями одной ветви); в-третьих, за пограничные между землями территории (не затрагивая при этом стольных городов). Система «земель» в домонгольский период была относительно стабильной. Территориальный передел начался позже, в ордынскую эпоху; о нем речь пойдет в главе 13.

Кратко вывод из сказанного выше может звучать так.

Перенос номинальной столицы всей Руси с Юга, из Киева, на Северо-Восток, во Владимир, имел место, но не в ту эпоху, к которой его обычно относят: не в середине — второй половине XII века, при Юрии Долгоруком, Андрее Боголюбском и Всеволоде Большое Гнездо, а в середине — второй половине XIII столетия, при Александре Невском и его преемниках. В домонгольский период Суздальская земля была не более чем одной из четырех сильнейших на Руси — наряду с Черниговской, Смоленской и Волынской.

Источники: Полное собрание русских летописей. Т. 1. М., 1997 (Лаврентьевская летопись); Т. 2. М., 2001 (Ипатьевская летопись); Т. 21. Ч. 1. СПб., 1908 (Степенная книга); Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М. — Л., 1950.

Литература: Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 2—3. М., 1991; Соловьев С.М. Соч. Кн. 1. М., 1988; Ключевский В.О. Соч. Т. 1. М., 1987; Феннелл Дж. Кризис средневековой Руси. 1200—1304. М., 1989; Древняя Русь: город, замок, село. М., 1985; Горский А.А. Русь: От славянского Расселения до Московского царства. М., 2004. Часть 3, очерк 2.

Глава 7. Спор о «Слове о полку Игореве»

В конце XVIII века российское образованное общество узнало, что в собрании книг и рукописей графа А.И. Мусина-Пушкина, одного из виднейших сановников эпохи Екатерины II, большого любителя древностей, имеется рукопись древнерусского поэтического произведения, посвященного неудачному походу на половцев в 1185 г. новгород-северского князя Игоря Святославича, — «Слова о полку Игореве». В 1800 г. этот памятник был опубликован и произвел огромное впечатление своими художественными достоинствами. В 1812 г., во время пребывания в Москве войск Наполеона Бонапарта, рукописный сборник со «Словом» погиб — в московском пожаре сгорел дом Мусина-Пушкина на Разгуляе вместе с его рукописным собранием. В отсутствие рукописи вскоре зазвучали голоса, подозревавшие, что «Слово о полку Игореве» — не подлинное древнерусское произведение, а подделка под древность.

Основания для таких суждений в первой половине XIX столетия имелись. Незадолго до находки «Слова» в Европе получили широкую известность произведения Оссиана — якобы древнего шотландского барда. Но затем выяснилось, что автором «поэм Оссиана» был поэт XVIII

века Дж. Макферсон. Вскоре после издания «Слова о полку Игореве» в Чехии был обнародован памятник раннего Средневековья — «Краледворская рукопись». Немного времени спустя оказалось, что она написана чешским поэтом В. Ганкой... Помимо этого «фона», своего рода европейской моды на подделки под отечественную старину, действовал еще один фактор. Сомнения в отношении «Слова» порождались очень высоким художественным уровнем произведения. Люди просвещенного XIX века задавались вопросом — как можно было в Средневековье (которое тогда представлялось «темными веками», царством невежества) создать такой шедевр? «Слово о полку Игореве» казалось слишком уникальным для Древней Руси произведением. Показательна в этом смысле позиция А.С. Пушкина. Гениальный поэт был убежденным сторонником подлинности «Слова», публично спорил с теми, кто в этом сомневался. Он, в частности сделал наблюдение, сохраняющее силу до сих пор, — что никто из литераторов конца XVIII века не обладал достаточным уровнем поэтического таланта, чтобы создать такую поэму. Но при этом Пушкин писал, что «старинной словесности у нас не существует. За нами голая степь и на ней возвышается единственный памятник: “Песнь о полку Игореве”».

Действительно, в I половине XIX века представления о древнерусской литературе были совсем не такими, как сейчас. Дело в том, что многие ее произведения просто еще не были известны, не были открыты. Пушкин не мог знать о существовании таких выдающихся памятников, как «Слово Даниила Заточника», как близкие к «Слову о полку Игореве» по жанровой природе «Слово о погибели Русской земли» и «Задонщина». Что касается последней — произведения о Куликовской битве 1380 года, — то ее об-

наружение оказало большое влияние на дискуссию о подлинности «Слова о полку Игореве». После публикации одного из списков «Задонщины» в 1852 году стало очевидным, что в этом произведении значительная часть текста очень сходна с текстом «Слова о полку Игореве». Из этого следовал вывод, что «Слово» было использовано при создании «Задонщины»; а такой вывод неизбежно влек за собой следующий: «Слово о полку Игореве» появилось как минимум ранее конца XIV века, т.е. оно является подлинным памятником древнерусской литературы. Голоса «скептиков» (как принято называть тех, кто считал «Слово» подделкой) надолго смолкли.

Но в 30-е годы XX столетия вновь появилась версия, что «Слово о полку Игореве» написано в XVIII столетии. Ее автором стал французский филолог А. Мазон. Сходство «Слова» с «Задонщиной» он объяснял не тем, что первое повлияло на вторую, а наоборот: тем, что «Задонщина» послужила источником для «Слова». Именно «Задонщина», по мнению Мазона, была в рукописном сборнике, попавшем к Мусину-Пушкину, который и создал на ее основе «Слово»*.

В 1960-е годы с новой, более основательно, чем у А. Мазона, выстроенной концепцией создания «Слова о полку Игореве» в конце XVIII века выступил советский историк А.А. Зимин. Он так же отстаивал первичность «Задонщины» по отношению к «Слову о полку Игореве». Автором «Слова» Зимин посчитал Иоилия Быковского, бывшего архимандрита Спасо-Преображенского монастыря в Ярославле, от которого Мусин-Пушкин, по его собственному признанию, получил сборник со «Словом». Наконец, в

* Позже А. Мазон изменил точку зрения на автора «Слова», посчитав, что его написал с ведома Мусина-Пушкина Н.Н. Бантыш-Каменский — один из тех, кто готовил поэму к публикации.

начале XXI века с новой гипотезой о позднем происхождении «Слова» выступил американский историк Э. Кинан (некогда сделавший себе имя на отрицании подлинности переписки Ивана Грозного с Андреем Курбским). По мнению Кинана, автором «Слова» был чешский ученый Й. Добровский, в начале 1790-х годов приезжавший в Россию и знакомившийся здесь с древними рукописями. Работа Кинана, впрочем, не была принята специалистами всерьез; наиболее основательной «скептической» концепцией остается работа А.А. Зимина.

Зимин выступил со своей точкой зрения в 1963 году. В силу особенностей той эпохи его точка зрения была крайне болезненно воспринята властью предержащими. Дискуссия с Зиминим носила дискриминационный по отношению к нему характер. Работа Зимина была опубликована тиражом 101 экз. (по тем временам ничтожно малым), причем в библиотеки не поступила, будучи роздана только участникам ее публичного обсуждения. Правда, вопреки распространенному представлению, полемика не ограничилась двумя публичными диспутами и информацией о прошедшем обсуждении в журнале «Вопросы истории». В период с 1966 по 1971 год Зимин опубликовал 11 статей, в которых были изложены основные положения его концепции. Тем не менее публикация работы в виде книги не была тогда осуществлена (хотя ученые, являвшиеся оппонентами А.А.Зимина, выступали за ее издание); это произошло только в 2006 году, спустя много лет после кончины автора (1980 год). Эти вненаучные аспекты дискуссии с Зиминим наложили свой отпечаток на ее восприятие в среде неспециалистов: ведь «гонимая» точка зрения всегда обладает привлекательностью...

Но проблема подлинности «Слова о полку Игореве» — проблема научная, а не политическая, сколько бы поли-

тико-идеологических аспектов в нее ни вносилось. Что же показали исследования по этому вопросу в период после появления концепции А.А. Зимина?

За последние три десятилетия сразу на нескольких направлениях были сделаны наблюдения, показывающие невозможность создания «Слова о полку Игореве» в XVIII столетии.

Во-первых, это изучение истории «Слова о полку Игореве» от его обнаружения до издания в 1800 году, изучение процесса работы над рукописью «Слова» сотрудников мусин-пушкинского кружка — т.е. самого А.И. Мусина-Пушкина, И.Н. Болтина, И.П. Елагина, Н.Н. Бантыш-Каменского и А.Ф. Малиновского. Изыскания в этой области, проведенные О.В. Твороговым, Л.В. Миловым и В.П. Козловым, показали, что А.И. Мусин-Пушкин, и те, кто с ним сотрудничал на разных этапах работы со «Словом», смотрели на это произведение как на подлинное и испытывали серьезные сложности с прочтением и пониманием текста, сложности, которые они преодолевали путем длительных трудов и так до конца и не смогли преодолеть (вплоть до издания «Слова» в 1800 году). Эти выводы противоречат построениям «скептиков», согласно которым издатели (или по меньшей мере А.И. Мусин-Пушкин) знали о поддельности поэмы.

Во-вторых, это изучение языка «Слова». В начале 1990-х годов коллектив авторов во главе с Л.В. Миловым задался целью проверить с помощью математических методов гипотезы о написании «Слова» книжниками XII столетия, чьи тексты до нас дошли: киевским летописцем (так называемым Петром Бориславичем — гипотеза о его тождестве с автором «Слова о полку Игореве» была выдвинута ранее, в начале 1970-х годов, Б.А. Рыбаковым) и Кириллом Туровским. Использовался метод

анализа частоты парной встречаемости грамматических классов слов. В итоге обе названные гипотезы подкрепления не получили. Но при этом исследование дало «побочный» результат: выяснилось, что «Слово о полку Игореве», статьи Ипатьевской летописи за 1147 и 1194—1195 годы (привлекавшиеся для сопоставления) и произведения Кирилла Туровского имеют определенную общность в структуре языка повествования. Спустя века это не выявляемое без применения современных математических методов структурное сходство подделать, разумеется, было невозможно.

В начале нынешнего столетия специальную монографию, посвященную рассмотрению проблемы подлинности «Слова» с точки зрения лингвистики, выпустил А.А.Зализняк. Он убедительно показал, что знаний, достаточных для осуществления такой подделки, в конце XVIII века ни у кого не могло быть: фальсификатору требовалось бы не только знать в совершенстве язык XII столетия, но и вплести в текст элементы языковых норм XV—XVI веков (времени, к которому предположительно относят мусин-пушкинский список «Слова»), присутствующие в «Слове» и в то время также еще не изученные. Оказалось, что некоторые из языковых явлений, отмечаемых в «Слове», стали известны науке только... в конце XX столетия, после открытия берестяных грамот и лингвистического изучения языка. С точки зрения языка, таким образом, дошедший до нас текст «Слова» относится к XII столетию, но при этом в нем присутствуют и элементы языковых норм XV—XVI веков. Последнее логично объясняется тем, что к этому времени относился список произведения, попавший к А.И. Мусину-Пушкину.

Третье направление исследований, подтвердившее древность поэмы, это сопоставление «Слова о полку Иго-

реве» и «Задонщины» при помощи математико-статистического подхода. В тексте «Задонщины» (около половины которого составляют фрагменты, сходные с текстом «Слова») были выявлены определенные закономерности в распределении параллельных со «Словом» фрагментов по объему: преимущественно крупные фрагменты в начале, где описываются сборы войска и поход к Дону, значительное падение объема фрагментов в середине произведения (в описании Куликовской битвы) и некоторое новое повышение к концу (где рассказывается о бегстве татар и торжестве русских). Эти закономерности находят свое объяснение в особенностях содержания «Задонщины» — колебания объема заимствованных фрагментов могли быть следствием стремления ее автора приспособить текстовый материал «Слова» для целей создаваемого им произведения. Дело в том, что основной задачей «Задонщины» был рассказ о Куликовском сражении, а в «Слове» о битве Игоря с половцами говорится относительно немного (поскольку для его автора описание боевых действий не было главным, его задачи шире — на примере Игоря показать необходимость объединения русских князей в борьбе с внешними врагами, пагубность для страны междоусобиц). В результате, перейдя к описанию сражения, автор «Задонщины» был вынужден, чтобы насытить свое повествование, прибегать к использованию кратких фрагментов (причем иногда один фрагмент «Слова» использовался дважды). Применялся и еще один прием: приспособление для описания боя фрагментов «Слова», в этом произведении не относящихся к битве (они, естественно, были по необходимости кратки, т.к. окружающий эти фрагменты в «Слове» контекст совсем не подходил для описания сражения). В ходе исследования было проведено также статистическое сопоставление па-

раллельных текстов, исходящее из допущения первичности «Задонщины» по отношению к «Слову»: в результате него закономерности в распределении фрагментов по объему не обнаружилось. С точки зрения математической статистики такой результат изучения соотношения параллельных фрагментов двух памятников может быть интерпретирован только как свидетельство влияния «Слова» на «Задонщину», а не наоборот. Это лишает «скептическую» точку зрения ее краеугольного камня: утверждения, что «Задонщина» послужила источником «Слова о полку Игореве».

В последние годы ряд авторов выступил с предположениями, что «Слово о полку Игореве» было создано в XV столетии. Такая точка зрения не отрицает подлинность поэмы, поскольку «Слово» признается памятником средневековой литературы, но переносит его в отдаленную от описываемых событий эпоху*. Тезисы о появлении «Слова» в XV столетии не противоречат выводам исследователей о восприятии его как подлинного древнего памятника членами мусин-пушкинского кружка. Можно совместить с ними и признание вторичности «Задонщины» по отношению к «Слову» (поскольку не исключено, что «Задонщина» была написана не сразу после Куликовской битвы, а в XV веке). Но язык произведения останется камнем преткновения. Допустить, что автор XV столетия сумел искусно архаизировать язык под XII век, невозможно. Не может здесь спасти и допущение, что автор обработал какие-то устные сказания о походе Игоря, поскольку при устной передаче древний строй языка не сохраняется (что хорошо видно на примере былин).

* Создание произведений о давних событиях не было редкостью в эпоху Средневековья.

Основной посылкой общего порядка, питающей скептическое отношение к «Слову», остается представление о его жанровой уникальности, о малой вероятности появления в древнерусской литературе произведения поэтического характера. Однако на самом деле данных о существовании в русском Средневековье произведений такого рода не так уж мало.

Во-первых, есть известия о наличии в окружении князей лиц, занимавшихся «песнетворчеством». Один из них известен по имени — это Боян, «песнотворец», упоминаемый в «Слове о полку Игореве» в качестве поэтического предшественника автора. Объявить Бояна вымыслом автора «Слова» нельзя, поскольку он упоминается и в «Задонщине»: «...восхвалим вещаго Бояна в городе в Киеве, гораздо гудца. Той бо вещий Боян, воскладая свои златые персты на живыя струны, пояше славу русскимъ княземъ: первому князю Рюрику, Игорю Рюриковичю, Владимиру Святославичю, Ярославу Володимировичю» («...похвалим вещаго Бояна, искусного гуслера в городе Киеве. Тот ведь вещий Боян, возлагая свои золотые персты на живые струны, пел славу русским князьям: первому князю Рюрику, Игорю Рюриковичу, Владимиру Святославичу, Ярославу Владимировичу») — читаем в Краткой редакции «Задонщины»; «...похвалим вещаго Бояна, горазда гудца в Киеве. Тот бо вещий Боян воскладоша горазная своя персты на живыа струны, пояше руским князем славы: первую славу великому князю киевскому Игорю Рюриковичу, вторую — великому князю Владимиру Святославичю Киевскому, третью — великому князю Ярославу Володимировичю» («...восхвалим вещаго Бояна, искусного гуслера в Киеве. Тот ведь вещий Боян, возлагая искусные свои персты на живые струны, пел русским князьям славу: первую славу великому князю

киевскому Игорю Рюриковичу, вторую — великому князю Владимиру Святославичу Киевскому, третью — великому князю Ярославу Владимировичу») — говорится в Пространной редакции произведения. Таким образом, если допустить, что «Слово о полку Игореве» нам неизвестно или его сведения недостоверны, все равно придется признать, что в Киеве некогда жил «гудец» (т.е. исполнитель поэтических произведений под игру на музыкальных инструментах), «певший славу» русским князьям. Поскольку последним среди адресатов его песен в «Задонщине» назван Ярослав Владимирович, правивший с 1015 по 1054 год, наиболее вероятным временем деятельности Бояна следует считать (даже, повторюсь, без учета данных «Слова», согласно которому Боян «песни творил» в честь Ярослава Владимировича, его брата Мстислава и внука Романа Святославича, был «песнетворцем» при сыне Ярослава Святослава) XI век. Как раз ко второй половине этого столетия относится известие, на основе которого можно говорить о существовании при княжеских дворах людей, исполнявших под игру на музыкальных инструментах некие «песни», как общераспространенном явлении. В Житии игумена Киево-Печерского монастыря Феодосия рассказывается, как Феодосий, прийдя во двор киевского князя Святослава Ярославича (эпизод датируется второй половиной 1073 или началом 1074 года), «виде многыа играюща предъ нимъ (князем. — А. Г.): овы гуслиныя гласы испущающемъ, другыя же органьныя гласы поющемъ, а инемъ замарьныя пискы гласящемъ, и тако вьсемъ играющемъ и веселящемъся, *якоже обычаи есть предъ князьмъ*» (выделено мной. — А. Г.). («увидел множество музыкантов, играющих перед ним: одни бренчали на гусях, другие били в органы, а иные свистели в замры, и так все играли и веселились, как это в обычае у князей»).

Во-вторых, существуют тексты, в той или иной мере свидетельствующие о существовании произведений поэтического характера о деяниях князей.

Собственно говоря, почти все повествование «Повести временных лет» о первых, IX—X веках, русских князьях (до Владимира Святославича, а частично и о его эпохе) представляет собой книжную обработку преданий, бытовавших в княжеско-дружинной среде (в этом согласны все исследователи древнейшего летописания, несмотря на наличие у них разных точек зрения о времени начала собственно летописной работы на Руси). В какой форме эти рассказы бытовали первоначально, остается неясным, но знаменитая характеристика Святослава Игоревича под 964 год несет явные следы ритмической организации (и даже рифмизированности): «Князю Святославу възрaстѣшю и възмужавшю, нача вои совкупляти многи и храбры, и легко ходя, аки пардусъ, воины многи творяше; возъ по собе не возяше, ни котла, ни мясь варя, но потонку изрезавъ конину ли, зверину ли, или говядину, на оуглех испекъ ядяше; ни шатра имяше, но подкладъ постилаше и седло в головахъ; такоже и прочии вои его вси бяху. И посылаше къ странам, глаголя: “Хочу на вы ити”» («Когда Святослав вырос и возмужал, стал он собирать много воинов храбрых, и быстрым был, словно пардус, и много воевал. В походах же не возил за собою ни возов, ни котлов, не варил мяса, но тонко нарезав конину, или зверину, или говядину и зажарив на углях, так ел; не имел он шатра, но спал, постилая потник с седлом в головах, — такими же были и все остальные его воины. И посылал в иные земли со словами: “Хочу на вас идти”»). Это позволяет полагать, что по крайней мере частично предания о первых князьях существовали в виде поэтических (ритмизированных) произведений, того, что в Древней Руси именовали «песньми».

В южнорусском летописании XII столетия под 1140 год встречаем фрагмент с воспоминанием о деятельности умершего в 1132 году киевского князя Мстислава Владимировича и его отца Владимира Мономаха: «Се бо Мстиславъ великийи и наследи отца своего потъ Володимера Мономаха великаго. Володимеръ самъ собою постоя на Доноу, и много пота оутерь за землю Роускоюу, а Мстиславъ моужи свои посла, загна половци за Донъ, и за Волгу, и за Гиикъ». (Этот великий Мстислав наследовал труды отца своего, великого Владимира Мономаха. Владимир сам стоял на Дону и много трудов положил за землю Рускую, а Мстислав послал своих мужей и загнал половцев за Дон, и за Волгу, и за Яик.) Общая эпическая тональность и явная гиперболизация результатов антиполовецких действий Мстислава Владимировича (в реальности он не загонял, разумеется, половцев за Волгу и тем более Яик, большая часть их продолжала кочевать в степях Северного Причерноморья) позволяют видеть здесь отсылку к «песням» о подвигах Владимира Мономаха и его сына.

О существовании подобного рода произведений о деяниях праправнука Мономаха и правнука Мстислава — Романа Мстиславича — свидетельствует и текст из так называемого предисловия к Галицко-Волынской летописи XIII века, ритмическая организация которого несомненна; в нем же в эпических тонах упоминаются подвиги в борьбе с половцами Владимира Мономаха, что являет собой второе, после летописной статьи 1140 года, свидетельство существования поэтических произведений об этом князе:

«...одолеваша всимъ поганьскымъ языком оума мудростью, ходяща по заповедемъ Божимъ; оустремил бо ся бяше на поганяя яко и левъ, сердить же бысть яко и рысь, и гоубяше яко и коркодилъ, и прехоужаше землю ихъ яко и орель, храборъ бо бе яко и тоуръ; ревноваше бо дедоу

своему Мономаху, погоубившему поганя Измалтяны, рекомыя половцы... Тогда Володимеръ и Мономахъ пилъ золотом шоломомъ Донъ, и приемшю землю ихъ всю, и загнавшю оканьяны Агаряны...» («...он победил все языческие народы мудростью своего ума, следуя заповедям Божиим; устремлялся на поганых, как лев, свиреп был, как рысь, истреблял их, как крокодил, проходил их землю, как орел. Храбр был, как тур; следовал деду своему Мономаху, который погубил поганых измаильтян, называемых половцами... Тогда Владимир Мономах пил золотым шеломом Дон, захватил всю их землю и прогнал окаянных агарян...»).

Памятником поэтического характера, жанровая близость которого со «Словом о полку Игореве» многократно отмечалась, является дошедшее в двух списках (конца XV и середины XVI века), в составе «Жития Александра Невского» (в качестве предисловия к нему), «Слово о погибели Русской земли» — произведение середины XIII столетия. В начале него читается поэтическое описание Русской земли:

О светло светлая и украсно украшена, земля Русская!
И многими красотами удивлена еси:
Озеры многими удивлена еси,
Реками и кладязьми месточестными,
Горами крутыми, холми высокими,
Дубравами чистыми, полями дивными,
Зверьми различными, птицами бесчисленными,
Городы великими, селы дивными,
Винограды обителными, дома церковными,
И князьями грозными, бояры честными, вельможами
многами.
Всего еси исполнена земля Русская!

Далее говорится о могуществе Руси при прежних князьях — Всеволоде Большое Гнездо, Юрии Долгоруком и

Владимире Мономахе в противоположность сегодняшнему положению («Слово о погибели» писалось, скорее всего, во время нашествия Батыя на Северо-Восточную Русь), при сыновьях Всеволода Юрии и Ярославле. При этом о Владимире Мономахе говорится в эпических тонах: «которымъ то половоци дети своя ношаху в колыбели, а литва из болота на светъ не выныкываху, а угры твердыху каменные города железными вороты, абы на них великий Володимеръ тамо не въехалъ, а немци радовахуся, далече будучи за синимъ моремъ. Буртасы, черемиси, вьда и мордва бортьничаху на князя великого Володимера. И жюрь Мануиль цесарегородский, опасъ имея, поне и великия дары посылаша к нему, абы под нимъ великий князь Володимеръ Цесарягорода не взял» («которым половцы своих малых детей пугали, а литовцы из болот своих на свет не показывались, а венгры укрепляли каменные стены своих городов железными воротами, чтобы их великий Владимир не покорил, а немцы радовались, что они далеко — за синим морем. Буртасы, черемисы, вьда и мордва бортничали на великого князя Владимира. А император царьградский Мануил от страха великие дары посылал к нему, чтобы великий князь Владимир Царьград у него не взял»). Это фрагмент является третьим, после статьи киевской летописи 1140 года и Предисловия к Галицко-Волынской летописи, свидетельством существования «песен», посвященных деяниям Владимира Мономаха.

Наконец, произведением с поэтическими чертами является «Задонщина», «песня» о победе на Куликовом поле, дошедшая в шести списках и датируемая концом XIV или XV столетием (не позднее 1470-х годов, к которым относится ее древнейший список — Кирилло-Белозерский).

Суммируя все изложенное, можно сказать, что даже если бы «Слово о полку Игореве» до нас не дошло, все

равно пришлось бы констатировать следующее: имеются достаточные основания говорить о существовании на Руси с XI по XV столетие традиции поэтического творчества — «песен» о деяниях князей. Во-первых, сохранилось два произведения такого рода, одно («Задонщина») пространное и одно («Слово о погибели Русской земли») краткое. Во-вторых, имеются два отрывка с ритмической организацией текста (в «Повести временных лет» под 964 год и фрагмент о Романе из Предисловия к Галицко-Волынской летописи). В-третьих, есть два известия, представляющих собой отсылки к «песням» о деяниях князей (южнорусская летопись под 1140 год и текст о Мономахе из Предисловия к Галицко-Волынской летописи). В-четвертых, известно имя «песнетворца» XI века (Боян). В-пятых, есть свидетельство об исполнении перед князем песен под музыку как обычном (во всяком случае для людей XI столетия) явлении (Житие Феодосия). Эти данные свидетельствуют о существовании произведений поэтического характера о деяниях немалого количества князей: даже если посчитать, что указание «Задонщины» о воспевании Бояном персонажей IX—X веков (Рюрика, Игоря и Владимира) является домыслом, в перечень войдут десять человек — Ярослав Владимирович, Владимир Мономах, Мстислав Владимирович, Юрий Долгорукий, Всеволод Большое Гнездо, его сыновья Юрий и Ярослав, Роман Мстиславич, Дмитрий Донской и его двоюродный брат Владимир Андреевич (герои «Задонщины»).

«Слово о полку Игореве» на этом фоне оказывается гораздо менее «уникальным» в жанровом отношении произведением, чем такие не вызывающие сомнений в своей древности памятники, как «Слово Даниила Заточника» и «Поучение» Владимира Мономаха: ведь эти произведения, в отличие от «Слова о полку Игореве», не имеют ни

дошедших до нас собратьев по жанру (каковыми для «Слова» являются «Слово о погибели Русской земли» и «Задонщина»), ни даже намеков на их существование.

Не представляет собой ничего экстраординарного и то, что «Слово о полку Игореве» сохранилось в единственном списке. Рукописная традиция произведений домонгольского периода, не имеющих отношения к богослужебной практике, крайне ограничена. Достаточно сказать, что до нас дошли всего три (!) списка летописей, изложение которых не выходит за пределы домонгольской эпохи: один — Радзивилловской летописи (доведенной до 1205 года) и два — летописца Переяславля-Суздальского (доведенного до 1214 года)*; и это при том, что летописи — памятники «официальные», создававшиеся по заказу властей — светских или церковных. «Слово о погибели Русской земли» дошло в двух списках (в составе Жития Александра Невского — канонического памятника, именно благодаря присоединению к тексту Жития оно и сохранилось), «Поучение» Владимира Мономаха — в одном (несмотря на то, что автор — киевский князь!), причем в составе летописи.

Судьба произведений Мономаха, кстати, в известном смысле являет собой счастливую противоположность судьбе «Слова о полку Игореве». «Поучение» и помещенные следом письмо Владимира двоюродному брату Олегу Святославичу и молитва сохранились в составе Лаврентьевской летописи (список 1377 года), оказавшейся в том же собрании А.И. Мусина-Пушкина, что и сборник со «Словом о полку Игореве». Но Лаврентьевскую летопись

* В не менее ранних с точки зрения летописной генеалогии Лаврентьевской, Ипатьевской и Новгородской первой (старшего извода) летописях изложение доведено до конца XIII — начала XIV века.

Мусин-Пушкин за несколько лет до войны 1812 года подарил Александру I (после чего она оказалась в Петербургской императорской публичной библиотеке, где благополучно пребывает по сей день). Не случись этого и раздели Лаврентьевская летопись судьбу сборника со «Словом», наверняка возникла бы гипотеза, что произведения Владимира Мономаха являются подделкой под древность. Причем основания для такого утверждения были бы более весомыми, чем в случае с версией о подложности «Слова о полку Игореве». В самом деле: в «Поучении» Мономах дает хронологическое изложение своих деяний («путей») — но жанр автобиографии на Руси появляется только в XVII веке; непонятно, как произведение, написанное самим киевским князем, верховным правителем государства, не попало ни в одну другую летопись, не было распространено во множестве списков (более того, не оставило следов знакомства с ним ни в одном другом памятнике русской средневековой литературы); виртуозное комбинирование фраз из разных псалмов, имеющее место в тексте «Поучения», можно допустить под пером ученого монаха, но не светского лица; сообщение автора, будто отец Мономаха, Всеволод Ярославич, князь, в отношении которого нет ни малейших данных о его образованности и пристрастии к книгам, знал пять языков, казалось бы, явно выдает представления о просвещенности человека конца XVIII столетия (когда высокий уровень таковой предполагал знание латыни, греческого и нескольких современных европейских языков). При отсутствии рукописи предположение об искусном вплетении в древний пергаменный кодекс «Поучения», письма Олегу и молитвы Мусиным-Пушкиным (впрочем, не вполне искусном — ведь произведения Владимира Мономаха в Лаврентьевском списке разрывают

цельный текст статьи 1096 года, что тоже казалось бы подозрительным...) напрашивалось бы. Но судьба пощадила Лаврентьевский список, и на все возникающие вопросы по поводу наличествующей в нем вставки с произведениями Мономаха ученым, что называется, «приходится» отвечать исходя из того, что текст ее написан вместе с собственно летописным текстом в 1377 году монахом Лаврентием...

Из сказанного следует, что удивляться нужно не тому, что «Слово» дошло в единственном списке, а тому, что такое произведение, не относившееся в силу своего жанрового характера к текстам, подлежащим переписке, вообще сохранилось до Нового времени; это — счастливый случай (за которым, увы, последовал несчастный — гибель рукописи).

События, послужившие поводом для написания «Слова о полку Игореве», с точки зрения человека Нового времени кажутся малозначимыми*. Но люди XII столетия относились к ним иначе. Поход Игоря на половцев 1185 года сопровождался несколькими уникальными фактами: в начале похода произошло затмение солнца, но Игорь продолжил поход невзирая на это дурное предзнаменование; впервые русское войско полностью погибло в степи; впервые русские князья (причем сразу четверо) попали в плен к половцам на их территории; исключительным событием было и последующее бегство Игоря из половецкого плена. В результате случившееся в 1185 году произвело сильное впечатление на современников, вызвав к жизни сразу три самостоятельных литературных произведения —

* Пушкин, доказывая подлинность «Слова», обращался к сомневающимся в ней с полувопросом-полуутверждением: «Кому пришло бы в голову (из людей XVIII века. — А. Г.) взять в предмет песни темный поход неизвестного князя?»

две повести в составе летописей и поэтическое «Слово» (случай уникальный в домонгольский период). Дело в том, что взятые в своей взаимосвязи, события Игоревой эпопеи давали возможность осмысления в духе христианской морали: грех (под которым подразумевалось обособленное, без союза с другими князьями, выступление Игоря в поход) — наказание — покаяние — прощение. В тех или иных вариациях это осмысление присутствует во всех трех памятниках «Игорева цикла».

На современном уровне научных знаний можно утверждать: «Слово о полку Игореве» является памятником средневековой литературы, созданном вскоре после описываемых в нем событий.

Источники: Слово о полку Игореве. М. — Л., 1950 (серия «Литературные памятники»); Слово о полку Игореве. Л., 1967 (Библиотека поэта, большая серия); Слово о полку Игореве, Игоря, сына Святъславля, внука Ольгова. М., 2002.

Литература: Козлов В.П. Кружок А.И. Мусина-Пушкина и «Слово о полку Игореве». М., 1988; Горский А.А. «Слово о полку Игореве» и «Задонщина»: источниковедческие и историко-культурные проблемы. М., 1992; он же. Русь: От славянского Расселения до Московского царства. М., 2004. Часть 3, очерк 3; От Нестора до Фонвизина: новые методы определения авторства. М., 1994; Зализняк А.А. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. М., 2004; 2-е изд. — М., 2007; 3-е изд. — М., 2008; Зимин А.А. Слово о полку Игореве. М., 2006.

Глава 8. Княжеские прозвища

Многие князья средневековой Руси в исторической литературе традиционно упоминаются с прозвищами. Некоторые из таких прозвищ настолько прочно вошли в массовое историческое сознание, что воспринимаются практически как фамилии. Например, как еще называть князя Александра Ярославича, победителя шведов в Невской битве и немецких крестоносцев в Ледовом побоище, как не Александром **Невским**? Или киевского князя Ярослава Владимировича иначе чем Ярославом **Мудрым**? Позволю себе вспомнить недавний курьез: в анонсах передачи канала «Россия» «Имя России» Александра упоминали вообще без имени — просто «Невский» и все!

Но действительно ли названные и другие князья носили при жизни прозвища, под которыми мы их ныне знаем? Возьмем десять князей, чьи прозвища наиболее популярны в литературе. Это Владимир **Святой**, Ярослав **Мудрый**, Владимир **Мономах**, Юрий **Долгорукий**, Андрей **Боголюбский**, Всеволод **Большое Гнездо**, Мстислав **Удалой**, Александр **Невский**, Иван **Калита** и Дмитрий **Донской**.

Прозвище «Святой» по отношению к киевскому князю Владимиру Святославичу, крестителю Руси, встречается в источниках со второй половины XIII века. Назвать

человека «святым» можно, естественно, только после того, как он признан таковым, чего при жизни не бывает. Церковная канонизация Владимира имела место много позже его кончины, не ранее середины XIII столетия. И вполне естественно, что только с этого времени к нему начинает применяться прозвище «Святой».

С Владимиром Мономахом (киевский князь в 1113—1125 годах) ситуация иная. Он выступает как «Мономах» в источниках, созданных при его жизни, в том числе сам называет так себя в собственноручно написанном «Починении». Но «Мономах» — это, строго говоря, не прозвище. Прозвища — это то, что получают люди при жизни за какие-то свои деяния или особенности. «Мономах» же — это родовое имя матери Владимира, дочери византийского императора Константина IX Мономаха. Оно было у князя, таким образом, с рождения, и прозвищем в собственном смысле этого понятия считаться не может. Ведь, скажем, из того, что черниговские князья назывались «Ольговичами», потому что их общим предком был Олег Святославич, не следует, что «Ольгович» было *прозвищем* каждого из них.

Сын Мономаха Юрий Владимирович, ставший родоначальником суздальской княжеской ветви и основавший будущую столицу нового единого русского государства Москву, с прозвищем «Долгорукий» упоминается в источниках с XV века, т.е. три столетия спустя после эпохи, в которую он жил.

Сын Юрия Андрей, перенесший столицу Суздальской земли во Владимир-на-Клязьме, под прозвищем «Боголюбский» (по его загородной резиденции в селе Боголюбово под Владимиром) называется в источниках с XIV столетия, два века спустя после своего времени.

У сына Юрия и младшего брата Андрея — владимирского князя Всеволода Юрьевича не было прозвища «Больш-

шое Гнездо». «Большое» в данном случае перевод на современный русский язык эпитета «великое». «Великое Гнездо» — под этим прозвищем (связанным с многодетностью князя, от которого пошли все многочисленные династии Северо-Восточной Руси) Всеволод действительно упоминается в источниках, но опять-таки через много времени после его кончины — только с XV столетия.

Аналогичная ситуация — с князем новгородским, киевским и владимирским Александром Ярославичем, внуком Всеволода. Прозвище «Невский», связанное с его победой над шведами на реке Неве в 1240 году, в известных нам источниках прилагается к Александру начиная с XV века, почти два века спустя после смерти князя. Причем наряду с ним встречается и другое прозвище — «Храбрый» (позже, с XVI столетия, осталось только «Невский»).

Внук Александра московский и великий владимирский князь Иван Данилович (ум. в 1340 году) именуется «Калитой» («калита» — сумка для денег) в известных нам источниках начиная с конца XIV столетия.

Внук Калиты великий князь Дмитрий Иванович, победитель Орды в битве у Дона, на Куликовом поле, в 1380 году, с прозвищем «Донской» упоминается лишь с XVI века.

Итак, получается, что, если не считать Владимира Мономаха, все перечисленные князья известны под прозвищами, ныне ставшими хрестоматийными, в эпохи более поздние, чем времена, когда они действовали. Возможно, какие-то из этих прозвищ все же были прижизненными, просто прозвище не попало в современные князю источники*. Но тот факт, что большинство прозвищ

* Такое можно думать в отношении прозвища «Калита», которое связано скорее с личными качествами князя, а не с его широко известными политическими деяниями.

появляется в источниках в XIV—XVI веках, вряд ли случаен: по-видимому, перед нами осмысление деяний князей не современниками, а потомками.

Читатель мог заметить, что автор, перечисляя князей по хронологии, двоих — Ярослава «Мудрого» и Мстислава «Удалого» — пропустил. Пропустил не случайно: если в рассмотренных случаях прозвища читаются в средневековых источниках, пусть и спустя долгое время после кончины князей, то с Ярославом и Мстиславом случаи особые.

Прозвище киевского князя Ярослава Владимировича, умершего в 1054 году и ставшего предком всех позднейших Рюриковичей, кроме полоцкой ветви, очень прочно закрепилось за ним в историографии (включая зарубежную — скажем, в англоязычных работах он последовательно именуется «Jaroslav the Wise»). Оно вошло и в современную общественную жизнь: имя «Ярослава Мудрого» носит университет в Великом Новгороде, орден «Ярослава Мудрого» является государственной наградой Украины. Однако стоит задаться вопросом об употреблении этого прозвища в средневековых источниках, как возникают серьезные сложности.

Автор недавно вышедшей научной биографии Ярослава в серии «Жизнь замечательных людей» А.Ю. Карпов написал по поводу прозвища героя книги следующее: «Правда, в летописи или в других памятниках древнерусской общественной мысли мы не найдем или почти не найдем этого прозвища». Несколько загадочное «почти» иллюстрируется цитатой из статьи Ипатьевской летописи 1037 года: «Сии же премудрыи князь Ярославъ...» Полностью фраза звучит так: «Заложи Ярославъ городъ великыи Киевъ, оу него же града врата суть золотая, заложи же и церковь святыя Софья, премудрость Божию, митропо-

лю, и по семь церковь на Златыхъ вратехъ камену святыя Богородица Благовещение, сии же премудрыи князь Ярославъ то того дея створи Благовещение на вратехъ дать всегда радость градоу тому святымъ Благовещением Господнимъ и молитвою святыя Богородица и архангела Гаврила». Но здесь, во-первых, стоит эпитет не «мудрый», а «*премудрый*»; во-вторых, часть фразы, содержащая данный эпитет, является добавлением в текст «Повести временных лет» (ее не содержат другие сохранившие текст «Повести» летописи, кроме Ипатьевской), внесенным, скорее всего, в конце XII века; в-третьих же, и главное, эпитет «премудрый», стоящий *перед* именем князя, является единичным определением, а вовсе не прозвищем: реальные княжеские прозвища помещались *после* имени князя, иногда с пояснением (например — «зовомый Великое Гнездо»).

В другом, научно-популярном сочинении о Ярославе про его прозвище говорится так: «Московские летописцы XVI в. называли его Мудрым — и под этим именем киевский князь навеки вошел в историю». Это утверждение одновременно и имеет под собой некоторые основания, и является неверным.

В «Степенной книге царского родословия», памятнике московской литературы 60-х годов XVI века, в степени, посвященной Ярославу, о нем в двух разных местах говорится следующее: «Яко же сии богомудрыи Георгии Ярославъ самъ тѣшася угодная Богу сътворити»; «Богомудрыи же Ярославъ сие вседушно подвижася о утверждение православия, яко же и святыи отецъ его Владимиръ». Здесь вновь мы видим не слово «мудрый», а включающий его составной эпитет «*богомудрый*», во-вторых же (и это опять-таки главное) — перед нами и в данном случае не прозвище, а всего лишь стоящее перед име-

нем князя определение; таких определений по отношению к Ярославу в посвященной ему степени немало — помимо «богомудрого» он называется «благодарным», «благочестивым», «христолюбивым».

Первым из историков, кто назвал Ярослава «Мудрым», был Н.М. Карамзин, среди источников которого были и Ипатьевская летопись с определением «премудрый», и Степенная книга с определением «богомудрый». Завершая рассказ об эпохе Ярослава, он писал: «Ярослав заслужил в летописях имя Государя мудрого». Ссылки историограф не дал и вообще выразился очень осторожно — не «носил» имя «мудрого», а «заслужил» (причем слово «мудрый» напечатано со строчной буквы). Строго говоря, привычного ныне словосочетания «Ярослав Мудрый» нет и у Карамзина. Оно начинает закрепляться в историографии только в конце XIX — начале XX века.

Таким образом, князь Ярослав Владимирович не носил прозвища «Мудрый» ни у современников, ни у потомков, не «входил с этим именем в историю»: оно появляется только под пером историков Нового времени.

Прозвище «Удалой» по отношению к князю из смоленской ветви Мстиславу Мстиславичу (ум. в 1228 году), долгое время занимавшему новгородский, а затем галицкий стол, применяется в историографии начиная с С.М. Соловьева. Оно вроде бы хорошо соответствует личным качествам этого князя, отличавшегося как полководческим талантом, так и личной храбростью. Основанием для такого прозвища является посмертная характеристика Мстислава в Галицко-Волынской летописи: «Потом же Мстиславъ великыи оудатный князь оумре». Однако дело в том, что «удатный» означает вовсе не «удалой» (это слово в Средневековье писалось почти так же, как сейчас, — «удалыи»), а «удачливый».

Некоторыми учеными данная неточность осознается, и они называют Мстислава Мстиславича не «Удалым», а «Удатным». Но исправление сути дела принципиально не меняет, поскольку «удатный» в сообщении о смерти Мстислава не является прозвищем. Хотя это определение и стоит в тексте ниже имени, относится оно не к нему, а к последующему слову «князь»: «Мстиславъ великийи оудатныйи князь оумре» — т.е. «Мстислав — великий, удачливый князь — умер». Таким образом, перед нами единичное определение, констатация, что Мстиславу в жизни сопутствовала удача.

Итак,

прозвища древнерусским князьям, как правило, давались не современниками, а потомками. Некоторые же из них, такие, как «Мудрый» по отношению к Ярославу Владимировичу и «Удалой» (равно как и «Удатный») по отношению к Мстиславу Мстиславичу, и вовсе не существовали в эпоху Средневековья: они являют собой фикции, возникшие под пером историков Нового времени.

Источники: Полное собрание русских летописей. Т. 1. М., 1997 (Лаврентьевская летопись); Т. 2. М., 2001 (Ипатьевская летопись); Т. 21. Ч. 1. СПб., 1908 (Степенная книга); Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М. — Л., 1950 (то же в: Полное собрание русских летописей. Т. 3. М., 2001).

Глава 9. Русь и Орда (очерк 1-й): народные восстания и карательные походы

После двух походов на Русь войск Монгольской империи во главе с внуком ее основателя Чингисхана Бату (по-русски — Батый), имевших место в 1237—1241 годах, русские земли оказались в зависимости от монгольских ханов. Поначалу верховными властителями Руси считались великие монгольские ханы, сидевшие в столице Монгольской империи — Каракоруме. В 1260-е годы западный улус Монгольской империи, «улус Джучи», как его называли (по имени отца Батые, которому впервые были выделены во владение территории к западу от Монголии), стал самостоятельным государством, и русские земли стали зависеть теперь только от него. На Руси улус Джучи принято было называть *Ордой**. Зависимость выражалась, во-первых, в утверждении ханами князей на их столах путем выдачи грамот — *ярлыков* на княжение, во-

* Как уже упоминалось в главе 5, традиционное в исторической литературе название «Золотая Орда» появляется в источниках только в XVI веке, когда улуса Джучи уже не существовало. В русских источниках предшествующего периода XIII—XV веков это государство именовалось «Ордой» без какого-либо определения. Первоначальное значение слова «орда» — ставка хана (своего рода кочующая столица государства, существовавшая одновременно с постоянной — городом Сараем на Нижней Волге).

вторых, в выплате дани — *выхода*, а также ряда других поборов, в-третьих, в обязанности оказывать монголам военную помощь*. Хан Орды именовался на Руси *царем* — т.е. императорским титулом, равным титулу императоров Византии и Священной Римской империи.

В исторической литературе до сих пор господствует сложившаяся в XIX — первой половине XX столетия схема развития русско-ордынских отношений. Ее основные положения выглядят следующим образом.

После подчинения Руси Орде начинается и со временем все более нарастает борьба за освобождение от «ига» (как принято называть зависимость от Орды). Сначала происходят народные восстания в городах (в 1262 году — в нескольких городах Северо-Восточной Руси, в 1289 году — в Ростове, в 1327 году — в Твери); Орда постоянно предпринимает карательные походы на русские земли — как в ответ на эти восстания, так и просто с целью устрашения населения. В начале XIV века борьбу за освобождение пытаются вести тверские князья (в первую очередь Михаил Ярославич), в то время как их соперники в борьбе за верховенство на Руси — князья московские — в это время верно служат Орде. Во второй половине XIV столетия московский великий князь Дмитрий Иванович Донской ведет борьбу за свержение ига: победив в Куликовской битве 1380 года, он достигает этой цели, но через два года хан Тохтамыш, разорив Москву, зависимость восстанавливает. Падение ордынского ига происходит в 1480 году, в результате так называемого стояния на Угре.

* Сами завоеватели называли себя монголами, но в Европе, в том числе на Руси, за многоэтничным населением Орды закрепилось название *татары*, восходящее к наименованию одного из монголоязычных племен, которое было перенесено (вначале китайцами) на остальные монгольские племена. После распада Орды этноним «татары» закрепился за рядом народов, сформировавшихся на ее бывшей территории.

Итак, первый этап взаимоотношений русских земель и Орды характеризуется народными восстаниями против ига и карательными походами завоевателей.

Однако при оценке городских восстаний как стадии борьбы за освобождение возникают сложности. Дело в том, что эти восстания не складываются в единую линию противостояния захватчикам. Каждое из них имело свои конкретные причины, и причины очень разные.

В ходе восстания 1262 года из нескольких городов Северо-Восточной Руси — Владимира, Ростова, Суздаля, Ярославля — были изгнаны сборщики дани. И, что может показаться удивительным, в ответ не последовало с монгольской стороны никакой кары! Это удивление рассеется, если учесть наблюдения, сделанные в 1940 году выдающимся знатоком русского Средневековья А.Н. Насоновым. Оказывается, сборщики дани были направлены вовсе не тогдашним ханом Орды — Берке, младшим братом Батыя. Они приехали из Монголии, от великого хана Хубилая. Берке же стремился сделать Орду независимой от имперских властей и взимать дань с подвластных территорий исключительно в свою пользу. И изгнание имперских сборщиков дани было ему только на руку.

Восстание в Ростове в 1289 году произошло в период междоусобной борьбы русских князей, ориентировавшихся на разные силы в Орде. Одни князья опирались на ханов, сидевших в столице Орды Сарае на Нижней Волге, другие — на Ногая, фактически самостоятельного правителя западной части Орды (от Днепра до Дуная). Ростовским княжеством в 1280-е годы владели два брата — Дмитрий и Константин Борисовичи. Константин княжил в самом Ростове, а Дмитрий — в Угличе, втором по значению городе княжества. Дмитрий вошел в число сторонников Ногая, Константин же принадлежал к числу вассалов

лов сарайского хана. В 1288 году Константин Борисович и союзные ему князья сумели лишить Дмитрия Углича. Но в следующем году Дмитрий Борисович не только возвращает себе Углич, но занимает и Ростов, а Константин едет в Орду к сарайскому хану Телебуге. Именно в связи с этими событиями в Ростове появляется татарский военный отряд. Ростовцы восстали против чинимых им притеснений и изгнали татар. Очевидно, что этот отряд был послан в поддержку Дмитрия Ногаем. По возвращении Константина от хана Телебуги братья примирились; Дмитрий, лишившийся военной поддержки со стороны Ногай, признал верховенство сарайского хана и разделил с Константином княжение в Ростове. Кары восставшим не последовало.

В 1327 году в Тверь явился с отрядом ордынский посол, двоюродный брат самого тогдашнего хана Узбека — Чолхан (в русских письменных источниках — Шевкал, а в фольклоре, в посвященной этому событию исторической песне, — Щелкан). Он пришел вскоре после возведения Узбеком на великокняжеский престол во Владимире тверского князя Александра Михайловича. Прибытие послов с отрядами было обычной практикой в то время, особенно после возведения на стол нового князя. Воины отряда Чолхана стали чинить в Твери грабежи и насилия, и тверичи в ответ восстали. Князь Александр поддержал восставших, и ордынский отряд был перебит. В ответ Узбек послал на Тверь крупное войско, зимой 1327—1328 годов опустошившее Тверское княжество; Александр Михайлович вынужден был бежать.

Итак, ясно, что привести восстания 1262, 1289 и 1327 годов под единый знаменатель очень сложно: были различны и ситуации в Орде (борьба за независимость от Каракорума в первом случае, раскол на Волжскую Орду и

Орду Ногая во втором, стабильная ситуация в третьем), и объекты действий восставших (имперские сборщики дани в 1262 году, отряд, присланный в поддержку одному из местных князей, в 1289 году, отряд, сопровождавший ханского посла к великому князю, в 1327 году). Примечательно, что поход ордынских войск в ответ на восстание имел место только в последнем из рассмотренных случаев. А как же быть с тезисом о системе ордынских карательных походов?

В качестве примера таких акций обычно называют походы на Северо-Восточную Русь 1252, 1281 и 1293 годов. Но на самом деле эти походы, как и восстания в русских городах, были вызваны конкретными и различными в каждом случае обстоятельствами.

В 1252 году Батый направил рать на владимирского князя Андрея Ярославича, который был возведен на княжение ранее (в 1249 году) каракорумским, великоханским двором, враждебным тогда Батыю. В 1251 году Батый организовал в Каракоруме переворот и посадил на великоханский престол своего ставленника Мунке (Менгу). После этого он вознамерился передать Владимир старшему брату Андрея, Александру (Невскому), являвшемуся на тот момент князем киевским и новгородским. Андрей, в отличие от Александра, отказался явиться в Орду, после чего на него и было послано войско, разорившее окрестности Владимира и Переяславля-Залесского.

Поход 1281 года, а также еще и поход 1282 года (о котором обычно забывают) были направлены против великого князя Дмитрия Александровича (старшего сына Александра Невского) с целью заменить его на владимирском столе младшим братом — Андреем Александровичем, который обратился к хану Туда-Менгу с жалобой на Дмитрия. Разорилось во время этих походов не все под-

ряд, а только владения Дмитрия Александровича и союзных ему князей. То есть события 1281—1282 годов были вызваны междоусобной борьбой на Руси, а не желанием Орды «устрашить» население.

Поход 1293 года, точнее зимы 1293—1294 годов (так называемая «Дюденева рать», по имени брата хана Тохты, возглавлявшего ордынские войска), был также связан с противостоянием княжеских коалиций, а кроме того, еще и с борьбой сарайских ханов и Ногая за сферы влияния на Руси. Он был направлен из Сарая на князей, являвшихся вассалами Ногая, во главе с тем же Дмитрием Александровичем (который ранее, в 1283 году, с помощью Ногая вернул себе великокняжеский стол, отнятый у него Андреем). Разорены были опять-таки только владения тех князей, кто платил дань не в Сарай, а Ногаю; другое дело, что их владения составляли тогда большую часть Северо-Восточной Руси, отсюда масштабность разорения — было взято 14 городов, в том числе Москва, князь которой Даниил, младший из сыновей Александра Невского, входил в «проногаевскую» коалицию. Ногай, кстати, тоже не раз направлял в Северо-Восточную Русь войска в помощь князьям — своим сторонникам: так было в 1283 году (когда возвратился на престол Дмитрий Александрович), 1289 году (ростовский случай, описанный выше), 1294 году (тогда «Дюденева рать» покинула Суздальскую землю, не выполнив полностью свою задачу, именно из-за приближения отряда, посланного Ногаем); только его отряды не чинили таких масштабных разорений, как войска сарайских ханов.

В «нормальных» же ситуациях никакие походы для «устрашения» не предпринимались: ведь если с подвластной территории исправно поступает дань, зачем отправлять войска убивать плательщиков этой дани и сжигать их иму-

щество? Потомки Чингисхана были хотя и жестокими, но прагматичными правителями, а не маньяками-убийцами.

Таким образом,

пункт первый традиционной схемы развития русско-ордынских отношений — серия восстаний в городах против иноземной власти как этап борьбы за освобождение, карательные походы в ответ на восстания или с целью устрашения — должен отпасть. Народные восстания не складываются в единую цепочку, их причины различны, цель полного освобождения от власти ордынских ханов ни в одном из них не просматривается. Походы ордынских войск на Русь во второй половине XIII века были связаны с конкретными политическими обстоятельствами: в первую очередь с борьбой за власть между русскими князьями и с борьбой за власть в самой Орде.

Литература: Насонов А.Н. Монголы и Русь. М. — Л., 1940; Горский А.А. Москва и Орда. М., 2000; он же. Русь: От славянского Расселения до Московского царства. М., 2004. Часть 4, очерки 2, 3.

Глава 10. Русь и Орда (очерк 2-й): Тверь, Москва и Орда в начале XIV века

Теперь обратимся к пункту второму традиционной схемы развития русско-ордынских отношений: *тверские князья в начале XIV в. возглавили борьбу за свержение ига, в то время как московские в это время были верными слугами Орды.*

Ставшее фактически штампом представление о событиях этого времени таково. Тверской князь Михаил Ярославич, бывший одновременно великим князем владимирским, хотел объединить Русь и подняться на борьбу с ордынским игом. В 1317 году он разбил своего соперника московского князя Юрия Даниловича и сопровождавшее его татарское войско. За это в следующем, 1318 году Михаил был казнен в Орде по приказу хана Узбека. Юрий Московский, в отличие от Михаила Тверского, был верным слугой Орды. Михаил был высоконравственным человеком, а Юрий — вероломным злодеем. Он явился виновником гибели Михаила, признанного позже святым.

Приведенная схема основана на сведениях так называемой Повести о Михаиле Тверском — литературного произведении тверского происхождения, представляющего по своему жанру житие, т.е. имевшего целью канонизацию Михаила как святого. В центре внимания здесь —

события 1317—1318 годов. Однако конфликт Михаила Ярославича с московскими князьями начался много ранее, в первые годы XIV столетия, и был с самого начала тесно связан с русско-ордынскими отношениями. Вспомним события, предшествующие трагической развязке, происшедшей в 1318 году (с оглядкой на традиционную схему).

Во второй половине XIII века в Северо-Восточной Руси существовало 13 княжеств — великое Владимирское, Галицко-Дмитровское (позже разделилось на Галицкое, со столицей в Галиче Мерском за Волгой, и Дмитровское), Городецкое, Костромское, Московское, Переяславское (Переяславля-Залесского), Ростовское, Стародубское, Суздальское, Тверское, Углицкое, Юрьевское и Ярославское. После правления Александра Невского (1252—1263) сложилась практика, при которой ярлык на владимирское великое княжение получал в Орде один из правителей этих княжеств — правда, не всех, а только тех, где правили потомки отца Александра, Ярослава Всеволодича — первого великого князя владимирского, чьи права были признаны Ордой (это значило, что великими князьями не могли стать князья галицко-дмитровские, ростовские, стародубские, юрьевские и ярославские). Владимирское великое княжество было самым крупным. Соответственно князь, получавший ярлык на Владимир, не просто становился сюзереном остальных, но и реально получал в свое распоряжение намного больший потенциал, чем любой другой из князей Северо-Восточной Руси. Неудивительно поэтому, что борьба за великое княжение превратилась на столетие с лишним в определяющий фактор ее политического развития.

В 1263—1271 годах владимирским великим князем был брат Александра Невского, следующий за ним по стар-

шинству из потомков Ярослава Всеволодича — Ярослав Ярославич, князь тверской (отец Михаила Ярославича), затем (1272—1276) младший из Ярославичей — Василий Костромской. В 1277 году на великокняжеский стол возшел старший в поколении внуков Ярослава Всеволодича — переяславский князь Дмитрий Александрович. Но с начала 1280-х годов его права стал активно оспаривать следующий по старшинству сын Александра Невского — Андрей, князь городецкий. Он попытался опереться в этой борьбе на сарайских ханов, а Дмитрий прибег к помощи Ногая, ставшего в тот период фактически самостоятельным правителем западной части Орды. В результате в 1280—1290-е годы князья Северо-Восточной Руси оказались разделены на две коалиции. В сфере влияния Ногая находились, помимо Дмитрия Александровича, князя переяславского и великого князя владимирского, его младший брат, первый московский князь Даниил, двоюродный брат Александровичей тверской князь Михаил Ярославич, а также князья суздальский, юрьевский и дмитровский. На сарайских ханов ориентировались, помимо Андрея Александровича, князья ярославские, ростовские (с оговорками: одно время один из ростовских князей, Дмитрий Борисович, как говорилось в главе 9, входил в число вассалов Ногая) и стародубские.

Борьба между князьями неоднократно принимала вооруженные формы, причем с участием татарских сил. В 1281, 1282, 1285 годах и зимой 1293—1294 годов в Северо-Восточную Русь приходили войска из Волжской Орды, призванные Андреем, зимой 1283—1284, в 1289 и начале 1294 годах — отряды от Ногая, действовавшие в поддержку Дмитрия и его союзников. Андрею удалось утвердиться на великокняжеском престоле только в 1294 году, после смерти Дмитрия. Вторым по старшинству среди

претендентов на великое княжение теперь стал Даниил Московский. В 1296 году он и его союзники Михаил Тверской и Иван Переяславский (сын Дмитрия Александровича) выступили против Андрея, но вмешательство ордынских войск вынудило их пойти на соглашение и признать себя вассалами хана Тохты. В последующие годы Тохта вступил с Ногаем в войну, закончившуюся поражением и гибелью последнего. После этого, в 1300 году, коалиция бывших союзников Ногая в Северо-Восточной Руси распалась: Михаил Тверской перешел в стан союзников Андрея Александровича*. С этого времени он стал противником московских князей.

«Старейшим» в потомстве Ярослава Всеволодича на тот момент был великий князь Андрей Александрович, вторым шел его брат Даниил Московский, и третьим — Михаил Тверской. Но Даниил умер в 1303 году, после чего тверской князь оказался первым, если следовать принятому на Руси наследственному праву, претендентом на великое княжение по смерти Андрея. Кончина Даниила Александровича ранее старшего брата означала, что московские князья выбывают, согласно существовавшим нормам наследования, из числа претендентов на великое княжение. Старший сын Даниила Юрий, ставший московским князем, по родовому счету уступал Михаилу Тверскому — своему двоюродному дяде, а также сыну Андрея Александровича Михаилу — старшему двоюродному брату; ему требовалось пережить их, чтобы получить права на великокняжеский стол. Но кроме родового, су-

* Стремление значительной части князей перейти под сюзеренитет Ногая было связано отчасти с тем, что дань в его пользу собирали сами подчиненные Ногаю князья, а не ордынские чиновники. Причем несмотря на конечное поражение Ногая от сарайского хана, к началу XIV века этот порядок был распространен на всю Северо-Восточную Русь.

ществовал еще «отчинный» принцип наследования — надо было, чтобы отец князя побывал на искомом столе. А поскольку Даниил великокняжеского достоинства так и не достиг, московские князьям грозило навсегда выбыть из борьбы за великое княжение, а Москва могла остаться не более чем столицей периферийного княжества в составе Суздальской земли.

Однако вопрос о великом княжении решался ханским ярлыком. Обычно ханы не нарушали бытовавшие на Руси традиции престолонаследования. Но в принципе правитель Орды мог принять любое решение по поводу любого княжеского стола. И когда в 1304 г. скончался великий князь Андрей Александрович и его наследником надлежало по всем «параметрам» стать Михаилу Ярославичу Тверскому (он остался единственным из поколения внуков Ярослава Всеволодича, и его отец был на великом княжении), претензии на великое княжение предъявил и Юрий Данилович Московский. Оба соперника отправились в Орду оспаривать там друг у друга владимирский стол.

Исходя из схемы, согласно которой Юрий — верный слуга Орды, а Михаил — борец с иноземной властью, следовало бы ожидать поддержки ханом Тохтой московского князя. Однако произошло обратное — ярлык на великое княжение был вручен в Орде Михаилу Ярославичу. Юрий после этого попытался удержать за собой Переяславль, который должен был перейти к новому великому князю*. Тогда Михаил осенью 1305 году направился на

* Ранее, в 1302 году, после смерти бездетного переяславского князя Ивана Дмитриевича, Переяславль-Залесский был занят отцом Юрия Даниилом, родным дядей и союзником покойного владельца Переяславля. В 1303 году хан Тохта оставил его за московскими князьями, но с условием, что Переяславское княжество затем перейдет к преемнику Андрея Александровича на великокняжеском столе.

Москву походом. Вероятно, его сопровождал в этом действии ханский посол с военным отрядом*. Московскому князю пришлось отказаться от Переяславля.

Однако Юрий продолжил борьбу за княжение в Новгороде Великом, которое также считалось частью великокняжеских прерогатив. Тем самым он нарушал волю хана, передавшего великое княжение Михаилу. Только в 1308 году последний смог вступить на новгородский стол, и сразу же после этого вновь ходил на Москву походом. Целью похода было, скорее всего, возведение на московский стол вместо Юрия одного из его братьев, в 1306 году уехавших в Тверь**. Но великий князь не смог в августе 1308 года взять Москву.

Юрий, однако, не смиряется. В 1310 году стало выморочным Нижегородское княжество (бывшее Городецкое) — после смерти сына Андрея Александровича Михаила, не оставившего потомства. По традиции выморочные княжества должны были отходить к великому князю. И Михаил отправился в Орду, чтобы подкрепить это свое право ярлыком. Тем временем Юрий на правах ближайшего родственника (двоюродного брата) умершего князя самовольно, без ордынской санкции, занял нижегородский стол.

Итак, на отрезке от 1300 до 1310 года традиционная схема что-то не срабатывает. Михаил не совершил ни одного хоть сколько-нибудь «антиордынского» действия. Хан Тохта благоволит именно ему, а не Юрию. Московс-

* Скорее всего, именно об этом говорит летописное сообщение о некоей «Таировой рати», хотя бесспорных подтверждений такой интерпретации нет: сообщения о походе Михаила на Москву и действиях Таира дошли в качестве двух самостоятельных известий.

** Один из них, Александр, умрет в 1308 году, другой, Борис, позже вернется к союзу с братом.

кий же князь, борясь с Михаилом, напротив, неоднократно идет вразрез с ханской волей...

В 1312 году умирает хан Тохта, и престол в Орде занимает его племянник Узбек. После этого Михаил, как и положено в таких случаях, отправляется в Орду — кончина верховного правителя требовала обновления ярлыков. Юрий, тем не менее, к новому хану не едет, т.е. с его стороны имеет место еще одно «нелояльное» действие. Михаил задержался в Орде надолго. Это можно было расценить как неподтверждение его великокняжеских полномочий новым ханом. И Юрий возобновляет борьбу за Новгород Великий, где у него было много сторонников. Зимой 1314—1315 годов московский князь восходит на новгородский стол.

Сразу же после этого Юрий получает требование явиться к хану в Орду. Поскольку там по-прежнему находился Михаил, ясно, что без апелляции к Узбеку со стороны великого князя, лишённого Юрием одной из своих прерогатив — новгородского княжения, обойтись здесь не могло. Ну может быть, сейчас события пойдут по известной схеме: хан поддержит московского князя, а тверской выступит в роли борца за освобождение? Ничего подобного! Узбек, как и ранее Тохта, вручает ярлык на великое княжение Михаилу, а Юрия задерживает в Орде. Более того, хан придает Михаилу Ярославичу сильный отряд во главе с послом Таитемером. Михаил и Таитемер в начале 1316 года идут походом на Новгородскую землю. Под Торжком они наносят поражение новгородцам, во главе которых стоял младший брат Юрия Афанасий Данилович (оставленный Юрием при отъезде в Орду наместничать в Новгороде). После сражения Михаил приглашает Афанасия к себе якобы для переговоров, но вместо этого захватывает его в плен; Торжок великий князь подвергает ра-

зорению. Явно что-то не так в нашей схеме — московские князья («верные слуги Орды») опять действуют вразрез с ханской волей, а Михаил («борец с игом») вместе с татарами огнем и мечем идет по Русской земле...

В следующем, 1317 году роли переменялись. Юрий Данилович в результате двухлетнего пребывания в Орде сумел получить расположение хана Узбека. Тот выдал за московского князя свою сестру Кончаку (принявшую православие под именем Агафьи). Главное же — хан сделал то, о чем мечтал Юрий: выдал ему ярлык на великое княжение владимирское. Для утверждения нового великого князя на столе вместе с Юрием на Русь был отправлен ханский посол Кавгадый с отрядом.

Представлял ли контингент, приданный Кавгадыю, крупное ордынское войско? Данных в пользу такой трактовки, часто встречающейся в литературе, нет. Крупные татарские отряды называли на Руси «ратями». К отряду Кавгадыя такое определение не применяется. Имеющиеся сведения о численности военных эскортов, сопровождавших ханских послов, дают цифры от 30 до 1000 человек. Кавгадый называется в источниках «сильным послом», поэтому можно думать, что численность его отряда была ближе к верхней из этих цифр, а возможно, и несколько превышала ее. Но о крупном войске не может быть и речи.

Итак, Юрий и посол Кавгадый приближаются к Костроме. Здесь их встречают Михаил и другие князья Суздальской земли. Ну теперь-то, лишившись ханской поддержки, которая перешла к его врагу, Михаил Ярославич поднимает знамя борьбы за освобождение от ига, которое ему столь упорно стремятся вручить многие современные авторы? Нет, опять все наоборот: Михаил признает переход великого княжения к Юрию и уезжает к себе в Тверь...

Но Юрий не удовлетворяется достигнутым. Осенью 1317 года он вместе с Кавгадыем начинает разорять собственное княжество Михаила, Тверскую землю. В этой ситуации, когда под вопрос ставилась власть Михаила в своей отчине, а может быть, и сама жизнь, тверской князь оказал сопротивление. 22 декабря 1317 года у села Бортеневы в 40 верстах от Твери он нанес Юрию поражение. Новый великий князь бежал в Новгород. Его жена, сестра хана Узбека, и брат Борис оказались в плену. Посол Кавгадый вынужден был пойти на почетную капитуляцию. Михаил пригласил Кавгадыя в Тверь, «почтил» его и отпустил.

Таким образом, Михаил наконец совершил антиордынское действие: он бился с войском, в которое входил татарский отряд. Но можно ли считать это нарушением воли хана Узбека? «Повесть о Михаиле Тверском» сообщает о признании Кавгадыя Михаилу: они с Юрием воевали Тверскую землю «без царева повеления» — т.е. без разрешения хана. Стало быть, Михаил, защищая свои владения, воли Узбека не нарушал... Кроме того, из летописного описания битвы ясно, что отряд Кавгадыя в ней реального участия не принял*: по-видимому, татары рассчитывали, что Юрий справится своими силами, после чего можно будет заняться грабежом.

Но в начале 1318 года произошло событие, ставшее для Михаила роковым. В Твери умерла Кончака-Агафья, жена Юрия и сестра хана Узбека. Некоторые источники зафиксировали версию, что она была отравлена. Большинство исследователей полагает, что это маловероятно, поскольку

* Распространенное мнение о победе Михаила Тверского над татарским войском, таким образом, не имеет под собой оснований: во-первых, у Бортеневы было не войско, а отряд, сопровождавший посла, во-вторых, реально бился Михаил только с войсками Юрия.

Михаил явно стремился не обострять отношений с ханом, и отравление его сестры было бы с его стороны совершенно бессмысленным, если не сказать безумным действием. Но версия прозвучала — и стала одним из обвинений Михаилу. Затаил злобу за свою капитуляцию при Бортеневе и Кавгадый.

Юрий в начале 1318 года выступил против Михаила вместе с новгородцами. На этот раз битвы не произошло. Было заключено соглашение, по которому Михаил и Юрий договорились, что оба отправятся на разбирательство в Орду. Здесь Михаил был обвинен в утайке дани*, умертвлении ханской сестры и сопротивлении послу. Юрий вместе с другими князьями Северо-Восточной Руси поддерживал обвинения. 22 ноября 1318 года Михаил Ярославич по приказу Узбека был казнен.

Итак, мы рассмотрели отношения Твери, Москвы и Орды за период с 1300 по 1318 год. Вывод: Михаил Ярославич не совершил практически ни одного антиордынского действия. Даже события 1317 года можно считать таковым с огромной натяжкой: Михаил сделал тогда все, чтобы не испортить отношений с ханом; нарушителем воли Узбека тверского князя выставили его враги — Кавгадый и Юрий. До 1317 года Орда постоянно поддерживала Михаила, в том числе военной силой. У Юрия такая поддержка появилась только в 1317 году. До этого московский князь не раз действовал вразрез с волей ханов — сначала Тохты, потом Узбека — в ходе своей борьбы с Михаилом. Он делал это в 1305 году (по вопросу о Переяславле), 1305—1308 годах (в связи с проблемой княжения в Новгороде), 1310 году (захват нижегородского княже-

* Насколько верно это обвинение, остается неясным: сам Михаил на суде утверждал, что выплатил все положенное.

ния), 1314—1315 годах (вступление на стол в Новгороде Великом) — итого четыре раза.

Таким образом, противопоставление Михаила как борца с ордынским игом Юрию как прислужнику Орды фактами опровергается. Но может быть, справедливо другое проходящее через работы, посвященные московско-тверскому противостоянию начала XIV века, противопоставление, противопоставление морально-этического порядка — праведника Михаила злодею Юрию?

Если не ограничиваться происходившим в 1317—1318 годах, а учитывать предшествующие события, оказывается, что Юрий не делал ничего, чего бы ранее не делал Михаил.

Юрий принял ярлык на великое княжение из рук хана? Михаил делал это дважды — от Тохты в 1305 году и от Узбека в 1315. Юрий ходил на владения Михаила походом? Михаил ходил на Москву дважды — в 1305 и 1308 годах. Юрий делал это вместе с ханским послом? Михаила в походе на Москву 1305 году, скорее всего, тоже сопровождал посол хана, кроме того, он ходил с послом Таитемером на брата Юрия Афанасия и новгородцев зимой 1315—1316 годов Юрий обвинял Михаила перед ханом? Михаил в 1315 году, несомненно, делал то же: в прославляющей его «Повести о Михаиле Тверском» дипломатично говорится, что тогда между Михаилом и Юрием в Орде «быша пре велице» (т.е. большой спор), но поскольку именно Юрий был в тот момент нарушителем ханской воли (он занял стол в Новгороде Великом, который должен был принадлежать великому князю), почему он и был вызван в Орду, ясно, что в этой «пре» обвинителем выступать мог только Михаил, Юрий в лучшем случае мог пытаться, оправдываясь, выдвинуть какие-то контробвинения.

Откуда же преобладание в исторической литературе черных красок при характеристике Юрия и светлых, когда речь идет о Михаиле?

Представление об этих князьях-противниках сформировано под влиянием одного источника — житийной «Повести о Михаиле Тверском». Это яркое литературное произведение. Автором его был, как выяснил В.А. Кучкин, духовник Михаила — игумен Александр. Естественно, что он писал о своем герое в апологетических тонах, а о его врагах совершенно в противоположных. Всегда ли при этом автор Повести соблюдал объективность? Нет, местами его тенденциозность очевидна. В Повести ничего не говорится о союзнических отношениях Михаила с отцом Юрия Даниилом Александровичем и последующем его переходе на сторону великого князя Андрея Александровича, о походе Михаила к Москве после получения в 1305 году ярлыка на великое княжение, о втором походе на Москву 1308 года. Наконец, рассказав о споре Михаила и Юрия в Орде в 1315 году, автор пишет, что Михаил был отпущен на Русь, и при этом умалчивает, что ему был придан ханский посол с отрядом, не говорит о битве с новгородцами и братом Юрия Афанасием, о вероломном захвате последнего, о разорении Торжка! То есть когда Юрий в 1317 году идет на Русь с ханским послом и ведет наступление на Михаила — это плохо, аналогичные же действия героя «Повести» попросту замалчиваются...

Так что же, спросит читатель, нужно поменять персонажей местами: Михаила считать злодеем из злодеев, а Юрия — борцом с Ордой? Разумеется, такой взгляд был бы столь же далек от истины, как и традиционное представление.

С моральной точки зрения соперники стоили друг друга. Оба не брезговали совместными с татарами военными

действиями на русской территории. Оба стремились добить противника, когда он казался ослабленным: Михаил в 1308 году, Юрий в 1317. Оба нарушали клятву: Михаил в 1300 году изменил союзу с отцом Юрия (а такого рода отношения скреплялись целованием креста, и несоблюдение обязательств — «преставление крестного целования» — считалось тяжким проступком), в 1316 году с помощью обмана захватил Афанасия Даниловича; Юрий в 1305 году нарушил данное им митрополиту Максиму обещание не оспаривать у Михаила великое княжение. В одном отношении Юрий, впрочем, «превзошел» противника. На его совести два убийства — находившегося в Москве с 1300 года в плену рязанского князя Константина (1306 год) и тверского посла Олексы Марковича (1318 год)*. Михаилу молва приписывала отравление жены Юрия Кончаки-Агафьи, но, как говорилось выше, эта версия вряд ли соответствует действительности.

Что касается отношений с Ордой, то в главном позиции Михаила и Юрия были одинаковы: и тот и другой признавали верховную власть ордынского хана, «царя». Но Юрий мог при этом пойти против конкретной ханской воли (если эта воля означала поддержку его противника); Михаил же не поступил таким образом ни разу — его гибель явилась результатом трагического стечения обстоятельств (равно как и то, что Юрий не был наказан за свои нелояльные по отношению к ханам, сначала Тохте, затем Узбеку, действия — не более чем результат удачных для него стечений обстоятельств).

Примечательно, что, став великим князем, Юрий не изменился. Казалось бы, противник повержен, и нет те-

* Убийство посла было вызвано получением вести о смерти в тверском плену жены Юрия.

перь причин проявлять непослушание хану, служи себе ему верно... Тем не менее в 1322 году Юрий не передал собранную в Орду дань, уехав с ней в Новгород. Этим поступком сразу же воспользовался новый тверской князь, сын Михаила Дмитрий. Он приехал к Узбеку с жалобой на Юрия и получил ярлык на великое княжение. Юрий, однако, — опять-таки вопреки воле хана! — продолжал считать великим князем себя (именно с этим титулом он фигурирует в заключенном от его имени Ореховецком договоре Новгорода со Швецией 1323 года), удерживал за собой новгородский стол. В 1324 году ему пришлось отправиться на разбирательство в Орду. Находившийся там же Дмитрий Михайлович не стал ждать ханского решения (которое оттягивалось) и убил Юрия. Это произошло 21 ноября 1325 года, за день до седьмой годовщины гибели Михаила Ярославича. Узбек не простил Дмитрию самосуда и спустя несколько месяцев казнил великого князя.

Однако великокняжеский стол хан передал не занявшему после гибели Юрия московский стол его младшему брату Ивану (Калите), а брату Дмитрия — тверскому князю Александру Михайловичу; похоже, деятельность Юрия настроила хана против семейства московских князей. И только после восстания в Твери против отряда посла Чолхана в 1327 году, которое было поддержано Александром, ситуация изменилась. Иван Данилович, узнав о восстании, поспешил в Орду, участвовал в последовавшем татарском походе на Тверь и получил великое княжение. Правда, не все целиком. Узбек, видимо, чтобы избежать в дальнейшем новых проявлений непослушания со стороны великих князей, чтобы не давать им слишком много, разделил великое княжение: московский князь получил Новгород и Кострому, а сам Владимир и Нижегородское

Поволжье достались суздальскому князю Александру Васильевичу. И только в 1332 году, после смерти Александра, Иван Калита получил великое княжение целиком.

Вот Калите в историографии повезло, он традиционно рассматривается как персонаж положительный. А ведь Иван Данилович-то, в отличие от брата, был действительно верным слугой хана*. И на его совести гибель Александра Михайловича Тверского. Александр, укрывшейся после событий 1327 года в Пскове, в 1336 году приехал в Орду и повинился перед Узбеком. Хан простил его и вернул на тверское княжение. Но в 1339 году Александр Михайлович был казнен в Орде вместе с сыном Федором. Практически никто из историков, занимавшихся этими событиями, не сомневается, что в этой истории имела место интрига Ивана Калиты, опасавшегося возвращения на политическую сцену сильного противника. И тем не менее Иван — строитель российской государственности, «собиратель» земель, а Юрий — персонаж отрицательный. Почему? Потому что боролся со *святым* Михаилом Тверским?

Но святость — понятие не политическое, а духовное. И во всяком случае признание святым не было связано с позицией того или иного князя по отношению к Орде. Так, Дмитрий Донской, победитель Орды на Куликовом поле, святым был признан только через шесть столетий после своей кончины, в 1988 году, во время празднования тысячелетия христианства на Руси. А вот Федор Ростиславич Ярославский, князь, не раз наводивший на своих противников татарские войска (да не отряды послов, как Миха-

* Распространенное в художественной литературе представление, будто Иван Калита мечтал о свержении «ига», но понимал, что время еще не настало, что надо-де копить для этого силы, является ни на чем не основанным вымыслом.

ил и Юрий, а настоящие рати — в 1281, 1282, 1293 годах, вместе с Андреем Александровичем), подолгу живший в Орде, женившийся на ханской родственнице. стал почитаться как святой уже вскоре после смерти... В случае с Михаилом представление о его святости основано было на обстоятельствах гибели тверского князя — мученической кончины. При восприятии этих событий людьми Нового времени срабатывал и срабатывает стереотип секуляризированного сознания: раз человек убит в Орде и признан святым — значит, он должен быть борцом с Ордой. А его противники соответственно — ее прислужниками. Действительность была сложнее. Мученическая смерть Михаила, его статус святого и художественные достоинства посвященного ему литературного произведения не должны заслонять того факта, что тверской князь не был борцом против ордынской власти и что в борьбе за свою собственную власть он использовал те же методы, что и его противник — Юрий Московский. Юрия же можно называть «слугой Орды» только если исходить из того, что ее «слугами», в смысле зависимыми от ханов правителями, были все тогдашние русские князья. При этом Юрий должен быть тогда признан наиболее строптивым из этих «слуг», не в пример строптивее Михаила.

Надо сказать, что противопоставление Михаила как светлой фигуры Юрию как темной личности, в том числе приписывание Михаилу борьбы с Ордой, а Юрию, наоборот, прислужничества ей, не случайно так популярно. Такой взгляд в определенной мере сглаживает реальное явление, имеющее место в отечественной историографии, — рассмотрение истории Руси XIV—XV веков с московоцентричной точки зрения. История Руси ордынской эпохи традиционно воспринимается у нас как история Московского княжества (см. об объективных причинах этого

выше, в главе 6), «возвышения» Москвы*. Михаил Ярославич оказался подходящей фигурой для создания своего рода «немосковского сектора» в этой картине. Дело в том, что его противник Юрий Данилович никогда не был героем москвоцентричной концепции: ведь он не стал предком позднейших московских государей. Вот Иван Калита — другое дело: от него пошло продолжение династии, он сохранил за собой великое княжение до конца жизни (неважно, что оно было получено за участие в разгроме Тверского княжества) и этому деятелю прощалось все... Михаил Ярославич же действовал до того, как Иван Калита сделался московским князем, значит, с этой «священной короной» вроде как и не враждовал (хотя на самом деле Иван всегда поддерживал брата Юрия, и, например, в 1305 году отбил нападение тверской рати на Переяславль; но сам Михаил в этом бою не участвовал, он в то время находился в Орде, стало быть, эти две фигуры вроде как и не пересекались). Он выгодно смотрелся на фоне Юрия если доверять оценкам «Повести о Михаиле Тверском». То есть Михаил хорошо подходил на роль «немосковского» героя в москвоцентричной в целом картине русской истории XIV столетия. А вот его сын, Александр Михайлович, в такой роли никогда не выступал. Между тем он, хотя и не подвергал сомнению верховную власть хана Орды, но (в отличие от отца) действительно бился (в

* Автор этих строк каждый год пожинает результаты такого представления, принимая экзамены на историческом факультете МГУ. Примерно каждый второй студент, получив вопрос «Русские земли во второй половине XIII—XIV в.», начинает рассказывать про Ивана Калиту. Замечание же экзаменатора, что вопрос касается не Московского княжества, а всех русских земель — Киевской, Черниговской, Смоленской и т.д., — повергает отвечающего в ступор (несмотря на то, что этой теме посвящается отдельная лекция): настолько прочно укоренилось отождествление русской истории ордынской эпохи с историей московской.

1327 году) с ордынским отрядом (хотя мог бы попытаться удержать восставших тверичей или по крайней мере отмежеваться от их действий), не разорял (в отличие от Михаила и московских Даниловичей) русские земли вместе с татарами (в 1325 году, правда, сопровождал ордынских сборщиков дани, но военными действиями это мероприятие не сопровождалось), не совершал (в отличие от Михаила и Юрия) клятвопреступлений, наконец, так же как и отец, умер в Орде мученической смертью и был впоследствии признан святым. В чем же «недостаток» Александра Михайловича? Видимо, в том, что его соперником был «неприкосновенный» Иван Калита. Если для того или иного исторического периода имеется московский герой, немосковскому уже места нет...

Само по себе значительное внимание к личности Михаила Ярославича вполне оправдано. Если он не был, как показано выше, борцом с «ордынским игом», это не значит, что тверской князь являлся малозначительной фигурой. Это был видный политический деятель своей эпохи. Он очень много сделал для укрепления Тверского княжества; значителен его вклад в развитие местной культуры. Но порой стремление подчеркнуть значение Михаила для русской истории доходит до курьезов*.

В 2005 году автор этих строк участвовал в проходившей в Твери конференции, посвященной Михаилу Тверскому. Речь шла не об отношениях с Ордой, а о другом сюжете: конференция именовалась «К 700-летию принятия титула “великий князь всея Руси”»: роль Тверского княжества и Михаила Ярославича Тверского в становлении российской государственности». В своем докладе я

* Оговорюсь, что всем сказанным в этой главе автор никоим образом не желает задеть исторические чувства современных потомков средневековых тверичей (среди которых есть и его предки).

приходил к выводу, что говорить о «принятии» Михаилом титула «великий князь всея Руси» нет оснований. До конца XV века это был не титул, а почетное определение, которое в домонгольский период прилагалось к князьям киевским, а с середины XIII века перешло к князьям владимирским, сначала благодаря тому, что они обладали Киевом, а затем (к концу XIII столетия) и непосредственно*. Правление Михаила было важной вехой в эволюции этого определения: при нем утвердилась его полная форма — «великий князь всея Руси» (в домонгольский период применялся вариант «князь всея Руси»), но не более, в официальный титул оно при нем не превратилось. В ходе дискуссии двое участников конференции, причем тверичей, согласились с доводами доклада. С возражениями выступал один участник, автор основного доклада В.А. Кучкин, москвич. Казалось бы, нормальная научная дискуссия, расстановка дискутирующих отнюдь не по городам. Но после конференции, вне ее, начались чудеса.

Сначала в журнале «Древняя Русь» в заметке про конференцию о моем выступлении было сказано, что автор «в своем докладе анализировал встречающиеся в домонгольских текстах формулы великий князь всея Руси и князь всея Руси. Докладчик представил 7 таких примеров. Применялась эта формула, по словам А.А. Горского, исключительно к князьям киевским. Однако далеко не все приведенные примеры показались участникам конференции убедительными». Далее в заметке следовал вдесятеро больший текст, содержащий пересказ возражений на мои тезисы В.А. Кучкина (и только его, поскольку никакие другие «участники конференции» мне не возражали); а о моих возражениях последнему — ни слова... Я посчитал,

* См. об этом сюжете в главе 6 настоящей книги.

что изложение дискуссии, мягко говоря, страдает неточностью. По итогам конференции готовился сборник статей, и в конце своей статьи я сделал сноску со следующим текстом: «Настоящая статья представляет собой расширенный текст доклада, прочитанного на конференции в Твери в декабре 2005 года. К сожалению, в заметке об этой конференции, опубликованной в журнале Древняя Русь (№ 2 за 2006 год), имеется ряд неточностей. Содержание доклада автора этих строк изложено в двух коротких предложениях, после чего вдесятеро больший по объему текст посвящен возражениям ему, приписанным участникам конференции (без каких-либо оговорок вроде отдельным, «некоторым»), из чего у читателя должно сложиться впечатление о единодушном неприятии ими моей точки зрения. На самом деле, несмотря на то, что конференция называлась К 700-летию принятия титула «великий князь всея Руси»: роль Тверского княжества и Михаила Ярославича Тверского в становлении Российской государственности» (т.е. уже в названии утверждался приоритет точки зрения, которую я не разделяю) и проходила в Твери, некоторые ее участники (замечу — тверичи) солидаризировались с автором этих строк в отрицании тезиса о «принятии титула» Михаилом Ярославичем в 1305 году, а с возражениями мне выступал один участник (москвич) — В.А. Кучкин; его критические замечания и приведены в хронике вместо изложения положений моего доклада, о содержании же моих возражений на тезисы В.А. Кучкина хроника не сообщает». Никаких возражений по поводу этого текста не поступило. Присутствовал он и в корректуре сборника. Но в опубликованном тексте сноски не оказалось! Редактор А.Н. Хохлов снял ее без ведома автора — вещь абсолютно недопустимая с точки зрения научной этики, представлений об

авторском праве. Очевидно, текст сноски был расценен как «антитверской»...

Другой пример — книга заслуженного артиста России, исполнителя роли Михаила Тверского в Тверском драматическом театре (в моноспектакле по произведениям Д. Балашова) Г.Н. Пономарева. Она указана в списке литературы к главе, и читатели могут сами оценить написанное там (в том числе попытки оспорить трактовки отношений Твери, Москвы и Орды в моей книге «Москва и Орда», осуществляемые путем известного «полемического» приема — приведения положений оппонента в искаженном виде или вне контекста, очевидно, в надежде, что читатель не станет проверять). Книга изображает Михаила Ярославича апологетически, но не за сделанное им для укрепления своего княжества (для чего, повторяю, есть все основания): задача автора доказать, что Михаил-таки был борцом с властью Орды! Все, кто не согласен, получают клеймо «москвоцентристов»*...

Любая предвзятая позиция, промосковская или протверская, любой «центризм» при изучении истории — бесплодны.

Итак,

тверские князья не вели в начале XIV века борьбы за освобождение от ордынской власти, а московские князья не пользовались в это время особой поддержкой Орды. И те и другие признавали верховную власть ордынских ханов. В то же время некоторые князья могли действовать в

* Удостоился его и автор этих строк, что особенно забавно, учитывая, что (как читатель мог убедиться выше, и из данной главы, и из главы 6) он как раз более чем критически относится к москвоцентричному (и шире — извините за громоздкое выражение — к «северо-восточноцентричному») подходу к русской истории ордынского периода.

определенных случаях вопреки конкретной ханской воле. Наиболее популярные в историографии фигуры — Михаил Ярославич Тверской и Иван Данилович Калита — таких проступков против сюзерена не совершали. Князья, которые проявляли нелояльность, — это Юрий Данилович Московский (он делал это многократно) и Александр Михайлович Тверской.

Источники: Полное собрание русских летописей. Т. 15. Вып. 1. Пг., 1922 (Рогожский летописец); Т. 18. М., 2007 (Симеоновская летопись); Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М. — Л., 1950 (то же в: Полное собрание русских летописей. Т. 3. М., 2001); *Приселков М.Д.* Троицкая летопись Реконструкция текста. М. — Л., 1950; *Кучкин В.А.* Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском // Средневековая Русь. Вып. 2. М., 1999.

Литература: *Насонов А.Н.* Монголы и Русь. М. — Л., 1940; *Кучкин В.А.* Повести о Михаиле Тверском. М., 1974; *Горский А.А.* Москва и Орда. М., 2000; Он же. Всего еси исполнена земля Русская...: Личности и ментальность русского Средневековья. М., 2001; *Пономарев Г.Н.* Бортеневская битва: мифы и реалии. Тверь, 2007; Михаил Ярославич Тверской — великий князь всея Руси. Тверь, 2008.

Глава 11. Русь и Орда (очерк 3-й): свергал ли Дмитрий Донской ордынское иго?

Как выяснено в предыдущей главе, в начале XIV века борьбы за свержение власти ордынских ханов над Русью никто не вел: эта власть рассматривалась в те времена как легитимная. Позднее, согласно традиционной трактовке событий, московский князь Дмитрий Иванович, внук Ивана Калиты, бросает открытый вызов Орде. Противостояние Москвы с Ордой, начавшееся в 1374 году, завершается битвой на Куликовом поле в верховьях Дона 8 сентября 1380 года, в которой войска Дмитрия Ивановича наносят сокрушительное поражение войскам правителя Орды Мамаю. Однако через два года, в 1382 году, новый правитель Орды хан Тохтамыш совершил поход на Русь. Дмитрий не успел собрать войска (понесшие большие потери в 1380 году), и Тохтамышу удалось разорить Москву. После этого зависимость от Орды была восстановлена, выплата дани возобновлена.

Итак, за свержением ига в 1380 году последовало его восстановление в 1382... Такая трактовка порождает, однако, ряд недоуменных вопросов.

Вторая половина XIV столетия была временем падения власти потомков Чингисхана в ряде регионов евра-

зийского материка. В 1350-е годы прекратило свое существование государство Хулагуидов — потомков хана Хулагу, занимавшее территории Ирана и Закавказья, к власти на этих территориях вернулись правители местного происхождения. В 1360-е годы в Китае была свергнута монгольская династия Юань и приведена к власти династия местного происхождения — Мин. Казалось бы, и деятельность Дмитрия Донского надо рассматривать в контексте этих событий. А что видим на самом деле?

Между признанием русскими князьями зависимости от монгольских ханов (40-е годы XIII века) и разрывом Дмитрием Ивановичем вассальных отношений с Мамаем (это случилось в 1374 году) прошло около 130 лет. Между походом Тохтамыша на Москву в 1382 году и ликвидацией ордынской зависимости (традиционно относимом к 1480 году) миновало без малого 100 лет, т.е. почти столько же. Если считать, что Тохтамыш восстановил свергнутое «иго», то почему оно продержалось после этого столь долго, причем в условиях, когда Орда ослабевала, а к середине XV века и вовсе распалась на несколько ханств, а Московское государство, наоборот, усиливалось? Может быть, поход Тохтамыша был событием, сопоставимым с нашествием Батыя? никоим образом. Батый пребывал в пределах Руси около трех с половиной лет, разорил огромную территорию (все русские земли, кроме Новгородской, Полоцкой и частично Смоленской), взял десятки городов. Тохтамыш находился в русских пределах всего около двух недель, кроме Москвы взял лишь три города (Серпухов, Переяславль-Залесский и Коломну), с Дмитрием Донским в бою не встречался. Так что же, может быть, надо объяснять сохранение зависимости в течение еще целого столетия какой-то неспособностью русских людей той эпохи на серьезную борьбу за освобождение, их «раб-

ской психологией»? Традиционная трактовка событий московско-ордынских отношений в эпоху Дмитрия Ивановича, похоже, с неизбежностью приводит к такому невеселому выводу... Но при подобном объяснении непонятно, как наши предки сумели подняться на Куликовскую битву? Куда делась «рабская психология» на годы противостояния с Мамаем? Нет, никак не свести концы с концами...

Ситуация будет яснее, если уделить должное внимание обстоятельству, весьма важному для современников событий. Мамай, противник Дмитрия Ивановича в 1374—1380 годах, не принадлежал к потомкам Чингисхана. В силу этого он не мог стать ханом (по-русски — «царем»). С конца 1350-х годов в Орде началась междоусобица — «замятня», как ее называли на Руси. Появилось несколько претендентов на престол. На этой волне и выдвинулся Мамай. Он имел титул *эмира (бека)*, рассматривавшийся современниками как соответствие русскому «князь»: русские источники, собственно, и именуют Мамаю «князем ордынским». К середине 1360-х годов Мамай сумел взять под контроль западную часть Орды — к западу от Волги. В восточной же, заволжской части, продолжалась борьба, и ханы здесь постоянно менялись. Мамай, будучи всего лишь эмиром, вынужден был править от лица марионеточных ханов, которых временами менял по своему усмотрению.

В силу «нецарского» статуса Мамаю противоборство с ним не колебало ставшее традиционным представление о законности власти хана Орды — *царя* — над Русью. Здесь расценивали ситуацию, при которой реальная власть в Орде находилась в руках не хана, а временщика, как нарушение нормы. «Царь ихъ не владеяше ничимъ же, но всяко старейшинство держаше Мамай»;

«Некоему убо у них худу цесарююще, но все деюще у них князю Мамаю», — писали о ситуации в Орде русские летописцы того времени. Ханов, от лица которых правил Мамай, пренебрежительно именовали «Мамаевыми царями». Соответственно и борьба с Мамаем рассматривалась как выступление против незаконного правителя. Мамай был всего лишь «князем», т.е. равным русским князьям по статусу. Зачем подчиняться равному? И почему бы не воевать с ним?

Поэтому и Куликовская победа для людей того времени была отражением конкретного нашествия, но не свержением иноземной власти вообще. Когда к власти пришел природный хан (т.е. потомок Чингисхана) Тохтамыш (ранее утвердившийся в заволжской части Орды), добивший в конце 1380 года бежавшего с Куликова поля Мамай, в Москве признали его верховенство*. Однако Дмитрий Донской не спешил возобновлять выплату дани, прекращенную в 1374 году. Следствием этого и явился поход Тохтамыша 1382 года.

Отношение к конфликту с Тохтамышем было на Руси совершенно иным, чем к конфликту с Мамаем. Если последний щедро награждается русскими книжниками той эпохи уничижительными эпитетами — он и «поганный», и «безбожный», и «злочестивый» (заметим, что его предшественников — законных «царей» — так не поносили), то по отношению к Тохтамышу ничего подобного не допускалось. Но особенно интересно, как современники мотивировали отъезд Дмитрия Ивановича из Москвы при приближении войск Тохтамыша.

* Победа над Мамаем на Куликовом поле невольно способствовала объединению Орды под властью одного правителя; объективно наибольшую политическую пользу из нее извлек Тохтамыш.

Наиболее раннее летописное повествование следующим образом объясняет поведение великого князя: «Князь же велики Дмитреи Ивановичь, то слышавъ, что сам царь идетъ на него съ всею силою своею, не ста на бои противу его, не подня руки противу царя, но поеха въ свои градъ на Кострому». Это суждение летописца верно лишь в том смысле, что Дмитрий не стал принимать открытого сражения, а не в том, что он вообще отказался от сопротивления: великий князь не поехал на поклон к хану, не пытался с ним договориться; его двоюродный брат, герой Куликовской битвы Владимир Андреевич Серпуховский разбил ордынский отряд у Волока; по словам того же летописца, Тохтамыш «въскоре отиде» из взятой им Москвы, опасаясь контрудара («слышавъ, что князь велики на Костроме, а князь Володимеръ у Волока, поблюдашеся, чая на себе наезда»). Фактически московские князья «стали на бой» и «подняли руку» против «царя». Они отказались только от встречи с ним в генеральном сражении.

Отъезд Дмитрия Донского из Москвы был обычным тактическим приемом правителей Средневековья: считалось (не только на Руси, по всей Европе), что они должны по возможности избегать сидения в осаде — наиболее пассивного вида военных действий. Москва была в то время (после постройки в 1367 году белокаменного Кремля) неприступной крепостью. И взять ее штурмом Тохтамышу не удалось: хан достиг успеха обманом, выманив назначенного Дмитрием Ивановичем руководителя обороны города, литовского князя, внука Ольгерда Остея под предлогом переговоров, после чего он был убит, и ордынские войска ворвались в Москву. Но, как бы то ни было, тактический план великого князя не удался: Москва была разорена, следовательно, кампания проиграна. И в этой си-

туации объяснение отказа от открытого боя нежеланием сражаться с «самим царем» оказывалось, видимо, лучшим в глазах общественного мнения оправданием для князя, более предпочтительным, чем, скажем, ссыла на очевидный факт недостатка сил после тяжелых потерь, понесенных в Куликовской битве*.

Очевидно, таким образом, что представление об ордынском хане как правителе более высокого ранга, чем великий князь владимирский, как о его законном сюзерене, не было уничтожено победой над фактическим узурпатором власти в Орде Мамаем.

Взятие столицы противника — несомненная победа, и Тохтамыш выиграл кампанию. Но верно ли расценивать результаты конфликта с Тохтамышем как полное поражение Москвы, как это обычно и делается? Чтобы усомниться в этом, достаточно задать вопрос: почему же Тохтамыш оставил за Дмитрием великое княжение владимирское? Ведь ранее Мамай дважды — в 1371 и 1375 годах — передавал ярлык на него тверскому князю Михаилу Александровичу. Причем если в первом случае он затем вернул великое княжение Дмитрию (ездившему к нему в Орду летом 1371 года с богатыми дарами), то решение, принятое временщиком в 1375 году, сохраняло силу вплоть до Куликовской битвы. Сам тверской князь под давлением военной силы со стороны Дмитрия и поддержавшей его коалиции многих русских князей вынужден был в 1375 году отказаться от великого княжения и обещал не претендовать на него впредь. Однако не успел Тохтамыш покинуть после разорения Москвы пределы Руси, как Михаил нарушил договор с Дмитрием и поехал к хану, «ища

* Поход Тохтамыша был, кстати, первым после Батыева нашествия приходом на Русь во главе войска хана Орды — «самого царя».

великого княжения». Почему Тохтамышу не передать было ярлык тверскому князю?

Факт разорения ханом Москвы обычно несколько заслоняет общую картину результатов конфликта 1382 года. Тохтамыш не разгромил Дмитрия в открытом бою, не продиктовал ему условий из взятой в конце августа Москвы (напротив, был вынужден быстро уйти из нее, опасаясь контрудара). Более того, московско-ордынский конфликт разорением главного города Северо-Восточной Руси вовсе не завершился. И последующие события совсем слабо напоминают ситуацию, в которой одна сторона — триумфатор, а другая — униженный и приведенный в полную покорность побежденный.

Осенью того же, 1382 года Дмитрий Донской разорил землю рязанского князя Олега Ивановича, принявшего сторону хана во время его похода на Москву и указавшего ему броды на Оке. Той же осенью к московскому князю прибыл от Тохтамыша посол Карач. Целью приезда посла был явно вызов Дмитрия в Орду. Таким образом, сразу после ухода Тохтамыша из пределов Руси Дмитрий не отправил к нему даже посла, ожидая, когда хан сам сделает шаг к примирению. Не торопился великий князь и после приезда Карача — посольство в Орду отправилось только весной следующего, 1383 года. Причем сам Дмитрий не поехал — посольство, состоявшее из «старейших бояр», номинально возглавил его старший сын, 11-летний Василий.

Михаил Тверской тем временем уже полгода как пребывал в Орде, рассчитывая получить от Тохтамыша ярлык на великое княжение. Но планам этим не суждено было сбыться: хан выдал ярлык на Владимир на имя Дмитрия Ивановича. Более того, есть основания полагать, что именно в 1383 году он признал великое княже-

ние наследственным достоянием — «отчиной» московского княжеского дома. Остановимся на этом вопросе поподробнее.

Во второй духовной грамоте (завещании) Дмитрия Ивановича Донского, составленной незадолго до его кончины, весной 1389 года, «великое княжение», т.е. территория, подвластная Дмитрию как великому князю владимирскому, рассматривается как наследственное достояние московской династии: «А се благословляю сына своего, князя Василья, своею отчиною, великимъ княжением». Предшественники Дмитрия — его отец Иван Иванович, дядя Семен Иванович и дед Иван Данилович Калита передавали по наследству только московское княжение. Выбор и утверждение великого князя владимирского со времен Батыея являлись прерогативой хана Орды. Со времен Ивана Калиты московские князья вроде бы фактически закрепили за собой великокняжеский престол — после смерти Ивана Даниловича в 1340 году ярлык на великое княжение получил его сын Семен, после смерти Семена (1353 год) — его брат Иван. Но это вовсе не означало, что ханы не могли передать Владимир другим князьям. И в 1360 году, вскоре после смерти Ивана Ивановича, тогдашний правитель Орды сделал великим князем не его сына Дмитрия (в ту пору девятилетнего), а суздальского князя (вновь получить ярлык на великое княжение для московского князя удалось в 1362 году). Позже Мамай, как говорилось выше, дважды возводил в великокняжеский статус князя тверского. Закрепление великого княжения за московскими князьями справедливо оценивается в историографии как важнейшее политическое достижение Дмитрия Донского, но время и конкретные обстоятельства этого закрепления долгое время оставались непоясненными.

Передача великого княжения по завещанию не отменяла ханской санкции на него — ярлыка. И сын Дмитрия Василий I, и внук Василий II, и правнук Иван III вступали на великое княжение по ханским ярлыкам. Тем не менее преемники Дмитрия Донского явно не сомневались, что великое княжение не уйдет из рук московского княжеского дома. Об этом свидетельствует, кроме упомянутой передачи Дмитрием великого княжения сыну по завещанию (позднее так же поступали и Василий I, и Василий II), тот факт, что Василий Дмитриевич по смерти отца не ездил в Орду за ярлыком (как делали его предшественники), что не помешало приезду оттуда высокопоставленного посла, шурина хана Тохтамыша, который и возвел Василия на великокняжеский стол. Ясно, что объявление великого княжения наследственным достоянием московских князей было с их стороны актом не самозванным, а согласованным с Ордой. Это и позволило наследникам Дмитрия Ивановича быть уверенными, что князья других ветвей не станут претендовать на владимирский стол. Когда же и при каких обстоятельствах произошло признание со стороны Орды принадлежности великого княжения московской династии?

После того как в 1362—1363 годах Дмитрий Иванович утвердился на великокняжеском столе, началась борьба за признание великого княжения «отчиной», наследственным владением московских князей. Зимой 1364—1365 годов суздальский князь Дмитрий Константинович, в 1360—1362 годов занимавший великокняжеский стол, отказался в пользу московского князя от ярлыка на великое княжение, привезенного ему от одного из претендентов на власть в Орде в обмен на поддержку в борьбе с братом Борисом за Нижний Новгород. Последующая попытка Москвы привести в свою волю тверс-

кого князя Михаила Александровича привела к столкновению с Великим княжеством Литовским, правитель которого Ольгерд был женат на сестре Михаила; литовские войска дважды — в 1368 и 1370 годах — доходили до стен Москвы.

В 1370 году Мамай посадил на престол нового марионеточного хана — Мухаммед-Бюлека. Воспользовавшись этим, Михаил Тверской отправился в Орду с жалобой на московского князя. Результатом стала выдача Михаилу ярлыка на великое княжение. Дмитрий Иванович отказался признать ярлык, летом 1371 года сам поехал к Мамаю и ценой богатых даров добился возвращения ему великокняжеских прерогатив. Михаил опять прибег к помощи Литвы и летом 1372 года вместе с Ольгердом двинулся на Москву. Противоборствующие силы сошлись на Оке у Любутска, где было заключено мирное соглашение. Согласно его тексту великий князь литовский признавал «великое княжение» «отчиной» Дмитрия Ивановича. Полтора года спустя, зимой 1373—1374 годов, вынужден был отказаться от претензий на великое княжение Михаил Тверской.

Однако в 1374 году «князю великому Дмитрию Московскому бышесть розмирие съ татары и съ Мамаемъ». Воспользовавшись этим, Михаил Тверской отправил в Орду своих послов, и в июле 1375 года ему снова привезли от Мамаю ярлык на великое княжение. В ответ Дмитрий Иванович двинул на Тверь соединенное войско признававших его власть князей (в него вошли все князья Северо-Восточной Руси, некоторые князья из Смоленской и Черниговской земель, а также новгородцы). Михаил вынужден был капитулировать. Согласно заключенному тогда московско-тверскому договору он признал великое

княжение «отчиной» Дмитрия, а себя — его «молодшим братом», т.е. вассалом.

Таким образом, в 1375 году Орда еще не признавала великое княжение наследственным владением московских князей, коль скоро был выдан ярлык на него представителю другого дома. Дату этого признания нужно искать в промежутке 1375—1389 годов.

В период правления в Орде Мамай, т.е. до осени 1380 года, такое признание было явно невозможно. Вплоть до Куликовской битвы Дмитрий Иванович и Мамай находились в состоянии войны. Ярлык, выданный в 1375 году Михаилу Тверскому, отменен не был, и если бы Мамай одержал в 1380 году победу, он, скорее всего, реализовал бы свое решение пятилетней давности. Следовательно, решение о закреплении отчинных прав на великое княжение владимирское за московскими князьями принимал Тохтамыш (занимавший престол хана Орды с 1380 по 1395 год).

До войны между Тохтамышем и Дмитрием Донским 1382 года этого, однако, произойти не могло. Поскольку Михаил Александрович Тверской отправился осенью того же года к хану, «ища великого княжения», ясно, что на тот момент ханского решения о закреплении его за московским княжеским домом еще не существовало. Тверской князь пребывал в Орде конец 1382 и почти весь 1383 год. Весной 1383 года туда приехало московское посольство. В результате Тохтамыш выдал ярлык на великое княжение Дмитрию Ивановичу, в связи с чем во Владимир приезжал ханский посол Адаш. При этом тверской князь получил определенную компенсацию — Тверское княжество было выведено из-под верховной власти великого князя владимирского.

Итак, признание Тохтамышем наследственной принадлежности великого княжения московскому дому произошло не ранее 1383 года. Поскольку в последующие годы, вплоть до 1389 (когда это признание нашло отражение в тексте духовной грамоты Дмитрия Донского), московско-ордынских переговоров на высоком уровне не проводилось, остается полагать, что Тохтамыш принял решение о предоставлении великого княжения владимирского в отчинное владение московским князьям именно в 1383 году, во время нахождения в Орде посольства, возглавляемого Василием Дмитриевичем. В чем причины такой щедрости хана?

Детали летописных сообщений о посольстве Василия Дмитриевича позволяют полагать, что в ходе переговоров 1383 года выплата дани с территории великого княжества Владимирского за два года правления Тохтамыша была обещана при условии сохранения великого княжения за Дмитрием Ивановичем. Хан предпочел не продолжать конфронтацию с Москвой, учитывая ее явный перевес над другими княжествами Северо-Восточной Руси. Тохтамыш уже готовился вступить в борьбу со своим недавним покровителем — монгольским правителем Средней Азии Тимуром, и по-видимому, ему не хотелось оставлять в тылу сильного врага. Правда, одной рукой одарив Дмитрия, хан одновременно постарался его позиции ослабить. По его решению другие остававшиеся к этому времени самостоятельными княжества Северо-Восточной Руси — Тверское, Нижегородско-Суздальское и Ярославское — выводились из-под верховной власти великого князя владимирского. Тем самым старая система, при которой великим князем становился один из князей Северо-Восточной Руси, получавший определенные властные prerogatives в отношении правителей остальных княжеств, пре-

кращала свое существование. Территория великого княжества Владимирского закреплялась за московскими князьями, они приобретали таким образом наследственный номинальный статус «великих князей всея Руси», но при этом другие княжества становились самостоятельными.

Таким образом, не было ни «свержения ига» в 1380 году, ни его «восстановления» в 1382. Неподчинение узурпатору Мамаю еще не привело к отрицанию верховенства ордынского хана — «царя». Его власть продолжала признаваться; попытка построить с законным ханом отношения без уплаты дани не удалась, но поражение от него не было катастрофой. Конфликт с Тохтамышем закончился обоюдовыгодным соглашением. С точки зрения тогдашнего мировосприятия было восстановлено традиционное положение: в Орде у власти законный правитель, ему уплачивается «выход» — дань.

В исторической памяти главным деянием великого князя Дмитрия Ивановича стала победа над Ордой Мама на Куликовом поле. И это справедливо. Триумф на поле брани всегда заметнее, чем долгосрочные усилия. Но победа на Дону будет окружена тем ореолом, который привычен нам, много позднее самого этого события. Она превратится в символ мужества и воинской славы, будет создан целый цикл произведений, посвященных Куликовской битве; образы, с нею связанные, будут вдохновлять на защиту Отечества не одно столетие. Конкретное же политическое значение Куликовской победы было скромнее ее позднейшего символического значения. Точнее сказать — ее политическое значение понятно только в контексте всей деятельности Дмитрия Донского. Его главной целью было превратить великое княжение владимирское из объекта регулируемых Ордой притязаний правителей разных княжеств Северо-Восточной Руси в свое

наследственное владение, объединить его с Московским княжеством в единое государственное образование. Он добился признания великого княжения своей «отчиной» со стороны Нижегородско-Суздальского княжества, Великого княжества Литовского, Тверского княжества. Оставалось главное признание — со стороны сюзерена, хана Орды. При Мамае этого достичь не удалось, началась московско-ордынская война, из которой Дмитрий вышел победителем*. И только при Тохтамыше эта цель была достигнута, как ни парадоксально — после конфликта, закончившегося в целом военным поражением для московского князя. В наследственном владении Дмитрия оказалась, помимо собственно Московского княжества, большая часть Северо-Восточной Руси. К «великому княжению» относились тогда города Владимир, Кострома, Переяславль-Залесский, Юрьев, Дмитров, Галич Мерский, Углич, а также Ростов, Стародуб и Белоозеро, где сохранялись местные князья, но на правах «служебных князей» великого князя**.

Показателем возросшей мощи Москвы стали события конца 1383 — начала 1384 года. Тогда великий князь литовский Ягайло Ольгердович (в 1380 году бывший союзником Мамае против Дмитрия Ивановича) заключил с Дмитрием Донским договор, по которому он должен был жениться на дочери московского князя, принять православие и даже быть «в воле» его, т.е. признать некоторую степень зависимости от Дмитрия. Правда, этот план не

* Очень вероятно, что начало войны с Ордой Мамае в 1374 году было связано как раз с отказом временщика сделать то, что ранее, в два предшествующих года, сделали Ольгерд Литовский и Михаил Тверской, — признать наследственные права Дмитрия Ивановича на великое княжение.

** «Служебные князья» держали свои владения не по ханским ярлыкам, а по договоренностям с великим князем. С точки зрения Орды их земли были великокняжеским владением.

был реализован, поскольку Ягайло получил более выгодное предложение — жениться на польской королеве Ядвиге и (приняв католичество) сделаться королем Польши. Но само появление такого проекта говорит о степени влияния Дмитрия Донского — наследственного теперь владельца великого княжества Владимирского. Если же говорить об отдаленных последствиях объединения Московского и великого Владимирского княжеств, то оно создало основу государственной территории будущего единого Русского государства — России.

Подведем итог:

Дмитрий Донской не свергал «ордынское иго» в 1380 году, а хан Тохтамыш не восстанавливал его в 1382 году. Великий князь Дмитрий Иванович всю жизнь посвятил достижению не цели полного свержения ордынской власти, а цели превращения великого княжения владимирского в «отчину» московских князей. Необходимым условием этого превращения было признание его со стороны ордынского «царя», чья верховная власть над Русью продолжала в ту эпоху рассматриваться как легитимная. Дмитрию удалось добиться такого признания от хана Тохтамыша в 1383 году.

Источники: Полное собрание русских летописей. Т. 4. Ч. 1. М., 2000 (Новгородская Четвертая летопись); Т. 6. Вып. 1. М., 2000 (Софийская первая летопись); Т. 15. Вып. 1. Пг., 1922 (Рогожский летописец); Т. 18. М., 2007 (Симеоновская летопись); Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М. — Л., 1950.

Литература: Кучкин В.А. Русские княжества и земли перед Куликовской битвой // Куликовская битва. М.,

1980; *Егоров В.Л.* Золотая Орда перед Куликовской битвой // Там же; *Кучкин В.А.* Дмитрий Донской // Вопросы истории. 1995. № 5—6; он же. Договорные грамоты московских князей XIV века: внешнеполитические договоры. М., 2003; *Горский А.А.* Москва и Орда. М., 2000; Он же. Всего еси исполнена земля Русская...: Личности и ментальность русского Средневековья. М., 2001; Он же. Русь: От славянского расселения до Московского царства. М., 2004. Часть 4, очерк 4.

Глава 12. Русь и Орда (очерк 4-й): когда Москва освободилась от власти Орды?

Вопрос, вынесенный в заголовок этой главы, любому, кто имеет хоть какое-то представление об отечественной истории, покажется странным. Со школьной скамьи все знают — ордынское иго пало в 1480 году. Ведь тогда произошло знаменитое «стояние на Угре», когда войска великого князя московского Ивана III и хана Ахмата два месяца стояли по разные берега реки, не вступая в сражение. Затем хан отступил, и зависимость Москвы от Орды прекратилась.

Однако если вы обратитесь к историческим источникам конца XV столетия, то напрасно будете искать там трактовку событий 1480 года как ознаменовавших освобождение от ордынской власти. Противостояние московских и ордынских войск на берегах Угры описано подробно, есть несколько вариантов повестей о нем. Но нигде не говорится не то что о падении многолетней зависимости, нет даже какой-нибудь более скромной констатации — например, что Иван III с этого момента перестал платить дань. Речь в источниках идет только об «избавлении» от конкретного нашествия.

Более того, трактовки событий 1480 года как конца зависимости от Орды вы не встретите и в позднейшее вре-

мя — ни в памятниках XVII столетия, ни в историографии XVIII века. Первым, кто связал их с падением «ига», был, в начале XIX столетия, Н.М. Карамзин. Завершая в своей «Истории государства Российского» рассказ о событиях на Угре, он написал: «Здесь конец нашему рабству». Но даже после Карамзина историки долгое время жестко не связывали освобождение от «ига» со «стоянием на Угре». Такая связь закрепилась в историографии только в XX столетии.

Правда, отражение похода Ахмата упоминается в связи с рассуждениями об избавлении от иноземной власти в двух памятниках середины — второй половины XVI века. Один из них — послание Ивану Грозному (по-видимому, руки его духовника Сильвестра), другой — «Казанская история», произведение о присоединении Казани к Русскому государству. Однако внимательное чтение убеждает, что в обоих памятниках освобождение не связывается именно и только с происшедшим в 1480 году.

В послании Сильвестра о походе Ахмата на Русь говорится в самых общих выражениях: «Гордый царь Ахмать Большая Орды* воздвигъ помысль лукавъ на Русскую землю, со многими орды, съ великими похвалами во многихъ силахъ вооружився, пришелъ на Русскую землю со множествомъ многимъ воинствомъ, великою городостию дышуще, помысливъ высокоумиемъ своимъ и рече: избию все князи русские, и буду единъ властеть на лица всея земли, а не ведый, яко мечъ Божий острица на нь. И восхоте пленити всю Русскую землю...» Здесь нет ни одной конкретной детали, ука-

* К середине XV века Орда распалась на несколько ханств, на Руси их называли «ордами». Территорию между Днепром и Волгой занимала так называемая Большая Орда. Ее хан считался формальным сюзереном остальных — крымского, казанского, сибирского, узбекского. В Москве признавали верховенство именно ханов Большой Орды как наследников единой ордынской державы.

зывающей на то, что речь идет только о походе 1480 года. Далее упоминаются (также в общих выражениях) бегство и гибель Ахмата (погиб он в начале 1481 года в результате нападения ногайских и сибирских татар) и последующее полное уничтожение Орды — она «без памяти разсыпашеся и погибоша» (в действительности Орда прекратила свое существование только в 1502 году). И лишь затем констатируется: «А православныхъ великихъ князей Господь Бог рогъ возвыси и от нечестивыхъ поганыхъ царей свободи».

В «Казанской истории» события излагаются в такой последовательности: Ахмат вступает на ордынский престол, посылает к Ивану III послов с требованием дани за прошлые годы, великий князь отказывается, и «царь» выступает в поход. В рассказе о походе упоминаются река Угра и ряд конкретных деталей событий 1480 года (в том числе и дата). Но, кроме того, говорится о разорении «Орды» (в смысле оставленных Ахматом без защиты степных становищ) служившим великому князю касимовским ханом Нурдовлатом, братом крымского хана Менгли-Гирея, и князем Василием Ноздреватым. В 1480 году ничего подобного не происходило. Возникновению такой легенды могли способствовать события, имевшие место совсем в другие годы. В 1471 году вятчане (жители тогда еще самостоятельной Вятской земли), спустившись, как и Нурдовлат с Василием Ноздреватым по «Казанской истории», в судах по Волге, разорили Сарай — древнюю столицу Орды. В 1472 году отступление Ахмата от Оки (в ходе его первого похода на Москву, о котором речь пойдет ниже) на Руси связывали, в частности, с боязнью, что служилые татарские «царевичи» великого князя Данияр (в то время державший город Касимов на Оке, позже отданный Иваном III Нурдовлату) и Муртоза «возьмут Орду» (оставшуюся без прикрытия степную ставку хана). В 1487 году Иван III посылал Нурдовлата, а в 1490 и 1491 годах его сына

Сатылгана воевать Орду (до военных столкновений в эти годы дело не дошло). В 1501 году на Орду ходил Василий Ноздреватый. Наконец, в 1502 году с Ордой покончил брат Нурдовлата крымский хан Менгли-Гирей.

Далее в «Казанской истории» говорится об отступлении и гибели Ахмата и подводится итог: «И тако скончашася цари ординстии, и таковым Божиим промыслом погиге царство и власть великия Орды Златая. И тогда великая наша Русская земля освободися от ярма и покорения бусурманского».

Очевидно, что в послании Сильвестра и «Казанской истории» события московско-ордынских отношений при Иване III (от вступления Ахмата на ордынский престол, происшедшего во второй половине 60-х годов XV века, до гибели Орды в 1502 году) не расчленены во времени, и освобождение от «ярма» связывается не с одним из них, а с их совокупностью.

Если же обратиться к источникам конца XV столетия, обнаруживаются известия, никак не согласующиеся с тезисом о «ликвидации ига» в 1480 году.

Польский хронист Ян Длугош, умерший в мае 1480 года (т.е. до событий на Угре — они происходили осенью), в своей «Истории» под 1479 год поместил (в связи с темой отношений Польши и Литвы с Москвой) весьма панегирическую характеристику великого князя московского Ивана III. Начинается она с утверждения, что Иван, «свергнув варварское иго^{*}, освободился со всеми своими княжествами и землями, и иго рабства, которое на Московию в течение долгого времени... давило, сбросил». Итак, «стояния на Угре» еще не было, а в Польше уже существовало убеждение, что Иван III покончил с властью Орды...

^{*} Это первый случай, когда к отношениям Орды и Руси применяется термин «иго» (в латинской его форме — *iugum*).

В 1474 году Иван III провел переговоры с правителем Крымского ханства Менгли-Гиреем, враждовавшим с Ахматом. Был составлен проект договора о московско-крымском союзе. В нем не только нет намека на зависимость Москвы от Большой Орды, но Ахмат фигурирует как «вопчий недруг» Ивана и Менгли-Гирея. При этом московская сторона не соглашалась прекратить обмен послами с Ахматом, но примечательно, с каким обоснованием: «Осподарю моему пословъ своих к Ахмату царю как не посылати? — должен был сказать Менгли-Гирею посол Ивана III Никита Беклемишев, — или его послом к моему государю как не ходити? Осподаря моего отчина с ним на одном поле, а кочует подле отчину осподаря моего ежелет; ино тому не мощно быть, чтобы межи их послом не ходити». Обмен посольствами не может быть прекращен, поскольку волею судеб Ахмат — сосед великого князя московского, кочует и кочует себе рядом с его владениями; никакой ссылки на многолетнюю зависимость... Поскольку правящие круги Крымского ханства о факте этой зависимости не могли не знать, следует полагать, что московская сторона дала понять — она более не признает отношений такого рода с Большой Ордой.

Наконец, в Вологодско-Пермской летописи (созданной современниками событий) говорится, что в 1480 году Ахмат в ходе переговоров упрекал Ивана III в неуплате дани («выхода») девятый год. Это означает, что дань перестала выплачиваться в 1472 году. Здесь пора наконец вспомнить, что поход Ахмата 1480 года был вовсе не первым походом хана Большой Орды на Ивана III. До этого уже имели место два такого рода предприятия — в 1465 и как раз в 1472 году.

Ну и что тут такого, может спросить читатель. Ведь согласно традиционному представлению о русско-ордынских отношениях хищники-ханы только и думали о том,

как сходить походом на Русь, поразорять и пограбить, утратить население... Однако факты говорят о другом.

Походы на Москву, возглавляемые самим правящим ханом Орды («самим царем», по выражению русских источников), — явление не просто редкое — уникальное. До эпохи Ивана III был всего один такой поход — Тохтамыш в 1382 году.* Итак, один поход «самого царя» за 220 лет, прошедших между основанием Орды и вокняжением Ивана III (1462 год), и три за 18 лет его правления! Вообще любые походы на Русь, санкционированные правителями Орды, были вызваны конкретными причинами — в первую очередь теми или иными нарушениями вассальных обязательств со стороны русских князей. Чисто грабительские набеги имели место, но исходили от ордынских группировок, не подчинявшихся центральной власти (в XV веке, после распада Орды, таких было немало). Для правителя же, власть которого признается и которому исправно платится дань, посылать войска на верного вассала — нонсенс. Что уж говорить о походе, возглавляемом самим ханом, — для этого требовались более чем веские основания.

Поэтому факт выступления в 1465 году на Москву хана Махмуда, старшего брата Ахмата (именно он тогда правил Большой Ордой), скорее всего, объясняется тем, что ранее, в 1463 году, Иван III присоединил к Москве без ханской санкции Ярославское княжество. Этот поход был сорван из-за нападения на Махмуда тогдашнего крымского хана Хаджи-Гирея (отца Менгли-Гирея). В последующие годы, когда к власти в Большой Орде пришел Ахмат, дань ей продолжала выплачиваться. Тем не менее в 1472 году Ахмат двинулся на Москву. В чем причины этого шага?

* Мамай и Едигей (ходивший на Москву в 1408 году) были не ханами, а временщиками, фактически правившими Ордой, а Улуг-Мухаммед, совершивший набег на Москву в 1439 году, был в это время ханом — изгнанником из Орды.

В конце 1460-х годов Казимир IV, король польский и великий князь литовский, стал претендовать на сюзеренитет над Новгородом Великим (традиционно признававшим своим верховным правителем великого князя владимирского, т.е. в XV веке — фактически московского). В Новгороде было немало сторонников перехода под «руку» Литвы; они, в частности, кричали на вече: «Не хотим за великого князя московского, ни зватися вотчиною его; вольные есмя люди Велики Новгород, а московьский князь велики многи обиды и неправду над нами чинит!» (запомним на всякий случай эти слова). В 1470—1471 годах Казимир добивался у Ахмата союза против Ивана III и признания своих прав на Новгород. Летом 1471 года в Краков прибыло посольство хана, по всей вероятности, с положительным ответом. Но было поздно: Иван III, о реакции хана на претензии короля не знавший, в июле 1471 года нанес поражение новгородцам на реке Шелони и вынудил их признать его власть. Воля хана оказалась, таким образом, пустым звуком. После этого Ахмат и решил наказать своевольного вассала.

29 июля хан с крупными силами подошел к городу Алексину на правом берегу Оки. Гарнизон Алексина оказал упорное сопротивление и задержал противника на два дня. Когда город был взят и сожжен, на левом берегу Оки появились московские войска. Попытка татар переправиться через реку была отбита. И в ночь на 1 августа Ахмат поспешно отступил. Это отступление летописцы 1470-х годов связывали с невиданным явлением — страхом «царя» перед русскими войсками: «и се и сам царь прииде на берег и видево многие полки великого князя, аки море колиблющихся, доспеси же на них бяху чисты велми, яко сребро блистаючи, и въоружены зело, и начат от берега отступати по малу в нощи тое, страх и трепет нападе на нь»; «и бе видети татаром велми страшно, такоже и

самому царю, множество воа русского». Результат конфликта великокняжеские летописцы охарактеризовали как «победу» и «избавление» (замечу, что после «стояния на Угре» писали только об «избавлении»).

Именно после отражения похода 1472 года Иван III перестал выплачивать дань и начал переговоры с Крымом о союзе против Казимира и Ахмата. Это решение далось непросто — есть сведения о наличии в окружении великого князя лиц, выступавших за сохранение прежнего положения дел; сломать более чем двухвековую традицию признания хана Орды верховным владыкой Руси было трудно. Но для этого представился хороший повод — действия Ахмата выглядели как несправедливые, предпринятые при отсутствии какой-либо вины со стороны великого князя. Ведь поход Ивана III на Новгород московская сторона не могла рассматривать в качестве вины перед «царем», поскольку Новгородская земля издревле считалась «отчиной» великих князей, и Орда всегда это признавала. Вспомним теперь резоны, выдвигавшиеся в Новгороде в качестве оснований непризнания власти Ивана III: если носитель верховной власти чинит *неправду* и *обиду*, отношения с ним могут быть разорваны.

Однако, фактически прекратив отношения зависимости с Большой Ордой и заявляя об этом в контактах с третьими странами (Крымом и, судя по известию Длугоша, Польско-Литовским государством), московский князь стремился не делать резких движений в отношениях с самой Большой Ордой, рассчитывая оттянуть новое столкновение. В 1473—1475 годах продолжался обмен послами с Ахматом. Но в 1476 году, когда пошел уже пятый год неуплаты дани, посол хана приехал в Москву с требованием Ивану III явиться к нему в Орду (вызова великого князя к хану не случалось до этого почти столет, со времен Тохтамышша). Великий князь не поехал, и тогда конфликт стал неизбежным.

Памятуя о неудаче 1472 года, Ахмат не выступал во второй поход до 1480 года, пока не договорился о военном союзе с Литвой. Но в Москве о предстоящей отсрочке, естественно, не знали. И нашествие ожидалось уже летом следующего, 1477 года. Как раз к началу лета была завершена работа над великокняжеским летописным сводом. Ее возглавлял виднейший писатель той эпохи — Пахомий Серб, автор многих житий святых. В этом своде последовательно проводилась антиордынская позиция. Были опущены имевшиеся в более ранних летописях — его источниках — места, указывающие на зависимость Руси от Орды; в Повести о нашествии Тохтамыша были пропущены слова, мотивировавшие отъезд Дмитрия Донского из Москвы в Кострому нежеланием противостоять «самому царю»; появились уничижительные эпитеты по отношению к основателю Орды Батыю (чего ранее в литературе Северо-Восточной Руси не было), Тохтамышу (ранее также не встречаются) и к современному, ныне находящемуся у власти «царю» (что прежде также не допускалось) — Ахмату. Помимо этого, в свод 1477 года были включены две особые повести, рассказывающие об отражении нашествий могущественных восточных «царей».

Одна из них — «Повесть о Темир-Аксаке». В ней рассказывается о подходе к русским пределам в 1395 году монгольского правителя Средней Азии Тимура (громившего тогда Тохтамыша) и его отступлении благодаря заступничеству чудотворной Владимирской иконы Божьей Матери. Другая — написанная Пахомием Сербом «Повесть о убиении Батыя». В ней, вопреки исторической реальности (основатель Орды умер своей смертью в середине 1250-х годах), утверждалось, что Батый был убит в 1247 году во время похода в Венгрию православным венгерским королем Владиславом. Целью обеих «Повестей» было показать, что при условии крепости веры можно одерживать победы

и над непобедимыми «царями»: Батыем, разорившим Русь и установившим ее зависимость от Орды, и Тимуром — победителем разорителя Москвы Тохтамыша*.

Таким образом, сторонники независимости Москвы от Орды в окружении Ивана III вели активную «идеологическую» подготовку к отражению нового нашествия Ахмата, целью которой было убедить колеблющихся — против «царя» можно сражаться и можно «царя» одолеть.

Летом 1480 года Ахмат, наконец, двинулся на Москву, и произошло двухмесячное «стояние на Угре», реке, отделявшей московские владения от литовских, противостояние, в ходе которого ни одна из сторон не предприняла решительных действий. Но Казимир IV так и не пришел на помощь Ахмату, и в начале ноября, с началом холодов, хан увел войска в степь.

Таким образом, фактическое прекращение отношений зависимости с Ордой произошло в 1472 году, после первого похода Ахмата на Москву. В 1480 году имело место не «свержение ига», а попытка хана Большой Орды *восстановить* власть над Московским великим княжеством, к тому времени уже не признаваемую. Поход хана был на сей раз основательнее подготовлен, но все равно не принес успеха. После отступления Ахмата и его скорой (январь 1481 года) гибели в результате нападения сибирских татар и татар Ногайской Орды Большая Орда была уже не в силах претендовать на сюзеренитет.

Непризнание ордынской власти произошло в условиях, когда уже начала действовать идея перехода к московскому

* Тимур в 1395 году, скорее всего, не имел цели вторгаться на Русь. Его задачей был разгром Тохтамыша, уничтожение богатых ордынских городов. К русским пределам завоеватель приблизился, преследуя своего врага. Уходить из степи на север, в лесные территории ему было не к чему. Но в исторической традиции уход Тимура от границ московских владений был расценен как чудесное избавление.

великому князю из павшей (в 1453 году) Византийской империи царского достоинства, несовместимого с подчинением ордынскому «царю»*. Таким образом, освобождение совершилось тогда, когда начала преодолеваться прочно укоренившаяся «ментальная установка» о законности верховной власти хана Орды над Русью, причем совершилось почти бескровно (хотя Орда в 1470-е годы переживала последний всплеск своего военного могущества).

В мировой практике обретение страной независимости принято относить ко времени, когда освобождающаяся от иноземной власти страна начинает считать себя независимой, а не ко времени, когда эту независимость признает «угнетающая сторона» (так, в США годом обретения независимости считается 1776, хотя война за освобождения продолжалась после этого еще семь лет, причем с переменным успехом, и Англия признала независимость своих североамериканских колоний только в 1783 году). Поэтому, если ставить вопрос о дате начала независимого существования Московского государства (с конца XV столетия получившего названия Россия), предпочтение следует отдать не 1480, а 1472 году.

Таким образом,

освобождение от ордынской власти было не одномоментным, а растянулось на период с 1472 по 1480 год. Решение о прекращении отношений зависимости было принято в Москве после отражения похода Ахмата 1472 года. Неудача второго похода хана, 1480 года, положила конец претензиям Орды на восстановление этих отношений.

* Уже Василий II неоднократно именуется царем, а Иван III в 1474 году назван так в официальном документе — договоре Новгорода с дерптским епископом; возможно, не случайно это произошло вскоре после отражения похода Ахмата 1472 года. О применении царского титула к русским князьям см. главу 5.

* * *

Теперь настало время подвести итог представленному в четырех главах рассмотрению узловых событий в русско-ордынских отношениях.

В исторической литературе при рассмотрении проблемы образования Московского государства бытуют два тезиса: 1) Москва поднялась благодаря поддержке московских князей Ордой; 2) Московское государство складывалось в упорной и все нарастающей борьбе с ордынским игом. Оба суждения, в принципе вроде бы противоречащие друг другу, могут даже уживаться под обложкой одних и тех же книг: до Дмитрия Донского-де была «поддержка», а боролись с игом другие князья (тверские), а с Дмитрия Донского уже Москва возглавляет борьбу за освобождение. Историческая действительность была очень далека от такого рода схем.

В последние два десятилетия XIII века молодое Московское княжество пользовалось, наряду с рядом других, поддержкой одного из противоборствующих правителей Орды — Ногая, и соответственно находилось в конфронтации с соперниками последнего — сарайскими ханами. В начале XIV века после восстановления единовластия в Орде, московские князья до 1317 года не пользовались ханским благоволением (им обладали как раз князья тверские, которым приписывают «борьбу с игом»), а обретя его, очень скоро (1322 год) утратили. Лишь с конца 1320-х годов последовал 30-летний период, когда Орда лояльно относилась к деятельности правителей Московского княжества. Этот отрезок времени, безусловно, многое дал в плане накопления экономического и политического потенциала Москвы. Можно сказать, что традиционная ордынская политика недопущения чрезмерного усиления кого-либо из вассальных правителей, которая не позволила в конце XIII века подняться в Юго-Восточной Руси Брянску, а в

начале XIV в Руси Северо-Восточной — Твери, в данном случае не сработала. И последовавшие затем, в 1360—1370-е годы, попытки ордынских правителей отнять великое княжение у московского князя не дали результата. А хану Тохтамышу пришлось в 1383 году фактически признать верховенство Москвы в северных и восточных русских землях как необратимую реальность. С конца XIV века соперников среди русских княжеств у нее уже не было, поэтому и рассуждать об «ордынской поддержке» невозможно.

Что касается борьбы за освобождение, то нарастающая борьба против «ига» не прослеживается — ни со стороны князей, ни со стороны народных масс. И дело не в какой-то свойственной нашим предкам покорности, а в особенностях положения Руси по отношению к завоевателям-монголам. В отличие от, скажем, Китая и Ирана, территориями которых монголы завладели непосредственно, и где потомки Чингисхана сменили местных правителей, Русь осталась под властью своих князей. Она не входила непосредственно в состав Орды*. Новым было то, что в Восточной Европе появился центр верховной власти, находившийся вне русской территории. И эта власть имела более высокий ранг, чем власть русских князей, — она была *царской*. Со временем подчинение ордынскому «царю» вошло в традицию, и русским князьям крайне сложно было ее преодолевать.

В результате сознательная борьба за ликвидацию сюзеренитета ордынского хана — «царя» — не прослеживается вплоть до княжения Ивана III. Ранее можно говорить об актах сопротивления представителям ордынской власти, о случаях неподчинения князей конкретной ханской воле, о конфронтации с Ордой, возглавляемой фак-

* Такая ситуация не была уникальной: сохранили своих правителей, признав верховную власть монгольских ханов, многие государства (в том числе Болгария, страны Закавказья).

тическим узурпатором власти (Мамаем и Едигеем*), об обороне своих территорий от походов ордынских войск — но за всем этим не стояло стремление полностью покончить с зависимостью. В глазах московских правящих кругов «царь» (если он реально правил в Орде) являлся легитимным сюзереном великого князя**.

Только к концу правления Василия II и в начале правления Ивана III, когда начала действовать идея перехода к московским великим князьям из павшей Византийской империи царского достоинства, несовместимого с признанием власти ордынского царя, стали происходить сдвиги. В результате после успешно отраженного похода Ахмата 1472 года в Москве возобладало (и то не без борьбы) мнение о возможности непризнания вассальных отношений с «царем», и выплата дани была прекращена. Отражение нашествия 1480 года закрепило суверенный статус Московского государства.

Непосредственные рычаги сдвигов в отношениях с Ордой кроются, таким образом, не столько в изменениях со-

* При эмире Едигее, который фактически правил в Орде, прикрываясь марионеточными ханами, около 20 лет в конце XIV — начале XV века, Москва не платила дань. Едигей в 1408 году совершил поход на Москву (столицу не смог взять, но разорил огромную территорию), однако и после этого не только не возобновились выплаты, но сохранялось состояние войны между Василием I и Ордой. Но после свержения Едигея и прихода к власти «законного царя» отношения зависимости были тут же возобновлены, без всякого давления с ордынской стороны.

** Показательно, что в 1425 году, после смерти Василия I Дмитриевича, соперники в борьбе за московский престол — сын Василия I Василий Васильевич и брат Юрий Дмитриевич — договариваются вынести свой спор на суд «царя», тем самым безоговорочно признавая его верховенство. И в 1431—1432 годах они совершают поездку в Орду, где ханом Улуг-Мухаммедом и решается, в пользу Василия II, судьба великого княжения. А ведь если бы князья стремились освободиться от ордынской зависимости, вторая половина 1420-х годов была для этого подходящим моментом: в Орде шла междоусобная борьба, организовать поход, сопоставимый с Тохтамышевым или Едигеевым, она бы не смогла. Но, очевидно, самая мысль об отрицании верховенства «царя» не приходила тогда еще князьям в голову.

отношения сил, сколько в переменах в восприятии иноземной власти общественным сознанием (другое дело, что эти перемены происходили, разумеется, под влиянием событий в политическом развитии Орды, Руси и Восточной Европы в целом). Как имевшие место периоды длительного фактического непризнания ордынской власти (при Мамае и Едигее), так и само освобождение от ордынской зависимости были инициированы не ослаблением Орды, а неприятием, по тем или иным причинам, ее правителей в качестве законных сюзеренов московских князей. Пока легитимность власти ордынских «царей» не подвергалась сомнению, даже крупная военная победа (на Куликовом поле) не означала ее свержения; но стоило этой легитимности оказаться под сомнением, как падение «ига» стало неизбежным, причем произошло почти бескровно.

Таким образом, хотя объективно противостояние Орде было одним из ведущих факторов формирования Московского государства, субъективно для осознанной борьбы за полное освобождение от зависимости потребовалось преодоление прочно укоренившейся «ментальной установки» о легитимности верховной власти хана Орды над Русью.

Источники: ПСРЛ. Т. 25. М. — Л., 1949 (Московский летописный свод конца XV века); Т. 26. М. — Л., 1962 (Вологодско-Пермская летопись); Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV века. М., 1982; Казанская история. М. — Л., 1955.

Литература: Назаров В.Д. Свержение ордынского ига на Руси. М., 1983; Алексеев Ю.Г. Освобождение Руси от ордынского ига. Л., 1989; Горский А.А. Москва и Орда. М., 2000; он же. Русь: От славянского Расселения до Московского царства. М., 2004. Часть 5, очерк 3.

Глава 13. Об «объединительных процессах» XIV—XV веков

Эпоха XIV—XV столетий в отечественной истории традиционно оценивается как период складывания единого государства, как время объединения русских земель вокруг Москвы. В Московское государство, с конца XV столетия получившее название Россия, вошли восточные и западные русские территории, до Батыева нашествия составлявшие Суздальскую, Новгородскую, Муромскую и частично Черниговскую земли. Территория бывшей Суздальской земли полностью оказалась под московской властью после присоединения Тверского княжества в 1485 году Новгородская земля была присоединена в 1471 году, Муромская — в 1392. К концу XV века сохраняла еще формальную самостоятельность Рязанская земля (она войдет в состав Российского государства только в 1521 году), а также выделившаяся к XIV столетию из Новгородской Псковская земля (она будет присоединена в 1510 году), но обе находились под политическим контролем Москвы. Территории же южные и западные, те, что в домонгольский период входили в состав Киевской, Черниговской (частично), Переяславской (Переяславля Южного), Смоленской, Волынской,

Полоцкой и Пинской земель, оказались в составе Великого княжества Литовского. Это государство возникло в XIII веке на территории этнической Литвы (Аукшайтии и Жемайтии) и вскоре стало присоединять к себе русские земли. К началу XIV столетия под властью Литвы оказались граничащие с ней непосредственно Полоцкая и Пинская земли, к середине XIV века — Воынь*, в 1360-е годах — Киевская, Переяславская и большая часть Черниговской земель, в начале XV века — Смоленская земля. Таким образом, древнерусские, восточнославянские территории к концу XV столетия были поделены между двумя крупными государствами — Московским и Литовским.

В исторической литературе это расширение владений московских и литовских князей за счет соседних с первоначальными территориями их княжеств русских земель оценивается по-разному. Можно, немного упрощая, выделить три подхода**.

1. Московские князья объединяют Русь, противостоя ордынскому «игу»; Литва же, воспользовавшись ослаблением русских земель в результате монгольского нашествия и ордынского «ига», осуществляет экспансию на них и захватывает те земли, что оказались послабее.

2. Деспотическая Москва, опираясь на Орду, осуществляет экспансию на русские земли; некоторые из них, стремясь освободиться от ордынского «ига», переходят под власть литовских князей, несоизмеримо более мягкую, чем московская.

* Соседняя с Воынской Галицкая земля вошла в середине XIV века в состав Польского королевства.

** Следует оговориться, что в работах серьезных исследователей эти подходы не мешали (или по крайней мере не сильно мешали) делать полезные конкретные наблюдения и выводы.

3. Своего рода компромиссный подход: в Восточной Европе было два центра объединения русских земель — Москва и Вильно*.

При этом сторонники всех трех подходов исходили из того, что на Восточно-Европейской равнине в XIV—XV вв. шли закономерные объединительные процессы. Никто не задавался даже вопросом: а почему вообще понадобилось формирование крупных государств?

Вспомним: накануне Батыева нашествия на Руси существовало 12 «земель», как их тогда называли, — Киевская, Черниговская, Волынская, Галицкая, Смоленская, Суздальская, Новгородская, Полоцкая, Переяславская, Рязанская, Муромская, Пинская. Большинство из них были далеко не маленькими государственными образованиями — с хорошее западноевропейское королевство. В конце же XV века на их месте видим два государства, именовавшихся «великими княжениями», — Московское и Литовское, плюс, в качестве рудиментов старой системы, земли Рязанская и Псковская, но обе под контролем Москвы. Причем такая двухполюсная политическая структура на восточнославянской территории определилась еще к концу XIV столетия — уже тогда Литовское и Московское государства намного превосходили по своему могуществу остальные политические образования, хотя в то время еще существовали Тверское, Смоленское, Ярославское княжества, фактически самостоятельная Новгородская земля. То

* Надо сказать, что Великое княжество Литовское, хотя и возникло вне русских земель, было в значительной мере русским государством: языком делопроизводства и литературы там был русский (до XVII столетия!), распространено было православие; государство часто именовалось «Великим княжеством Литовским и Русским». Даже династическая уния с Польшей 1386 года не изменила кардинально эту ситуацию, хотя после нее литовская по происхождению часть знати Великого княжества приняла католичество.

есть за два с небольшим столетия, с середины XIII по конец XV века в Восточной Европе произошел грандиозный территориальный передел. Заметим — произошел он именно в тот период, когда доминирующее положение в регионе занимал улус Джучи — Орда.

Почему же исследователи не задавались вопросом о причинах этого передела? Во-первых, потому, что преимущество крупных государств над небольшими* признавалось априорно. Историки жили и работали в Российской империи, потом в Советском Союзе. Исходя из масштабов современных им границ, казалось, что два государства на восточнославянской территории — и то многовато, что естественная, «правильная» ситуация — это когда все восточные славяне живут в одном государстве, как ныне. Тем более, что ведь это было уже когда-то, до наступления «раздробленности», в Киевской Руси. И дробление на земли виделось временным историческим «вывихом». Он стал исправляться в XIV—XV веках, и это вполне естественно...

Во-вторых, сыграло роль убеждение, что объединительные процессы начались еще до Батыева нашествия, в Северо-Восточной Руси (как вариант — в Северо-Восточной Руси и в Юго-Западной Руси — Галицко-Волынской земле), и затем им надо было только «возобновиться». При таком взгляде «объединительные процессы» смотрелись как нечто перманентное: ведь получалось, что стоило Руси распасться к XII столетию, как тут же (примерно при Андрее Боголюбском, т.е. в том же столетии) начался обратный процесс — объединение! Действительно, получалось, что «раздробленность» — это какое-то историческое «из-

* Точнее — сверхкрупных, потому что по европейским меркам любая из древнерусских «земель» являлась большим государством.

вращение», которое сразу же стали стремиться устранить, а система самостоятельных земель — нечто зыбкое, нестабильное.

В главе 6 уже говорилось, что такое представление ошибочно. Никакого объединения русских земель вокруг Суздальской земли в домонгольскую эпоху не происходило. Суздальские князья участвовали, наряду с черниговскими, смоленскими и волынскими, в борьбе за столы, не закрепившиеся за особыми княжескими ветвями — киевский и новгородский, но не претендовали на земли, за определенными ветвями рода Рюриковичей закрепленные, — это было в домонгольскую эпоху не принято. Ни владимирский князь, главный князь Суздальской земли, ни его родственники в принципе не могли претендовать на столы в соседних землях — Черниговской и Смоленской, причем как на главные столы, так и на второстепенные. Другого же называемого в историографии «кандидата» на роль объединителя — Галицко-Волынской Руси — в домонгольскую эпоху просто не было. Часто встречающаяся дата начала ее существования — 1199 год — не может быть сочтена убедительной. Действительно, тогда волынский князь Роман Мстиславич овладел Галичем, где прервалась местная династия. Но после его гибели в 1205 году за галицкое наследство началась борьба, в которой участвовали, помимо волынских князей, князья черниговские, смоленские, поначалу и суздальские, а также венгры. Только в 1230-е годы сыну Романа волынскому князю Даниилу два раза на короткое время удавалось захватывать Галич, лишь в 1239 году он овладел им надолго, а закрепился в Галицкой земле только после 1245 года. Тот факт, что победу в длительной борьбе за галицкое наследство одержал сын Романа Мстиславича, владевшего Галичем в 1199—1205 годах, создает иллюзию, что

единое Галицко-Волынское государство существовало с 1199 года, как бы с перерывом, занявшим три-четыре десятилетия, начиная с 1205 года.* Но на самом деле в этот «перерыв» Галицкая земля сменила нескольких владельцев, права которых были ничуть не хуже прав Даниила Романовича. Окончательно переход Галича к волынским князьям был закреплен признанием этого факта ханами Орды.

Земли XII — первой половины XIII столетия являлись *стабильными* политическими образованиями. Междоусобная борьба шла за «общерусские» столы (Киев, Новгород, с рубежа XII—XIII веков — Галич) и внутри земель — за перераспределение волостей между членами одной княжеской семьи. На «чужие» земли, принадлежащие иной ветви, князья не посягали (за единичными исключениями), разве что могли спорить за пограничные территории, не имевшие стольных городов. Ситуация изменилась именно в ордынскую эпоху: тогда стали осуществляться присоединения «чужих» территорий. Их называли «примыслами».

Традиционно считается, что расширяли свою территорию Московское и Литовское княжества, а остальные политические образования были жертвами их экспансий (как бы к этим экспансиям ни относиться). Однако на самом деле «примыслы» осуществляли и многие другие князья. А именно: источники зафиксировали факты присоединения тех или иных территорий со стольными го-

* Другим фактором, способствующим живучести этой иллюзии, явилось то, что подробное повествование о борьбе за галицкое наследство дошло до нас в источнике, созданном в кругах, близких к Даниилу Романовичу (в так называемой Галицко-Волынской летописи): Даниил в нем — положительный герой, сражающийся за законную «отчину», другие претенденты на Галич изображены в иных тонах.

родами (т.е. государственных образований, того, что принято называть «княжествами») князьями переяславскими (Переяславля-Залесского), ростовскими, ярославскими, смоленскими, суздальскими, тверскими, рязанскими — всего 18 случаев! (в том числе, например, рязанские и суздальские князья сделали по четыре «примысла»).

Эти факты оставались в тени, поскольку расширение владений этих князей не привело к формированию на основе их княжеств крупных государств, более того, рано или поздно их собственные владения сами стали объектом «примысла» — московского или литовского. Над исследователями довлел конечный результат — победили-то в переделе территорий московские и литовские князья, значит, и важно изучать расширение именно их владений; а временное увеличение владений других князей не представляет интереса. Но современники событий ведь не знали, что через десятилетия или века на карте Руси останутся только Московское и Литовское государства... И внимание только к росту владений московских и литовских князей искажает общую картину. Общая же картина такова: за московскими князьями числится вдвое больше фактов приобретений территорий, чем за иными русскими князьями, но «примыслы», осуществленные последними, также были многочисленны. Поэтому прежде чем рассуждать о московской и литовской «экспансиях», надо признать — передел владений в ордынскую эпоху являлся не особенностью московской и литовской политики, а процессом *всеобщим*.

Но может быть, Москва была пионером в деле «примыслов», а другие княжества просто временно попытались ей подражать, но вскоре поняли несопоставимость своих возможностей в этом деле и перестали стремиться

к увеличению своих территорий? Нет. Среди русских князей начало практике «примыслов» положили вовсе не московские. Их первые приобретения приходятся на рубеж XIII—XIV веков, когда к владениям Даниила Александровича, первого московского князя, удалось присоединить Коломну и Можайск — столицы княжеств из состава соседних земель, соответственно Рязанской и Смоленской. Но к этому времени другие князья осуществили уже немало приобретений. В состав великого княжения Владимирского отошло (в 1277 году) Костромское княжество; Углицкое княжество переходило в 1280—1290-е годах несколько раз из рук в руки — им овладевали ростовские, ярославские и великие владимирские князья; шла борьба (с 1290-х годов) за Переяславское княжество — на него успели претендовать ярославский и великий владимирский князья; смоленские князья овладели (в середине 1290-х годов) сильнейшим княжеством земли Черниговской — Брянским.

Лидерство московских, равно как и литовских князей по части «примыслов» определилось только к середине XIV столетия. Но даже после этого времени приобретение «чужих» владений не стало исключительно чертой политики только Москвы и Литвы. Так, рязанские князья делали приобретения вплоть до 1470-х годов! С другой стороны, московские и литовские князья не всегда только расширяли свои владения, они знали и территориальные потери. В начале XIV века к Москве был присоединен Переяславль-Залесский, но вскоре пришлось передать его в состав великого княжения (которым тогда владел тверской князь); присоединенный в 1310 году. Нижний Новгород затем оказался в составе великого княжения Владимирского, а в 1341 году был передан Ордой суздальским князьям; в 1380-е годы, после поражения от Тохтамыша,

Москве пришлось уступить Рязани ранее приобретенную на ордынской территории Тулу, вернуть Орде захваченные Дмитрием Донским татарские владения в земле мордвы; в начале XV века был утерян в пользу Литвы только что присоединенный Козельск; будучи затем возвращен, в середине 1440-х годов этот город вновь отошел к Великому княжеству Литовскому; несколько раз московские князья теряли приобретенную впервые в конце 1350-х годов Ржеву, переходившую в результате этого то к Литве, то к Твери. Литовские князья соответственно также неоднократно теряли Ржеву; в 1430-е годы они утрачивали Козельск и Тулу (ранее перешедшую к Литве от Рязанского княжества).

Механизмы «примыслов», основания, по которым делались приобретения, были разнообразны. Здесь и право великого князя на ставшие выморочными княжества, и право близкого родства с прежним князем, и передача ханом Орды по ярлыку — один из самых распространенных способов, «купля»-покупка (причем она могла подкрепляться санкцией Орды, а могла нет), передача территорий побежденного противника в качестве платы за союзническую помощь, передача князем своих владений под власть великого князя с переходом в статус князя «служебного», передача территории по договоренности между князьями, наконец, прямой захват силой. Например, Нижегородское княжество несколько раз переходило из рук в руки. В 1310 году московский князь Юрий Данилович овладел им по праву своего ближайшего родства с предыдущим князем, не оставившим прямых наследников. В 1320 году, когда умер княживший в Нижнем Новгороде брат Юрия Борис, княжество отошло в состав великого княжения Владимирского. В 1341 году хан Узбек своим ярлыком отдал Нижний Новгород суздальскому

князю Константину Васильевичу. В 1392 году хан Тохтамыш вручил ярлык на нижегородский стол великому князю московскому Василию Дмитриевичу. Но после этого еще трижды — в 1408, 1423 и 1445 годах — ордынские ханы возвращали нижегородское княжение князьям суздальской династии.

В период до XV столетия подавляющее большинство «примыслов» осуществлялось при том или ином участии Орды. За это время из 40 приобретений, сделанных русскими князьями, для 29 имеются прямые или косвенные данные об ордынской санкции на территориальное изменение. Это могла быть или просто передача территории по ярлыку хана, или закрепление ярлыком «примысла», для которого были и иные основания — например, право великого князя на выморочные владения или купля.

Примечательно, что практически всегда, когда происходили «примыслы» русскими князьями русских же территорий, для этого наличествовали те или иные «правовые», с точки зрения той эпохи, основания. Они могли быть весьма зыбкими, но они были. Это могло быть право родства с прежним князем, право великого князя, договоренность князей, когда владетель княжества добровольно переходил в статус «служебного» князя по отношению к князю великому. Наконец, несомненно правовым основанием считался ханский ярлык — воля верховного правителя.

А как же случаи прямого захвата? — спросит читатель. Такие действительно были. Но захватывались чисто силовым путем территории, не принадлежавшие русским князьям! Это могли быть владения Орды: так, в 1370-е годы московский князь Дмитрий Иванович и рязанский Олег Иванович захватили «места татарские» — владения Орды в земле мордвы; Дмитрий тогда же овладел Тулой,

которая была городом на ордынской территории. Это могли быть бывшие русские территории, захваченные Литвой. Показательный пример — Ржева. Некогда она была центром русского княжества (в составе Смоленской земли), затем, в конце 1350-х годов, была присоединена к литовским владениям, и после этого московские князья стали вести вооруженную борьбу за ржевские территории и несколько раз овладевали Ржевой.

Таким образом, московская экспансия, традиционно признаваемая «жесткой», силовой (причем независимо от того, как ее оценивает тот или иной автор — положительно или отрицательно), оказывается, всегда опиралась на правовые основания!.. Лишь после освобождения от ордынской зависимости московский великий князь, Иван III, провел присоединение двух крупных политических образований чисто силовым путем. Это были Новгородская земля (в 1478 году) и Тверское княжество (в 1485 году)*. До этого сила если и применялась, то лишь как подкрепление в конкретных обстоятельствах решения, носившего «правовой» характер: так было, например, в Ростове в 1328 году и в Нижнем Новгороде в 1392 — в обоих случаях посылались военные отряды, приводившие недовольных к покорности, но основание присоединения было самое что ни на есть легитимное (по меркам тех времен) — ханский ярлык.

В главе 12 говорилось, что распространенный тезис о некоей особой поддержке московских князей Ордой фактами политической истории не вполне подтверждается. Оказывается, что не подтверждают его и наблюдения над тем, какова была доля «примыслов», осуществленных при

* Основания для присоединения, впрочем, выдвигались и в этих случаях, но чисто демагогические.

участии Орды, от числа всех приобретений. У московских князей присоединения, сопровождавшиеся ордынской санкцией, составляют 47% — менее половины. Другие же русские князья сделали с ордынской помощью 72% приобретений (почти три четверти), в том числе князья Северо-Восточной Руси — 85%...

До сих пор речь шла о «примыслах» русских князей. А что же литовские? Была ли экспансия Литвы действительно относительно «мягкой»? Спасала ли она русские земли от ордынского «ига»?

Нет, оказывается, литовская власть не несла освобождения от ордынской дани. Сохранился ярлык хана Тохтамыша великому князю литовскому (и одновременно польскому королю) Ягайло. В нем оговаривается продолжение выплаты «выхода» с русских земель, входивших в состав Великого княжества Литовского. А позднее, уже в конце XV — начале XVI века, крымские ханы, считавшие себя наследниками Орды, продолжали выдавать великим князьям литовским ярлыки на русские земли, а те по-прежнему платили дань — в то время, когда Великое княжество Московское уже этого не делало! При переходе той или иной территории под власть литовских князей они заключали договоренности с Ордой, по которым в обмен на ханскую санкцию на присоединение обязывались продолжать выплачивать дань.

Если посмотреть на способы литовских «примыслов», то никак не получится определить экспансию Литвы как мягкую. Присоединения русских территорий к Великому княжеству Литовскому часто делались путем прямого силового захвата. Силой были присоединены южная часть Черниговской земли (в 1360-е годах), Киев (в начале 1360-х годов), Смоленская земля (в 1395 году, а затем,

после того как местные князья ненадолго вернули себе власть, в 1404 году), Козельск (в начале XV века).

Высокая доля «примыслов», осуществленных с санкции Орды, естественным образом порождает вопрос: а не была ли Орда инициатором передела владений, не стремились ли ордынские власти осознанно к демонтажу системы «земель», существовавшей на Руси, — в целях укрепления своего господства? Ответ на этот вопрос следует все же дать отрицательный. Дело в том, что крайне редки случаи, когда ханы Орды выступали инициаторами территориальных изменений на Руси. Так было, по-видимому, с Брянским княжеством, переданным ханом Тохтой в середине 1290-х годов смоленским князьям, и так было в случае, когда Узбек в 1341 году выделил из состава великого княжения Владимирского Нижегородское княжество и передал его суздальскому князю. В остальных случаях инициатива исходила от русских (или литовских) князей. Орда только поддерживала эту инициативу*. Но, конечно, само по себе появление в Восточной Европе в 1240-е годы центра верховной власти, расположенного вне русских земель, создавало возможности для территориального передела. Хан мог в принципе принять любое решение в отношении любого княжеского стола. На практике ханы обычно следовали нормам наследования, принятым на Руси: в огромном большинстве случаев княжеский стол переходил к законному преемнику. Но при возникновении тех или иных спорных ситуаций побеждал тот, кому удавалось подыскать какое-либо «правовое» основание и

* Кстати, поддерживала не всегда. Например, когда умер хан Узбек, князь московский и великий князь владимирский Семен Иванович попытался добиться от его преемника Джанибека возвращения Нижнего Новгорода в состав великого княжения. Но хан отказал, и Нижний Новгород остался владением суздальских князей.

заручиться поддержкой при ханском дворе. Князья (русские и литовские) стали активно пользоваться этими возможностями.

Итак, процессы, шедшие на русских землях в XIV—XV веках, не могут быть определены только как «объединительные». Более того, вначале ни о каком стремлении к объединению речь не шла. Политические силы стремились, пользуясь ситуацией, расширить пределы своей власти. Передел территорий был явлением всеобщим; расширение владений именно и только московских и литовских князей оказалось в центре внимания историков потому, что с определенного времени именно они стали больше других преуспевать в этом деле, владения же других правителей сами в конце концов становились объектом «примысла». И только после закрепления за московскими князьями статуса владимирских великих князей, что было равнозначно «великим князьям всея Руси»*, т.е. с конца XIV столетия, можно говорить об осознанном стремлении с их стороны к объединению всех русских земель под своей властью.

Эпоху со второй половины XIII по конец XV века на восточнославянской территории можно определить как эпоху территориально-политического передела, приведшую к смене системы «земель» двухполюсной системой, при которой господствовали два крупных государства — Московское и Литовское.

Источники: Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М. — Л., 1950; Грамоти XIV ст. Київ, 1974; Полное собрание русских летописей.

* О титулатуре русских князей см. в главе 6.

Т. 15. Вып. 1. Пг., 1922 (Рогожский летописец); Т. 25. М. — Л., 1949 (Московский летописный свод конца XV века).

Литература: Пресняков А.Е. Образование Великорусского государства. Пг., 1918; Черепнин Л.В. Образование русского централизованного государства в XIV—XV вв. М., 1960; Греков И.Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды. М., 1975; Пашуто В.Т., Флоря Б.Н., Хорошкевич А.Л. Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. М., 1982; Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984; Горский А.А. Русь: От славянского Расселения до Московского царства. М., 2004. Часть 4, очерк 4. Часть 5, очерк 1; он же. Восточная Европа в XIII—XV вв.: от «земель» к «великим княжениям» // Вестник истории, литературы и искусства. Т. 2. М., 2006.

Глава 14. «Холопство» московской знати

В Средневековой Руси, со времен Древнерусского государства вплоть до эпохи Петра I, существовали люди, находившиеся в полной собственности господ, говоря в категориях современной науки — рабы. Для их обозначения использовался главным образом термин *холоп**. Холопы могли выполнять земледельческие работы, могли быть домашними слугами, нередко составляли вооруженную свиту знатного человека, могли занимать и административные должности в княжеском или боярском хозяйстве. Но всех их объединяло одно — они были бесправны с юридической точки зрения. За совершенные холопами правонарушения и преступления отвечали не они сами, а их господа, холопы не могли выступать в суде (за исключением особо оговоренных ситуаций), жизнь и имущество холопа были полностью во власти господина. Убийство господином своего холопа порицалось как грех перед Богом, но не считалось преступлением — «душегубством»**.

* Слово «раб» в те времена было в основном книжным; в живой речи и в законодательных документах применялся термин «холоп».

** Убийство чужого холопа рассматривалось как преступление, но потому, что оно наносило ущерб его господину, т.е. как преступление не против самого холопа, а против его владельца.

В то же время с конца XV века, с княжения Ивана III, распространяется примечательное явление. Представители знати Московского государства — вначале бояре, а затем вообще все служилые люди в обращениях к государю — великому князю, позже царю — именуют себя его «холопами». То есть холопами называют себя люди, положение которых, конечно же, реально было очень далеким от положения настоящих холопов. При этом примечательно, что представители других слоев населения в обращениях к государю холопами себя не именуют. Крестьяне называли себя в челобитных на государево имя «сиротами твоими», а духовенство — «богомольцами твоими». Получается, что знать в XVI—XVII веках определяла себя самым приниженным образом! Положение изменилось при Петре I, который в 1702 году отменил все прежние обращения: отныне все подданные, независимо от сословного статуса, должны были называть себя в обращениях на высочайшее имя «рабами» его Величества. Это правило было отменено лишь при Екатерине II.

Интерпретация этих фактов кажется вроде бы очевидной. Самодержавная, деспотическая власть подавляла всех, и даже знать по отношению к самодержцу была бесправна, как рабы. Крестьяне фактически были рабами своих господ, а сами эти господа — рабами царя! Вот оно, «извечное холопство» русского народа, рабская душа его... Сразу вспоминаются слова Чернышевского, затем повторенные Лениным, о «жалкой нации, нации рабов», в которой «снизу и доверху все сплошь рабы», слова Чехова о «выдавливании из себя раба». Правда, названные авторы имели в виду Россию XIX и (Ленин) начала XX века, но ведь истоки явно ведут в Средневековье и ярче всего проявляются в этом самоуничижении знати, которая сама себя именует «холопами» государя! Эффектная фраза Ле-

нина (из статьи «О национальной гордости великороссов»): «Никто не повинен в том, ежели он родился рабом; но раб, не только чуждающийся стремлений к собственной свободе, но оправдывающий и прославляющий свое рабство — такой раб есть достойный законного негодования, презрения и омерзения холуй и хам» — это, конечно, о его современниках, но разве не подходит она к русскому боярину конца XV века, пресмыкающемуся перед великим князем, пишущему ему — «холоп твой имярек челом бьет»?

Некоторое сомнение может возникнуть, правда, если обратить внимание на уже отмеченный выше факт — что крестьяне, т.е. люди, намного более близкие по своему положению (особенно экономическому) к холопам, в челобитных на государево имя «холопами» не именовались, а называли себя куда менее уничижительно — «сироты». Получается, что вотчинники и помещики, т.е. господа крестьян, по отношению к государю — рабы, а зависимые от них люди — нет... Но в целом изложенная интерпретация самоименования представителей знати Московского государства «холопами» государя выглядит логичной. И она присутствует в той или иной мере во многих работах — исследовательских и научно-популярных.

Однако, если обратиться к историческим источникам, картина окажется совсем не такой простой. Начнем с самого, пожалуй, красноречивого примера.

В 1523 году крымский хан Саадет-Гирей, только что вступивший на престол, прислал письмо великому князю московскому Василию III. Говоря в нем о своих отношениях с соседями, правитель Крыма писал: «И как салтан Сюлеймен Шаг — таков у меня брат есть, так же и астороканской Усейн-царь — то мне брат же, а и в Казани Саип-Гирей царь — и то мне родной брат, и с ыную

сторону казатцкой царь — то мне брат же, а Агыш князь — мой слуга, а с сю сторону черкасы и тюмени — мои же, а король — *холоп мой*, а волохи — и то мои нутники и стадники» (выделено мной. — А. Г.). В этом перечне как «братья», т.е. равные по статусу крымскому хану правители, определены турецкий султан Сулейман Великолепный, астраханский, казанский и казахский ханы (в русском переводе — «цари»). Подчеркнуто более низкое, зависимое положение ногайского князя (мурзы) Агыша, северокавказских черкесов и татар, а также волохов (предков молдаван). «Король» же, упомянутый в письме, — т.е. Сигизмунд I Старый, король польский и великий князь литовский, назван «холопом» Саадет-Гирея!

Исследователи, приводя данный текст, комментируют его как «несомненное бахвальство», «явно неправдоподобную картину». Однако что здесь неправдоподобно? В именовании соседних правителей «братьями» ничего необычного нет (казанский хан Сахиб-Гирей назван «родным братом» тоже в соответствии с реальностью — он таковым Саадет-Гирею и приходился). Указание на зависимость от крымского хана части ногаев и населения Предкавказья также не противоречит действительности: своих ханов у этих народов не было, и правитель Крымского ханства, считавшегося главным наследником былой Орды, часто признавался ими номинальным сюзереном. Определение в качестве «нутников и стадников», т.е. торговцев скотом и пастухов хана молдаван не тянет более чем на незначительное преувеличение, поскольку они зависели от турецкого султана — покровителя Саадет-Гирея. Таким образом, неправдоподобным бахвальством кажется именно и только определение короля Сигизмунда как «холопа» (русский термин здесь является переводом тюркского *кул* — раб). Действительно, назвать короля холопом — ну не хулиганство ли?..

Но в том-то и дело, что признать этот случай единичным проявлением какой-то нелепой дерзости хана Саадет-Гирея невозможно. Оказывается, что именовании знатных людей, в том числе правителей государств, «холопами» в источниках конца XV — начала XVI века немало.

Во-первых, так именовали себя в обращениях к крымскому хану крымские вельможи, а также те ногайские князья, которые признавали свою зависимость от Крыма. Во-вторых, так нередко называли... Ивана III — того самого правителя, по отношению к которому его собственные бояре начали именовать себя «холопами»! Кто называл таким образом великого князя московского? Это делали в политической переписке между собой его враги — хан Большой Орды, сын Ахмата, Ших-Ахмет (а также его главный вельможа Тевекель) и великий князь литовский Александр Казимирович. «Холопом» Иван III в их посланиях называется по отношению к ханам Большой Орды — Ших-Ахмету и его отцу Ахмату. Причем в одном послании 1502 года, отправленном Тевекелем Александру, утверждается, что Иван сам предложил Ших-Ахмету — «ратай (т.е. пахарь. — А. Г.) и холоп его буду» (об этом факте мы еще вспомним ниже). Что это, просто злобная брань в адрес политического противника? Нет, поскольку «холопом» своим Ших-Ахмет называл в письме к Александру Казимировичу и бывшего тверского князя Михаила Борисовича, жившего в Литве и являвшегося в обстановке конфликта Москвы с Великим княжеством Литовским и Большой Ордой на рубеже XV—XVI веков потенциальным союзником хана. Кроме того, есть и другие факты именовании высокопоставленных лиц «холопами». Афанасий Никитин в своем «Хождении за три моря» (конец 1460 — начало 1470-х годов) дважды называет «холопами» видных индийских вельмож: в одном случае по от-

ношению к султану Мухаммеду-Шаху III, в другом — по отношению к его великому везиру. В 1483 году правитель Грузии Александр в письме к Ивану III именуется себя «холопом» московского великого князя («менший твой холоп Александр челом бью»).

Суммируя изложенные данные, можно констатировать три вещи. Во-первых, определение знатных лиц как «холопов» тех или иных правителей широко бытовало за пределами Руси, в других странах Восточной Европы: в Орде, Литве, Грузии*.

Это значит, что оно не может восходить к внутрислужбским социальным реалиям, не может быть уподоблением отношений правителя и знати отношениям господ и их рабов. Невозможно ведь предположить, что в столь разных по своим языкам и культуре государствах дружно бросились бы переносить на отношения между знатными людьми, правителями государств понятие, использующееся на Руси в сфере отношений рабов и их владельцев. Во-вторых, термин «холоп» использовался в *межгосударственных* отношениях: он обозначал зависимого правителя, «вассала». В-третьих, правителями, по отношению к которым другие носители власти определяли себя как «холопов», были по преимуществу ханы — порусски «цари».

Но примеры именованья знатных людей «холопами» уходят в гораздо более ранние времена, чем конец XV века.

* В Московском и Литовском государствах применялся при этом собственно термин «холоп», в государствах — наследниках Орды — его турецкий эквивалент «кул» (переводившийся в московской и литовской великокняжеских канцеляриях как «холоп»). Письмо грузинского правителя сохранилось только в русском переводе, поэтому неясно, какое слово стояло в оригинале (существует предположение, что он был написан по-гречески; тогда «холопу» должно было соответствовать греческое «дулос» — раб).

Сохранился подробный рассказ о споре, произошедшем в Орде в 1432 году между московскими князьями — Василием II Васильевичем и его дядей Юрием Дмитриевичем: они спорили перед ханом Улуг-Мухаммедом о том, кому должно принадлежать великое княжение. Согласно летописному тексту боярин Василия И.Д. Всеволожский обратился к хану со льстивой речью и начал ее так: «Государь волный царь, ослободи молвити слово мне, холопу великого князя».

Еще более ранние примеры находим в Галицко-Волынской летописи — памятнике второй половины XIII века. В 1245 году князь Даниил Романович, владевший на тот момент Волынью и Галичиной, вынужден был поехать к Батюю, чтобы, признав зависимость от него, получить подтверждение своих владельческих прав. Рассказав об этом визите, летописец горестно восклицал: «О злее зла честь татарская! Данилови Романовичю князю бывшу велику, обладавшу Русскою землею, Киевом и Володимером (Владимиром-Волынским. — А. Г.) и Галичем со братом си, инеми странами, ныне седить на колену и холопом называется (*вариант* — называет и), и дани хотять, живота не чаеть, и грозы приходять». Эмоциональный характер данного отрывка может создать впечатление, что здесь *холоп* является метафорой — «унизился, как холоп». Но по прямому смыслу текста речь идет о **наименовании** Даниила «холопом», после чего следует отнюдь не метафорическое «дани хотят». Если правильно чтение «называется», то Даниил сам назвал себя «холопом» хана, если «называет и» (т.е. называет его, «и» здесь — не союз, а местоимение «он» в родительном падеже) — то его поименовал своим холопом Батый.

В рассказе той же летописи о походе монгольского полководца Бурундая в 1259 году на Польшу через галиц-

ко-волынские земли подробно описан эпизод, происшедший под городом Холмом, принадлежавшим Даниилу Романовичу. Сам Даниил при приближении татар уехал в Польшу, а с войском Бурундай вынужден был пойти его брат Василько. Гарнизон и жители Холма затворились в городе. Бурундай, увидев, что Холм хорошо укреплен, послал Василька уговорить горожан сдаться. Он отправил с Васильком трех татар и толмача, знавшего русский язык. Василько из-под городской стены стал кричать: «Костянтине холопе, и ты, другии холопе Лука Иванковичю! Се город брата моего и мои, передайтесь!» При этом он применил хитрость — бросал вниз заранее заготовленные камешки, подавая знак, чтобы горожане не сдавались, а готовились защищаться. Один из тех, к кому князь обращался, Константин, понял знак и с притворным гневом погнал Василька от города. Татары передали Бурундаю содержание диалога, и тот ушел из-под Холма, отправившись в Польшу. Лица, к которым обращался Василько Романович, — наместники Даниила в Холме. Холм был резиденцией Даниила, и его наместниками вряд ли могли быть люди холопского звания; про одного из них, Луку Иванковича, это можно утверждать со стопроцентной уверенностью, поскольку холоп не мог называться по отчеству; другой, Константин, по мнению ряда исследователей, отождествляется с одним из князей рязанского дома, пришедшим на службу к Романовичам. Почему же эти люди названы были Васильком «холопами»?

Здесь следует обратить внимание, что и речь Василька, и другой приведенный выше эпизод с именованием знатного человека «холопом» князя — речь боярина Ивана Всеволожского перед ханом в 1432 году — были рассчитаны на восприятие со стороны ордынцев. Если вспомнить, что большинство определений знатных людей как

холопов в конце XV — начале XVI века (и именование «холопом» под 1245 год Даниила Романовича) имеют в виду лиц, зависимых от ханов, становится ясным, что перед нами намеренное подражание терминологии, выражающей в Орде политическую зависимость. «Холоп» — это всего лишь перевод принятых в государствах — наследниках империи Чингисхана терминов, обозначающих людей, зависимых непосредственно от ханов.

Исходным здесь было монгольское слово «богол» — дословно «раб». Известно, что во времена Чингисхана оно применялось для обозначения политической зависимости. Человеку относительно незнатному имя ханского «богола» надо было заслужить — оно давалось за особые заслуги. Этим же наименованием определялись зависимые народы и — по отношению к монгольским ханам — их правители. Надо сказать, что эта терминология очень рано отразилась в древнерусских источниках — сразу же после первого столкновения с монголами в 1223 году, приведшего к поражению от них на реке Калке.

Тогда монгольский отряд во главе с Субудаем и Джебэ, выйдя через Закавказье в Северное Причерноморье, разгромил половцев. Половцы обратились за помощью к русским князьям. Монголы же прислали в Киев к князю Мстиславу Романовичу посольство с целью не допустить русско-половецкого объединения сил против них. Согласно изложению новгородского летописца послы заявили русским князьям, что пришли не на них, а «на холопы и на конюси свое на поганяя половче». Очевидно, монгольские послы поименовали половцев именно своими «боголами», зависимой общностью, а русские перевели это слово как «холопы».

Любопытно соотнести этот эпизод с событиями, происшедшими почти три века спустя. Зимой 1501—1502 го-

дов. Московское государство находилось в состоянии войны с Великим княжеством Литовским, союзной ему Большой Ордой хана Ших-Ахмета, а вдобавок и с Ливонским Орденом. Союзник Ивана III — крымский хан Менгли-Гирей — большой активности пока не проявлял (позже, в мае-июне 1502 года, он пойдет на Большую Орду и нанесет ей решающее поражение). В этой ситуации Иван III направил в Большую Орду посольство во главе с ясельничим Давыдом Лихоревым. Цель посольства была попытаться оторвать Ших-Ахмета от союза с Литвой. Для этого Иван III соглашался (притворно, конечно) на признание своей зависимости от хана Большой Орды; туда была привезена (после 30-летнего перерыва!) дань. По словам второго человека в Большой Орде князя Тевекеля, зафиксированным в его письме великому князю литовскому Александру, Иван III обещал хану: «Ратай и холоп его буду». Вспомним: в 1223 году скотоводы-половцы были названы «холопами и пастухами». А в 1502 году правитель земледельческого народа называет себя «пахарем и холопом» хана. Перед нами явно «русские следы» одной и той же терминологии, обозначающей в монгольской традиции зависимость земледельческих и скотоводческих обществ и их правителей от ханов.

По-видимому, вначале монгольским *богол*, а затем, по мере утверждения в Орде тюркоязычия, его тюркским эквивалентом *кул* определялись по отношению к ханам Орды в числе прочих зависимых правителей русские князья: летописный рассказ о поездке Даниила Романовича в 1245 году к Батю донес сведения об одном из первых случаев такого определения, а именование Ивана III «холопом» хана Большой Орды в ордынско-литовской переписке конца XV—XVI века является запоздалым отголоском завершающего этапа зависимости русских князей от ордынских «царей».

Итак, исходное значение термина «холоп» по отношению к знатному лицу — «правитель, зависимый от хана», по-русски — «царя». Определение таким образом знатных людей по отношению к русским князьям следует признать подражанием ордынской терминологии.

Поэтому именование польского короля «холопом» в письме крымского хана в Москву 1523 года перестает выглядеть шокирующим. Как великий князь литовский, Сигизмунд I владел западными и южными русскими землями, которые и после своего перехода под литовскую власть в XIV веке продолжали, как говорилось в главе 13, платить дань Орде. Крымские ханы считали себя главными наследниками Орды и с 1460-х годов выдавали великим князьям литовским на эти земли ярлыки. В частности, Сигизмунд I, взойдя на престол, получил (в 1507 году) такой ярлык от отца Саадет-Гирея — Менгли-Гирея. Таким образом, во всяком случае с крымской точки зрения, король владел русскими землями по ханскому пожалованию, и поэтому являлся на них вассалом хана, т.е., по принятой в Орде и государствах — ее наследниках терминологии, «кулом», в переводе на русский — «холопом».

Но остается вопрос: почему в Московском государстве в конце XV века от единичных подражаний ордынской терминологии перешли к обязательному именованию знатым человеком себя в обращениях к правителю «холопом» государя?

Из дошедших до нас источников следует, что московские бояре начали последовательно определять себя по отношению к великому князю в качестве «холопов» между 1474 и 1489 годами. В 1474 году князь Даниил Холмский в крестоцеловальной записи на верность Ивану III называет себя «служгой» великого князя. За последующий 15-летний период документов с обращениями представи-

телей знати к великому князю не сохранилось. А с 1489 года в различных источниках — посланиях Ивану III от его наместников в городах, от московских послов в иных государствах, в тех же крестоцеловальных записях — присутствует уже обращение «холоп твой». Итак, 1470-е или 1480-е годы — вот время утверждения этого обращения.

А это была эпоха, когда Иван III обрел независимость от ордынского «царя» (см. об этом главу 12) и сам начал претендовать на царское достоинство. Что означало в свете этих претензий московского государя именование лиц из его окружения «холопами»? Оно означало, что зависимые от Ивана знатные люди начинают именовать себя так, как было принято называть вассалов «царя»! Ни о каком унижении не может быть и речи: называясь «холопами» великого князя, московские бояре подтверждали тем самым его новый, высший политический статус — независимого «царя».

Другое дело, что впоследствии, начиная с эпохи Ивана Грозного, совпадение определения служилых людей как «холопов» государя с наименованием людей несвободных способствовало развитию представлений о приниженном положении знати по отношению к правителю. Складывание системы крепостного права, после которого большинство рядового населения по своему юридическому положению стало много ближе к холопам, чем ранее, оказало, несомненно, серьезное воздействие на ментальность всех слоев населения. Но изначально определение знатными людьми себя в качестве «холопов» государя не имело целью унижение знати. Оно было направлено в первую очередь на повышение статуса великого князя. А кроме того, как ни парадоксально это может показаться, такое обращение к государю поднимало статус и самих представителей знати. Ведь кого прежде (да и в со-

временных эпохе Ивана III государствах — наследниках Орды) именовали «холопами» ханов («царей»? Князей. Следовательно, те, кто именовался «холопами» царя московского, тем самым приравнивались к князьям. Какое уж тут самоуничтожение...

Подведем итог.

Именование представителями знати Московской Руси в конце XV—XVII веке себя в обращениях к государю его «холопами» восходит к ордынской практике, где монгольским термином «богол», а затем его тюркским эквивалентом «кул» назывались знатные лица, непосредственно зависимые от ханов. Русское «холоп» было в данном случае дословным переводом этих слов. Совпадение этого определения с древним русским наименованием рабов — не более чем любопытный факт истории взаимодействия языков. К уничижению знати обращение «холоп твой» не имело в период его появления никакого отношения.

Источники: Полное собрание русских летописей. Т. 2. М., 2001 (Ипатьевская летопись; Т. 25. М. — Л., 1949 (Московский летописный свод конца XV века); Хождение за три моря Афанасия Никитина. Л., 1986; Сборник Русского исторического общества. Т. 41. СПб., 1884; Т. 95. СПб., 1895; Lietuvos metrika (1427—1506). Kniga № 5. Vilnius, 1993.

Литература: Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973; Мункуев Н.Ц. Заметки о древних монголах // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977; Горский А.А. Русь: От славянского Расселения до Московского царства. М., 2004. Часть 5, очерк 4.

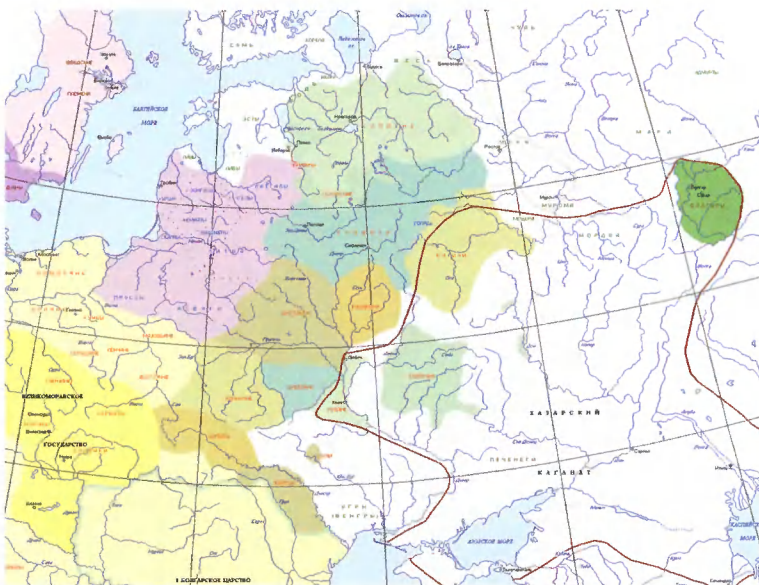
*Украшения кривичей.
XI—XII века*

*Украшения радимичей.
XI—XII века*

Н.К. Рерих. Заморские гости (варяги). 1898 год

Расселение славян в XI веке

*Рюрик. Фрагмент памятника
«Тысячелетие России» в Новгороде.
Современное фото*

*Рюрик. Кадр из мультфильма
«История Государства
Российского»*

*Рюрик. Миниатюра из «Царского
титularника». 1672 год*

Поход Аскольда и Дира на Царь-град (Константинополь).
 Миниатюра из Радзивилловской летописи

В.И. Штернберг. Аскольдова могила. 1837 год

Т.Г. Шевченко. Аскольдова могила. 1846 год

*Церковь Николая Чудотворца на «Аскольдовой могиле».
Киев. Современное фото*

*Киев в XI—XII веках. Вид с птичьего полета.
Кадр из мультфильма «История Государства Российского»*

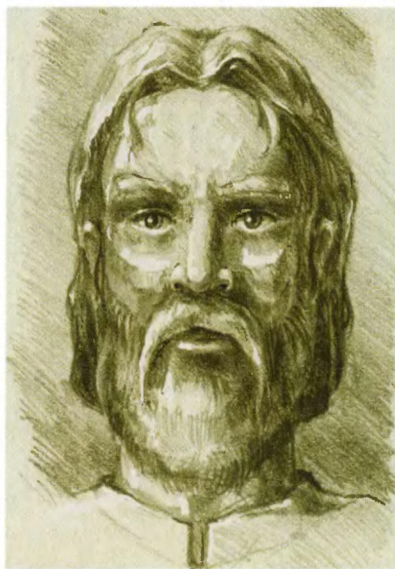
А.М. Васнецов. Основание Москвы. 1917 год

Н.К. Рерих. Путивль. 1903 год

*В.М. Васнецов. После побоища Игоря Святославовича с половцами.
1880 год*

*Владимир Красно Солнышко, после Крещения Руси — Владимир Святой.
Кадр из мультфильма «История Государства Российского»*

*Владимир Мономах.
Миниатюра из «Царского
титulyарника». 1672 год*

*Владимир Мономах.
Кадр из мультфильма «История
Государства Российского»*

*Шапка Мономаха — символ
государственной власти
в России на многие века*

*Ярослав Мудрый.
Миниатюра из «Царского
титулярника». 1672 год*

*Ярослав Мудрый.
Кадр из мультфильма «История
Государства Российского»*

*Памятник Ярославу Мудрому
в городе Бела́я Церковь.
Современное фото*

Н.К. Рерих. Александр Невский. 1942 год

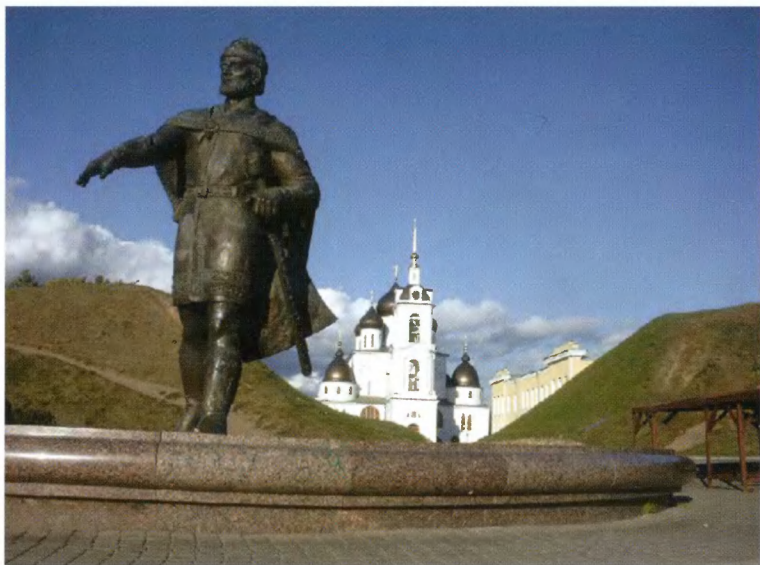
*Г.И. Угрюмов. Торжественный въезд Александра Невского в Псков
после одержанной им победы. 1793 год*

П.Д. Корин. Александр Невский. 1939 год

Памятник Юрию Долгорукому в Переяславле-Залесском. Современное фото

Памятник Юрию Долгорукому в Дмитрове. Современное фото

Памятник Юрию Долгорукому в Москве. Современное фото

*Золотые ворота во Владимире.
Современное фото*

*Храм Покрова на Нерли.
Возведен из белого камня
Андреем Боголюбским
в 1165 году*

*Андрей Боголюбский.
Современная
реконструкция*

*А.И. Иванов. Единоборство князя Мстислава Владимировича Удалого
с косожским князем Редедей. 1812 год*

Дмитрий Донской. Миниатюра из «Царского Титулярника». 1672 год

*Куликово поле. Храм Богородицы при слиянии Дона и Непрядвы.
Современное фото*

В.К. Сазонов. Дмитрий Донской на Куликовом поле. 1824 год

О.А. Кипренский. Дмитрий Донской на Куликовом поле. 1805 год

*Бой Пересвета и Челубея.
Миниатюра из Летописного свода XVI века*

*Сергий Радонежский благословляет Дмитрия Донского.
Миниатюра из Летописного свода XVI века*

*Куликовская битва. Сбор войск под Коломной.
Миниатюра из Летописного свода XVI века*

*Нахождение раненого князя Дмитрия Донского.
Миниатюра из Летописного свода XVI века*

А.М. Васнецов. Москва при Иване Калите. 1917 год

А.М. Васнецов. Вероятный вид на Кремль Дмитрия Донского со стороны Боровицких ворот перед нашествием Тохтамыша в 1382 году. 1922 год

А.М. Васнецов. Старая Москва. 1921 год

А.М. Васнецов. Оборона Москвы от хана Тохтамыша. 1382 год

Иван III Васильевич. Миниатюра из «Царского титулярника». 1672 год

Стояние на реке Угре. Миниатюра из Летописного свода XVI века

Река Угра. Современная фотография

Памятник в честь стояния на реке Угра. 1480 год

Оглавление

Предисловие	3
Глава 1. О так называемых племенах восточных славян	4
Глава 2. Причуды «варяжской проблемы»	20
Глава 3. Древнерусские «княжества»	44
Глава 4. «Феодализм»: «классическая» модель и действительность	57
Глава 5. Киевская Русь — «империя Рюриковичей»?	82
Глава 6. XII век: от Киевской Руси — к Владимирской?	91
Глава 7. Спор о «Слове о полку Игореве»	109
Глава 8. Княжеские прозвища	128
Глава 9. Русь и Орда (очерк 1-й): народные восстания и карательные походы	135
Глава 10. Русь и Орда (очерк 2-й): Тверь, Москва и Орда в начале XIV века	142
Глава 11. Русь и Орда (очерк 3-й): свергал ли Дмитрий Донской ордынское иго?	164
Глава 12. Русь и Орда (очерк 4-й): когда Москва освободилась от власти Орды?	180
Глава 13. Об «объединительных процессах» XIV—XV веков	195
Глава 14. «Холопство» московской знати	210

Научно-популярное издание

Горский Антон Анатольевич

РУССКОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Мифы и историческая действительность

Ведущий редактор *С.М. Киктев*
Компьютерная верстка *Е.В. Алферова*
Корректоры *М.Б. Быкова, Л.И. Гордеева*

Подписано в печать 20.04.10. Формат 84х108¹/₃₂.
Усл. печ. л. 11,76. Тираж 3000 экз. Заказ № 3978.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.012280.10.09 от 20.10.2009 г.

ООО «Издательство Астрель»
129085, г. Москва, проезд Ольминского, 3а

ООО «Агентство «КРПА Олимп»
115191, Москва, а/я 98
www.rus-olimp.ru
E-mail: olimpus06@rambler.ru

Издание осуществлено при техническом участии
ООО «Издательство АСТ»

Отпечатано с готовых файлов заказчика в ОАО «ИПК
«Ульяновский Дом печати». 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

*Как долго продолжалось татаро-монгольское иго?
Кто был автором «Слова о полку Игореве»?
Кто назвал Александра Невским,
а Ярослава Мудрым?
Известный историк Антон Горский ответит
на эти и многие другие вопросы. Автор восстановил
историческую справедливость
и развенчал некоторые из мифов так называемой
альтернативной истории. Взгляды автора
тем не менее сильно отличаются
от официально признанных.
Так о чем молчат школьные учебники истории?
Что скрывают Фоменко и Носовский? Вы узнаете
 всю правду, прочитав эту книгу.*

www.elkniga.ru

ISBN 978-5-271-23786-7

9 785271 237867